Министерство образования и науки Российской Федерации
Дагестанский государственный педагогический университет
ISSN 1995-0667 (Print)
ISSN 2500-2473 (Online)

Научный журнал

Известия Дагестанского государственного педагогического университета серия «Общественные и гуманитарные науки»

Т. 10. № 3. 2016

*Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (1 декабря 2015 года).*

***Учредитель журнала:** Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный педагогический университет». Издается по решению ученого совета ДГПУ с 2007 г. Периодичность – 4 номера в год.*

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-65762 от 20 мая 2016 года.

Редакционный совет журнала:

Атаев Загир Вагитович, канд. геогр. наук, проф., проректор по научной работе ДГПУ – главный редактор;
Акавов Забит Насирович, д-р филол. наук, проф., директор НИИ филологии, проф. кафедры литературы ДГПУ;
Амирханов Хизри Амирханович, д-р ист. наук, проф., директор ИИАЭ ДНЦ РАН, чл.-корр. РАН;
Асхабов Асхаб Магомедович, д-р геол.-минерал. наук, проф., директор Института геологии, председатель Коми научного центра Уральского отделения РАН, академик РАН;
Аусма Шпона, д-р пед. наук, проф. Рижской академии педагогики и управления образованием (Латвия);
Гасанова Марьям Давудовна, канд. пед. наук, доц., первый проректор, ДГПУ;
Магомедалиева Ирайсат Сергоевна, канд. филол. наук, доц., проректор по воспитательной и социальной работе ДГПУ;
Магомедов Магомед Ибрагимович, д-р филол. наук, проф., директор ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН;
Магомедов Магомедрасул Дибирович, д-р биол. наук, проф., директор ПИБР ДНЦ РАН, чл.-корр. РАН;
Маллаев Джафар Микаилович, д-р пед. наук, проф., зав. каф. коррекционной педагогики и специальной психологии ДГПУ, чл.-корр. РАО;
Омаров Омар Алиевич, д-р физ.-мат. наук, проф., директор Института национальных проблем образования, акад. РАО;
Омарова Наида Омаровна, д-р физ.-мат. наук, проф., зам. директора по науке Института национальных проблем образования, чл.-корр. РАО;
Серкеров Самур Эльмирович, канд. юрид. наук, доц., проректор по административно-правовой работе ДГПУ;
Сфиева Диана Касумовна, канд. техн. наук, доц., начальник РИО ДГПУ;
Темботова Фатимат Асланбиевна, д-р биол. наук, проф., директор Института экологии горных территорий КБНЦ РАН, чл.-корр. РАН;
Фишер Зофия, профессор, зав. кафедрой ландшафтной экологии Люблянского Католического университета (Польша).

Редакционная коллегия серии «Общественные и гуманитарные науки»:

Акавов Забит Насирович, д-р филол. наук, проф., директор НИИ филологии, проф. кафедры литературы ДГПУ – председатель;
Абдуллаев Алилгаджи Абдуллаевич, д-р филол. наук, проф. каф. теоретических основ и ТНЯО, ДГПУ;
Абдуллаева Тамара Курбановна, д-р экон. наук, проф., зав. каф менеджмента ДГТУ;
Акимов Рустам Акимович, д-р филос. наук, проф., зав. каф. философии и культурологии ДГПУ;
Алиев Магомед Абдуллаевич, д-р экон. наук, профессор каф. экономической теории ДГПУ;
Гаджиахмедов Нурмагомед Эльдерханович, д-р филол. наук, проф., зав. каф. теоретической и прикладной лингвистики ДГУ;
Гаджиев Эльдар Набиевич, д-р филол. наук, проф. каф. романо-германских и восточных языков ДГПУ;
Гаджиев Назирхан Гаджиевич, д-р экон. наук, проф. каф. бух. учета и аудита, проректор по экономике и финансам ДГУ;
Гарунова Нина Нурмагомедовна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России XX-XXI вв. ДГУ;
Гасанов Магомед Раджабович, д-р ист. наук, проф., зав. каф. истории ДГПУ;
Джахиева Эльмира Гаджиабдуллаевна, д-р ист. наук, проф. каф всеобщей истории ДГУ;
Дибиров Ибрагим Ашрапудинович, д-р филол. наук, проф., зав. каф. русского языка в национальной школе ДГПУ;
Закарияев Замир Шахбанович, д-р ист. наук, проф. кафедры иностранных языков ДГУ;
Исалова Маржанат Нурулаевна, д-р экон. наук, проф., зав. каф. бухгалтерского учета ДГУ;
Кадимов Руслан Гаджимурадович, д-р филол. наук, проф., декан филологического факультета, зав. каф . теории и истории русского языка ДГПУ;
Казибекова Наида Аликулиевна, д-р экон. наук, проф., зав. каф. экономической теории ДГПУ;
Казиева Альмира Магометовна, д-р филол. наук, проф., директор Северокавказского НИИ филологии ПГЛУ;
Магомедов Арбули Гунашевич, д-р экон. наук, проф. каф. экономики и управления в строительстве и машиностроении ДГТУ;
Магомедов Назим Абдурахманович, д-р ист. наук, проф., зав. отделом древней и средневековой истории Дагестана ИИАЭ ДНЦ РАН;
Магомедова Мадина Маликовна, д-р экон. наук, проф., проректор по воспитательной работе ДГУ;
Мусаев Абдулзагир Бозгитович, проф., зав. каф. живописи ДГПУ, чл.-корр. РАХ;
Османов Ахмед Ибрагимович, д-р ист. наук, проф., ведущий специалист Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, чл.-корр. РАН;
Петросянц Виктор Завенович, д-р экон. наук, главный научный сотрудник ИСЭИ ДНЦ РАН;
Рустамов Хасплат Умалатович, д-р юрид. наук, проф., судья Конституционного Суда Республики Дагестан;
Чеерчиев Мугума Чеерчиевич, д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего языкознания ДГПУ;
Эмирова Маги Нурмагомедовна, канд ист. наук, проф., зав. каф. истории России ДГПУ.

© Авторы статей, 2016
© Дагестанский государственный педагогический университет, 2016

По вопросам размещения рекламы и публикации статей обращаться в редакцию:
367003 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57. Редакционно-издательский отдел ДГПУ.
Тел.: (8722) 675187; www.dgpu.net e-mail: dgpurio@yandex.ru

Ministry of Education and Science, the Russian Federation
Dagestan State Pedagogical University

ISSN 1995-0667 (Print)
ISSN 2500-2473 (Online)

Scientific journal

Dagestan State Pedagogical University
JOURNAL
Social and Humanitarian Sciences

Vol. 10. No. 3. 2016

The journal is included into the ***List of leading reviewed scientific journals and publications****, where main scientific results of dissertations on applying for scientific degree of Doctor of Sciences, applying for scientific degree of Candidate of Sciences should be published (December, 01, 2015).*

The journal is founded by: *"Dagestan State Pedagogical University" Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Published by the decision of DSPU Academic Council since 2007. Periodicity - 4 issues a year.*

Registered by Federal Service on Supervision in the sphere of Communication and Mass Media.
Registration certificate ПИ №ФС77-65762 from May, 20, 2016.

Editorial Board of the Journal

Ataev Zagir Vagitovich, Candidate of Geography, professor, vice-rector for Science, DSPU – editor-in-chief;
Akavov Zabit Nasirovich, Doctor of Philology, professor, director, Institute of Philology, professor, the chair of Literature, DSPU;
Amirkhanov Khizri Amirkhanovich, Doctor of History, professor, director, IHAE, DSC RAS, Corresponding Member, RAS;
Askhabov Askhab Magomedovich, Doctor of Geology and Mineralogy, professor, director, Institute of Geology, chairman, Komi Scientific Centre, Ural branch, RAS, academician, RAS;
Ausma Shpona, Doctor of Pedagogy, professor, Riga Academy of Pedagogics and School Management (Latvia);
Gasanova Maryam Davudovna, Candidate of Pedagogy, assistant professor, the first vice-rector, DSPU;
Magomedalieva Iraysat Sergoevna, Candidate of Philology, assistant professor, vice-rector for Education and Social Work, DSPU;
Magomedov Magomed Ibragimovich, Doctor of Philology, professor, director, G. Tsadasa ILLA, DSC RAS;
Magomedov Magomedrasul Dibirovich, Doctor of Biology, professor, director. CIBR, DSC RAS, Corresponding Member, RAS;
Mallaev Dzhafar Mikailovich, Doctor of Pedagogy, professor, the head of the chair of Correctional Pedagogy and Special Psychology, DSPU, Corresponding Member, RAE;
Omarov Omar Alievich, Doctor of Physics and Mathematics, professor, director, Institute of National Problems in Education, academician, RAE;
Omarova Naida Omarovna, Doctor of Physics and Mathematics, professor, deputy director for Science, Institute of National Problems in Education, Corresponding Member, RAE;
Serkerov Samur Elmirovich, Candidate of Jurisprudence, assistant professor, vice-rector for Administrative and Juridical Work, DSPU;
Sfieva Diana Kasumovna, Candidate of Technical Science, assistant professor, head of EPD, DSPU;
Tembotova Fatimat Aslanbievna, Doctor of Biology, professor, director, Institute of Ecology of Mountain Areas, KBSC RAS, Corresponding Member, RAS;
Fisher Zofia, professor, the head of the chair of Landscape Ecology, Lyublyana Catholic University (Poland).

Editorial Council of "Social and Humanitarian Sciences" series:

Akavov Zabit Nasirovich, Doctor of Philology, professor, the chair of Literature, DSPU, Corresponding Member, RANS – chairman;
Abdullaev Alilgadzhi Abdullaevich, Doctor of Philology, professor, the chair of Theoretical Bases and TPLE, DSPU;
Abdullaeva Tamara Kurbanovna, Doctor of Economy, professor, the head of the chair of Management, DSTU;
Akimov Rustam Akimovich, Doctor of Philosophy, professor, the head of the chair of Philosophy and Cultural Studies, DSPU;
Aliev Magomed Abdullaevich, Doctor of Economy, professor, the chair of Economic Theory, DSPU;
Cheerchiev Muguma Cheerchievich, Doctor of Philology, professor, the head of the chair of General Linguistics, DSPU;
Dibirov Ibragim Ashrapudinovich, Doctor of Philology, professor, the head of the chair of Russian at the Ethnic school, DSPU;
Dzhahieva Elmira Gadzhiabdullaevna, Doctor of History, professor, the chair of General History, DSU;
Emirova Magi Nurmagomedovna, Candidate of History, professor, the head of the chair of Russia, DSPU;
Gadzhiakhmedov Nurmagomed Elderkhanovich, Doctor of Philology, professor, the head of the chair of Theoretic and Applied Linguistics, DSU;
Gadzhiev Eldar Nabievich, Doctor of Philology, professor, the chair of Romano-Germanic and Oriental Languages, DSPU;
Gadzhiev Nazirkhan Gadzhievich, Doctor of Economy, professor, the chair of Accounting and Audit, vice-rector for Economy and Finance, DSU;
Garunova Nina Nurmagomedovna, Doctor of History, professor, the chair of History of Russia of the 20th-21st centuries, DSU;
Gasanov Magomed Radzhabovich, Doctor of History, professor, the head of the chair of History, DSPU;
Isalova Marzhanat Nurulaevna, Doctor of Economy, professor, the head of the chair of Accounting, DSU;
Kadimov Ruslan Gadzhimuradovich, Doctor of Philology, professor, dean, Philological Faculty, the head of the chair of Theory and History of Russian, DSPU;
Kazibekova Naida Alikulievna, Doctor of Economy, professor, the head of the chair of Economic Theory, DSPU;
Kazieva Almira Magometovna, Doctor of Philology, professor, director, the North-Caucasian SRI of Philology, PSLU;
Magomedov Arbuli Gunashevich, Doctor of Economy, professor, the chair of Economy and Management in Construction and Engineering, DSTU;
Magomedov Nazim Abdurahmanovich, Doctor of History, professor, the head of the department of Ancient and Medieval History of Dagestan, IHAE, DSC RAS;
Magomedova Madina Malikovna, Doctor of Economy, vice-rector for Education, DSU;
Musaev Abdulzagir Bozgitovich, professor, the head of the chair of Painting, DSPU, Corresponding Member, RAP;
Osmanov Akhmed Ibragimovich, Doctor of History, professor, leading specialist, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DSC RAS, Corresponding Member, RAS;
Petrosyants Victor Zavenovich, Doctor of Economy, leading researcher, ISER, DSC RAS;
Rustamov Khasplat Umalatovich, Doctor of Juridical Science, professor, judge, Constitutional Court, the Republic of Dagestan;
Zakariyaev Zamir Shahbanovich, Doctor of History, professor, the chair of Foreign Languages, DSU.

© Authors of the articles, 2016
© Dagestan State Pedagogical Unicversity, 2016

Concerning the advertising and publication issues, you should address to our editorial office:
57, Yaragskogo Str., Makhachkala, 367003. Editorial and Publishing Department, DSPU.
Phone: (8722) 675187; www.dgpu.net e-mail: dgpurio@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гасанов М. Р. К ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОГО НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ ДАГЕСТАНСКИХ ГОРЦЕВ 5
Магаррамов М. Д., Омаров А. А., Курбанов М. А. ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА 10
Мугутдинова Н. Ш., Раджабова З. К. ПОДГОТОВКА ТЕАТРАЛЬНЫХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ КАДРОВ В СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ДАГЕСТАНА В 1960-1970 гг. 15
Мугутдинова Н. Ш. РОСТ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ В ДАГЕСТАНЕ В 1960-1980 гг. 18

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абдуллаев А. А., Шахбанова Д. Н., Рамазанова Д. А. КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 24
Абдуллаева З. К. КОНТРАСТНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ИЗОБРАЖЕНИЯ 29
Асеков З. И., Салманов М. А. ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ ПРИРОДЫ И ТРУДА В ПОЭЗИИ ГОРЦЕВ XIX-НАЧАЛА XX вв. 35
Басина О. А. СВОЕОБРАЗИЕ И ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА КНИГИ СТИХОВ М. А. ВОЛОШИНА «НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА» 41
Биданок М. М. ФРАЗЕОЛОГИЗМ, ОТОБРАЖАЮЩИЙ ДЕЙСТВИЕ, И ЕГО СИСТЕМАТИЗАЦИЯ (на примере текста Х. Ашинова) 45
Дибирова А. С., Омарова С. И., Абдусаламова М. М. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ АВАРСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ХУНЗАХСКОГО ДИАЛЕКТА) И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ 49
Кадимов Р. Г. ПОЭТИКА ФОНИКИ И СИНТАКСИСА 55
Казбеков А. К., Мурадханова Т. И., Акавова С. С. СВЯЗИ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ В ГНЕЗДЕ. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОМОНИМИЯ И ПОЛИСЕМИЯ (на материале лезгинского языка) 59
Кахриманова Г. С., Курбанов М. М. ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РОМАНА Б. РАДЖАБОВА «НАМУСНАН СИР» («ТАЙНА НАМУСА») 63
Курбанов М. М., Ахмедов А. Х. ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ ДАГЕСТАНА 68
Магомедова З. К. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЖЛИВОСТИ В АВАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 73
Маллалиев Г. Н., Ахмедов А. Х. ИНСТИТУТ БРАКА В ТАБАСАРАНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА 78
Меджидов М. Г. СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА АНДАЛАЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА АВАРСКОГО ЯЗЫКА 83
Пахрутдинова Р. У. ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЗЫ АТКАЯ АДЖАМАТОВА 89
Сафарли Л. Ш. К ВОПРОСУ О НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ОЦЕНОК И ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ТРАКТОВКЕ ОБРАЗА ДОН КИХОТА В «ВЕЧНЫХ СПУТНИКАХ» Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО 93
Халидова Р. Ш. ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАРАТИНСКОГО ЯЗЫКА 99
Чамсединова Г. Ш. «ИСКУССТВО ВИДЕТЬ МИР»: М. ПРИШВИН О ЛИТЕРАТУРНОМ ТРУДЕ 104

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Меджидов Г. С. СПОСОБЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ТОВАРОВ И УСЛУГ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ..109

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 114

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Gasanov M. R. THE HISTORY OF THE DAGESTAN MOUNTAINEERS' TRADITIONAL FOLK CALENDAR 5
Magarramov M. D., Omarov A. A., Kurbanov M. A. THE LATENT CRIME THROUGH THE PRISM OF THE HISTORY OF CONSTITUTIONAL STATE FUNCTIONING PRINCIPLES .. 10
Mugutdinova N. Sh., Radzhabova Z. K. THE THEATRE AND MUSIC STAFF'S TRAINING IN SECONDARY SPECIALIZED EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF DAGESTAN IN 1960-1970s. 15
Mugutdinova N. Sh. THE GROWTH OF A RURAL INTELLIGENTSIA AND THEIR SOCIAL ROLE IN DAGESTAN IN 1960-1980s. 18

PHILOLOGICAL SCIENCES

Abdullaev A. A., Shakhbanova D. N., Ramazanova D. A. THE RUSSIAN SPEECH CULTURE AS A TOPICAL LINGUISTIC PROBLEM 24
Abdullaeva Z. K. THE CONTRAST CORRELATION AS A STYLISTIC DEPICTION DEVICE 29
Asekov Z. I., Salmanov M. A. THE NATURE AND LABOUR AESTHETIC PROBLEMS IN THE MOUNTAINEERS' POETRY IN THE 19th CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 20th ONE 35
Basina O. A. THE ORIGINALITY AND GENRE SPECIFICS OF THE "BURNING BUSH" BOOK OF POEMS BY M. A. VOLOSHIN 41
Bidanok M. M. THE IDIOM SHOWING THE ACTION AND ITS SYSTEMATIZATION (BY THE EXAMPLE OF KH. ASHINOV'S TEXT) 45
Dibirova A. S., Omarova S. I., Abdusalamova M. M. THE ETHNO-CULTURAL COMPONENT IN THE AVAR (basing on the Khunzakh dialect) AND ENGLISH DIALECT PHRASEOLOGY 49
Kadimov R. G. THE PHONIC AND SYNTAX POETICS 55
Kazbekov A. K., Muradkhanova T. I., Akavova S. S. THE CONNECTION OF SINGLE-ROOT WORDS IN THE FAMILY. WORD FORMATION HOMONYMY AND POLYSEMY (basing on the Lezghin language) 59
Kakhrimanova G. S., Kurbanov M. M. THE FOLKLORE AND HISTORICAL SOURCES OF "THE MYSTERY OF NAMUS" NOVEL BY B. RADZHABOV 63
Kurbanov M. M., Akhmedov A. Kh. LEGENDS AND MYTHS OF DAGESTAN PEOPLES' FOLKLORE AND LITERATURES 68
Magomedova Z. K. THE COMMUNICATIVE PRAGMATIC ASPECT OF REALIZING THE POLITENESS IN THE AVAR LANGUAGE AND IN ENGLISH 73
Mallaliev G. N., Akhmedov A. Kh. THE INSTITUTION OF MARRIAGE IN THE TABASARAN PAROEMIOLOGICAL WORLD-IMAGE 78
Medzhidov M. G. THE SOMATIC VOCABULARY OF THE ANDALAL DIALECT OF THE AVAR LANGUAGE 83
Pakhrutdinova R. U. THE ARTISTIC AND STYLISTIC ORIGINALITY OF ATKAY ADZHAMATOV'S PROSE 89
Safarli L. Sh. THE PROBLEM OF THE CHALLENGES IN ESTIMATING AND CONTRADICTIONS IN THE INTERPRETATION OF DON QUIXOTE'S IMAGE IN "ETERNAL COMPANIONS" BY D. S. MEREZHKOVSKY 93
Khalidova R. Sh. THE LIVESTOCK VOCABULARY OF THE KARATA LANGUAGE 99
Chamsedinova G. Sh. "THE ART OF SEEING THE WORLD": M. PRISHVIN ON THE LITERARY WORK 104

ECONOMICAL SCIENCES

Medzhidov G. S. THE WAYS OF PROMOTING GOODS AND SERVICES VIA INTERNET 109

RULES FOR THE AUTHORS 114

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Исторические науки / Historical Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 94(470.67) / UDC 94(470.67)

К истории традиционного народного календаря дагестанских горцев

©2016 **Гасанов М. Р.**
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: elmira.magomedova.73@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Разработка темы, посвященной народному календарю дагестанских горцев, имеет актуальное значение в научном и практическом отношении. Отдельные вопросы темы освещены в литературе. При написании статьи использованы разнообразные материалы, источники литературы, а также историко-этнографический материал, собранный в период экспедиций 1968-1972 гг. в различные районы Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, Северо-Восточный Кавказ, Египет, Ассирия, Передняя Азия, лунный и солнечный календари, Закавказье, дагестанские горцы.

Формат цитирования: Гасанов М. Р. К истории традиционного народного календаря дагестанских горцев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 5-9.

The History of the Dagestan Mountaineers' Traditional Folk Calendar

© 2016 **Magomed R. Gasanov**
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: elmira.magomedova.73@mail.ru

ABSTRACT. The development of theme dedicated to the Dagestan mountaineers' folk calendar, is relevant in scientific and practical terms. Single issues of the topic had been described in the literature. When writing the article the author used diverse materials, literature sources as well as historical and ethnographic material collected in the period of 1968-1972 expeditions in different parts of Dagestan.

Keywords: Dagestan, North-Eastern Caucasus, Egypt, Assyria, Southwest Asia, lunar and solar calendars, Transcaucasia, Dagestan mountaineers.

For citation: Gasanov M. R. The History of the Dagestan Mountaineers' Traditional Folk Calendar. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 5-9. (In Russian)

Изучение народного календаря дагестанских горцев имеет важное значение в научном и практическом отношении. На протяжении многовековой истории дагестанские народы выработали календарь, который является одним из компонентов уровня их развития. Изучение данной темы диктуется также необходимостью раскрытия проблемы этногенеза и освещения связей народов Дагестана с различными народами и странами. Календарь сконцентрировал в себе опыт хозяйствования мно-

гих поколений дагестанских народов. На протяжении веков календарь дагестанских горцев впитывал в себя необходимые практические знания каждой новой эпохи. Этой проблеме посвящены статьи [4], сборники научных трудов [8], доклады на научных конференциях.

Большой интерес для освещения темы представляют труды Е. И. Каменцевой [5], А. П. Пронштейна, В. Я. Кияшко [6], Э. Бикерман [1] и др., в которых дается представление о лунном и солнечном исчислении времени, о мусульманской и других системах счета времени.

Данная статья, может быть, послужит стимулом активизации постановки темы дагестанского народного календаря.

Представление о времени у людей возникло на ранних этапах социального развития в связи с определенными климатическими, природными явлениями, а потребности хозяйственной жизни вызвали необходимость установления единиц времени и их учета. Люди всегда воспринимали течение времени, знали смену дня ночью, различали времена года. Первой единицей измерения времени в истории человечества были солнечные сутки, т. е. отрезок времени между двумя последовательными положениями Солнца в одной и той же точке.

Современное деление суток на часы, минуты и секунды ведет свое происхождение от древневавилонской двенадцатеричной системы счисления. Со временем были выработаны более крупные единицы измерения времени – десяти-, двадцатидневки и т. д. За единицу измерения времени был положен промежуток между двумя одинаковыми фазами Луны. Так как легче всего было заметить после безлунных ночей появление узкого лунного серпа, то этот момент был принят за начало нового месяца. Считалось, что в конце этого времени происходило сближение Солнца и Луны. Срок от новолуния до новолуния получил название синодического месяца (от греческого слова *синодос* – «сближение»). Этот месяц был равен примерно 29,5 суток.

Дальнейшее развитие земледелия и скотоводства вызвало потребность в учете времени по сезонам, определяемым летним и зимним солнцестоянием, весенним и осенним равноденствием. Регулярная смена времен года позволила уже древним астрономам установить связь сезонов с движением Солнца по звездному небу, а фактически – с движением Земли вокруг Солнца. Так возникла еще одна единица измерения времени – год, соответствующая полному обороту земли вокруг Солнца. Продолжительность астрономического года определялась в 365 ÷ суток.

Данные природой единицы исчисления времени – сутки, месяц и год – легли в основу древнейших календарей. Наиболее распространенные из них – лунная, где сутки согласуются с месяцем, лунно-солнечная, в которой сутки и месяц согласуются с годом, и солнечная, когда согласуются год и сутки.

Лунные календари, возникли в древнем Вавилоне в середине III тысячелетия до н. э. Ими же пользовались различные народы. По лунному календарю каждый месяц начинаясь с новолунья, длился попеременно 29 и 30 суток. 12 месяцев составляли лунный год, который равнялся 354 суткам. Поскольку фактически сутки несколько больше календарных, то синодический месяц тоже был больше календарного (на 44 минуты 2,9 секунды). Это делало необходимым через какое-то количество лет вставлять в календарный год один дополнительный день. Так как год по лунному календарю длился 354 (иногда 355) дня, то начало его опережало год солнечного календаря каждый раз на 11 суток. Делать прогнозы проведения сельскохозяйственных работ по такому календарю было практически невозможно. Следовательно, лунный календарь оказался неудобным для народов, переходивших к земледелию, и нельзя считать случайным тот факт, что постепенно они перешли на лунно-солнечный календарь. И только у мусульманских народов (по религиозным соображениям) лунный календарь сохранился вплоть до настоящего времени.

Стремление согласовать смену фаз луны с годичным движением Солнца выразилось в появлении лунно-солнечных календарей, в которых с этой целью периодически вставлялся дополнительный месяц. Впервые такой календарь был создан в Китае за три тысячи лет до нашей эры, затем, независимо от него, был введен в Вавилоне в XVIII в. до н. э. по приказу царя Хаммурапи. Спустя тысячелетие он распространился в Ассирии, затем в других странах. В настоящее время лунно-солнечный календарь применяется только для расчета еврейских религиозных праздников.

Еще до возникновения лунного календаря, примерно за четыре тысячи лет до нашей эры, в древнем Египте возник сол-

нечный календарь. Он оказался наиболее удобным из всех календарей и постепенно распространился в большинстве стран мира. В Египте год состоял из 365 солнечных суток.

Уже в древнем Египте год стали делить на 12 равных месяцев, по 30 дней. Это составляло 360 дней. Чтобы уравнять такой год с астрономическим, через некоторое время к последнему месяцу стали добавлять еще по 5 дней, посвященных египетским богам.

Солнечный календарь распространился и на Кавказ, в том числе и в Дагестан. В дагестанских горах несколько десятилетий тому назад на скале обнаружен рисунок солнечного календаря, возраст которого составляет более 5 тыс. лет. Это наглядное подтверждение того, что в Дагестане уже тогда был в обиходе солнечный календарь [3].

Условия социально-экономической жизни дагестанских горцев вызвали появление у них, как и у остальных народов, своей системы исчисления времени и деление его на определенные промежутки, отрезки.

В древности в Дагестане в основном пользовались фенологическим календарем, который был непосредственно связан с трудовой деятельностью человека. Различные отрезки годового времени горцы характеризовали в соответствии с природными и климатическими явлениями.

Семидневная неделя, которая возникла в древнем Вавилоне, была заимствована жителями Кавказа, в том числе и Дагестана. Древние же вавилоняне семидневку установили в соответствии с лунными циклами.

Кроме того, они замечали, что в небе блуждают семь светил, которые позже были названы планетами. Это Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн. Так возникла и семидневная неделя. Местные названия дней семидневной недели не сохранились, но имеются их арабские названия: *этни* – понедельник, *талат* – вторник, *гьербе* – среда, *хамис* – четверг, *джумя* – пятница, *киш* – суббота. Ежегодно лунный год отставал от солнечного на 11 суток. Поэтому все события мусульманской религии наступали на 11 суток раньше, чем в прошлый год. Лунно-солнечным календарем руководствовались земледельцы и скотоводы. Эта система была перенята в древности арабами. Благодаря принятию ислама в Дагестан попал и лунный календарь.

Народы Дагестана исходили из того, что всегда солнце всходит с восточной стороны, заходит – с западной. Измерять время, т. е. промежутки времени, оказалось возможным, сопоставляя их с другими явлениями, которые повторялись периодически. Так, наблюдения за сменой дня и ночи дали горцам, как и другим народам, естественную единицу времени – сутки, наблюдения за сменой фаз луны, продолжительность месяцев; смену времен года, связанную с резким изменением природных условий и их периодическое повторение – тропический год. Народам Дагестана были знакомы и имели свои национальные названия такие элементы сферической астрономии, связанные с солнцем, как «зенит», «закат», «восход» и др., с луной – «новолуние», «полнолуние» и др.

Сама идея деления года на промежутки времени, различные по климатическим условиям, для народов Дагестана весьма древняя. Главным в установлении границ между отдельными промежутками для горцев было определение времени года, их начала и конца, их продолжительности.

У народов Дагестана функционировали лунный, лунно-солнечный и солнечный календари.

Как и остальным народам, горцам Дагестана были знакомы смены фаз луны. Год лунного календаря состоял из 354 дней: из 6 месяцев по 30 дней в каждом и 6 – по 29 дней.

На протяжении длительного периода истории преобладающим у дагестанских горцев был солнечный календарь, в основе которого лежала продолжительность года в 365,5 суток. Началом года считалось 22 марта. Этим календарем руководствовались дагестанские народы в своей хозяйственно- практической деятельности. В календарях народов древних стран Передней Азии, в частности, Египта, Вавилонии, Ассирии и др. отражалась хозяйственная направленность названий месяцев. Календари этих стран являлись основой народного календаря дагестанских и многих закавказских и северокавказских народов.

Год народов Дагестана, основанный на солнечном календаре, делился на четыре отрезка времени: весна, лето, осень, зима. Весна начиналась 22 марта со дня весеннего

равноденствия и продолжалась до дня летнего солнцестояния, т. е. по 21 июня. 22 марта – начало календарного и сельскохозяйственного года. Эту дату горцы отмечали особенно торжественно. По народному календарю лето длилось со дня летнего солнцестояния (22 июня) до дня осеннего равноденствия (21 сентября). Это – период уборки урожая и сенокоса, вспашки полей. Осень начиналась со дня осеннего равноденствия, т.е., 22 сентября и продолжалась по 21 декабря, до дня зимнего солнцестояния. В этот период горцы завершали сев озимых, молотьбу хлебов, сбор урожая фруктов, заготавливали фрукты. Зима продолжалась с 22 декабря, со дня зимнего солнцестояния, до 22 марта, дня весеннего равноденствия. Это время, когда горцы занимались работами по дому. Ответственным был этот период для скотоводов, а также шла подготовка сельхозинвентаря к весенним полевым работам, горцы выносили удобрения на поля, готовили посевное зерно. Каждое время года состояло из трех месяцев. За отдельными месяцами закреплялись названия земледельческих и скотоводческих работ. Так, апрель у земледельцев – месяц пахоты, а у скотоводов – месяц выгона скота в поле; май – месяц цветов и месяц перегона скота и т. д.

Это свидетельствует о том, что вся производственная жизнь людей вытекала из сезонной смены времен года. Хозяйственная направленность названий месяцев характерна и древним календарям Двуречья, ставшим в последующем образцами для поздних календарей и других народов [2], они также целиком были связаны с особенностями быта древних жителей Месопотамии.

Традиция деления года на 12 месяцев сложилась в Древнем Египте, хотя наблюдения делались и в Шумере, Аккаде, Вавилонии. Как считают исследователи, деление произошло в эпоху неолита. Традиция делить год на 12 месяцев была заимствована жителями Месопотамии, Закавказья и других регионов.

Дагестанские народы, как и остальные, подвергались культурному влиянию более цивилизационных народов. Народный календарь дагестанских горцев, существовавший в древности, был заменен мусульманским. Развитая форма лунного календаря горцам Дагестана была привнесена мусульманской религией, использовалась ими для определения дат мусульманских религиозных праздников, совершения паломничества и т. д. Мусульмане-горцы и по сей день используют арабские названия месяцев: *мухаррам, сафар, раби ал-аввал, раби ас-сани, джумада ал-уля, джумада ал-ахира, раджаб, шабан, рамазан, шаввал, зу-л-када, зу-л-хиджа.* Что касается местных, народных названий месяцев календарного года, то они постепенно терялись и сейчас остались лишь в обиходе отдельных лиц пожилого возраста.

К народам Дагестана проникли нынешние названия месяцев вместе с юлианским календарем, особенно после присоединения к России и стали употребительными наравне с укоренившимися арабскими, проникшими сюда ранее, названиями месяцев.

Как видно из изложенного материала, календарный солнечный год горцев был распределен на периоды и подогнан к различным видам сельскохозяйственных работ. Виды работ и названия периодов свидетельствуют о преобладании земледельческой терминологии, о древности и ведущей роли земледельческого хозяйства населения Дагестана.

Возникновение народного календаря – это результат трудовой деятельности народа, развития его духовной культуры и представлений об окружающем мире. Календарь возник на ранних этапах развития человеческого общества как «свод указаний для практической деятельности человека, свод построений на основании длительного опыта» [7].

Общность исторических судеб, регулярные взаимосвязи и взаимовлияния породили однотипные календари дагестанских горцев еще с древнейших времен. Одинаковое социально-экономическое и политическое развитие порождало и одинаковое видение мира, а также мироощущение, мировоззрение, которое отчетливо отразилось в сельскохозяйственных календарях народов Дагестана.

Литература

1. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.

2. Дьяконов И. М. Основы хронологии Вавилонии и Ассирии // Бикерман Э. Хронология

древнего мира. Ближний Восток и античность. М. 1975. 307 с.

3. Исрапилов М. И. Солнечные календари Кегерского нагорья. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991. 210 с.

4. Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1987. 315 с.

5. Каменцева Е. И. Хронология. М., 1967. 160 с.

6. Пронштейн А. П, Кияшко В. Я. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1973. 248 с.

7. Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI-XIX веков. М., 1957. 218 с.

8. Чурсин Г. Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. Тифлис. 1927. 148 с.

References

1. Bikerman E. *Khronologiya drevnego mira. Blizhniy Vostok i antichnost'* [Chronology of the ancient world. Middle East and Antiquity]. Moscow, 1975. (In Russian)

2. Dyakonov I. M. *Osnovy khronologii Vavilonii i Assirii* [Bases of chronology of Babylonia and Assyria] // Bikerman E. Chronology of the ancient world. Middle East and Antiquity. Moscow, 1975. 307 p. (In Russian)

3. Israpilov M. I. *Solnechnye kalendari Kegerskogo nagor'ya* [Solar calendars of Keger Upland]. Makhachkala, Dagknigoizdat Publ., 1991. 210 p. (In Russian)

4. *Kalendar' i kalendarnye obryady narodov Dagestana* [Calendar and calendar ceremonies of the people of Dagestan]. Collected articles. Makhachkala, 1987. 315 p. (In Russian)

5. Kamentseva E. I. *Khronologiya* [Chronology]. Moscow, 1967. 160 p. (In Russian)

6. Pronstein A. P, Kiyashko V. Ya. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. Moscow, 1973. 248 p. (In Russian)

7. Chicherov V. I. *Zimniy period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendarya XVI-XIX vekov* [Winter period of the Russian national agricultural calendar of the 16-19th centuries]. Moscow, 1957. 218 p. (In Russian)

8. Chursin G. F. *Prazdnik «vykhoda pluga» u gorskikh narodov Dagestana* [A holiday of "a plow exit" of the Dagestan mountaineers]. Tiflis, 1927. 148 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Гасанов Магомед Раджабович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), г. Махачкала, Россия; e-mail: elmira.magomedova.73@ mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR
Affiliations

Magomed R. Gasanov, Doctor of History, professor, the head of the chair of History, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: elmira. magomedova.73@mail.ru

Принята в печать 08.07.2016 г.

Received 08.07.2016.

Исторические науки / Historical Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 30/94 / UDC 30/94

Латентная преступность сквозь призму истории функционирования правового государства

©2016Магаррамов М. Д.[1, 2], Омаров А. А.[2], Курбанов М. А.[2]
[1] Региональный центр этнополитических исследований ДНЦ РАН,
Махачкала, Россия; e-mail: m.magarram@gmail.com
[2] Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. Опираясь на принцип историзма и с учетом известных принципов функционирования правового государства, предпринята попытка выявления причин и условий существования в нашей стране латентной преступности. Опредмечены основные детерминанты, ей способствующие, а также механизм борьбы с ней. **Методы.** В качестве основного метода авторами избран системный анализ основных причин и условий существования в условиях России латентной преступности и таким образом обозначены основные причины, способствующие существованию и проявлению этого асоциального явления. **Результаты.** Предложены рекомендации по минимизации в условиях постсоветской России случаев проявления латентной преступности. **Вывод.** Сформулированные авторами рекомендации теоретического и практического характера могут способствовать изжитию из реальной правовой жизни фактов проявления латентной преступности.

Ключевые слова: латентная преступность, юрисдикционные органы, правовое государство, принципы функционирования правового государства, правовой нигилизм, уклонение от регистрации преступлений, незаконное прекращение производства по уголовным делам, уголовно-правовая статистика.

Формат цитирования: Магаррамов М. Д., Омаров А. А., Курбанов М. А. Латентная преступность сквозь призму принципов функционирования правового государства // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 10-15.

The Latent Crime through the Prism of the History of Constitutional State Functioning

©2016 Magarram D. Magarramov [1, 2], Arslanali A. Omarov [2],
Mahach A. Kurbanov [2]
[1] Regional Center of Ethnopolitical Research, Dagestan scientific center, RAS,
Makhachkala, Russia; e-mail: m.magarram@gmail.com
[2] Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

ABSTRACT. Aim. Based on the principle of historicism, and taking into account the well-known principles of the functioning of the rule of law, the authors attempt to identify the causes and conditions of the latent crime existence in our country. They objectify the key determinants contributing to it, as well as a mechanism to combat it. **Methods.** The main method chosen by the authors is a systemic analysis of the root causes and conditions of existence in Russia latent the criminality and thus identified the main reasons for the existence and manifestation of this anti-social phenomenon. **Results.** The authors give recommendations for minimizing the latent crime cases in post-Soviet Russia. **Conclusion.** The theoretical and practical recommendations formulated by authors may contribute to eradicating the real legal facts of life manifestations of latent crime.

Keywords: latent crime, jurisdictional bodies, constitutional state, principles of functioning the constitutional state, rule of law, principles of the rule of law, legal nihilism, evasion of registration of crimes, illegal termination of criminal proceedings, criminal and law statistics.

For citation: Magarramov M. D., Omarov A. A., Kurbanov M. A The Latent Crime through the Prism of the History of Constitutional State Functioning. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 10-15. (In Russian)

Введение

В многочисленной криминологической литературе современной России имеется достаточное количество публикации, в рамках которых рассматриваются вопросы профилактики преступлений, включая латентных. Однако, проблема борьбы с общей и латентной преступностью в условиях формирования основ правового государства остается почти не разработанной. Желанием провести такой анализ и мотивировано обращение к этой теме.

Цель и методы исследования

Следует отметить, что правовой анализ обозначенной проблемы необходимо произвести с учетом требований основополагающих принципов функционирования правового государства. К ним, в частности, можно отнести: господство права во всех сферах жизни общества, торжество правового закона, взаимная ответственность государства перед личностью и личности перед государством, наличие эффективных форм контроля за выполнением нормативно-правовых актов и др.

Заметим, что успешность процесса формирования правового государства и обеспечения функционирования развитого гражданского общества в условиях современной России обусловлена оптимизацией и совершенствованием работы правоохранительных и правоприменительных органов в направлении борьбы с общей и латентной преступностью. Поскольку факт наличия в обществе такой преступности свидетельствует о недостаточно эффективной деятельности юрисдикционных органов государства, аномии права, росте правового нигилизма среди людей, снижении уровня их общей и правовой культуры. Такие тенденции являются крайне нежелательными как для государства, так и для общества. Поскольку каждый случай преступления – это не просто нарушение установленного правопорядка и законности, а посягательство на справедливые начала, заложенные в действующей системе права. Вместе с тем, преступность в государстве вселяет в сознание людей неверие в силу государственных органов по наведению правопорядка, обеспечению подлинной справедливости, реальную защиту их прав и свобод. Допущение такого положения дел, смирение с этим является потворством криминалу и росту преступности.

Периодизация материала

Успешность и результативность работы правоохранительных и правоприменительных органов в направлении борьбы с общей и латентной преступностью обусловлена каждодневной работой органов прокуратуры, иных государственных органов по реализации требований основополагающего принципа функционирования правового государства – принципа господства права во всех сферах жизни общества, торжество правового закона. На самом деле, обеспечить такое положение дел – задача не из легких, поскольку путь от правового нигилизма граждан к признанию его ценности и значимости достаточно сложен и тернист. Необходима кропотливая профилактическая работа с людьми не только работников правоохранительных и правоприменительных органов, но и учреждений воспитания и образования. Ведь значительная часть преступлений, включая латентных, совершается умышленно, а это значит, что для таких людей действующее в стране право не представляет сколько-нибудь значимую ценность. В их деятельности, поведении возобладают преступные инстинкты и чувства. Человек, в отношении которого совершается преступление, для них также не является ценностью. К примеру, в нашей стране было «зарегистрировано более 20 тысяч преступлений, совершенных в отношении сотрудников органов правопорядка. При исполнении служебных обязанностей получили ранения 3602 сотрудника органов внутренних дел и военнослужащих органов внутренних дел. Погибли от рук бандитов 322 сотрудника. Пятерым посмертно присвоены звания Героя России» [2. С. 6]. Погибшие люди при исполнении ими служебных обязанностей или служебного долга в идеальном обществе – это его гордость и совесть. Для преступников же их жизнь не представляла и не представляет никакой положительной значимости. И, к большому сожалению, определенная часть преступлений, совершенных в отношении ра-

ботников правоохранительных и правоприменительных органов, по известным причинам также остается в латентном состоянии.

В 2015 году по всей стране было зарегистрировано около 2 миллионов преступлений. Благо, что это на 8,5 процента меньше, чем в 2014 году. Очевидно, что имеется существенная разница между зарегистрированными и нераскрытыми преступлениями. Мы не ошибемся, если скажем, что нераскрытые преступления, хотя и являются зарегистрированными, при условии их дальнейшего нераскрытия, все же имеют тенденцию быть названными латентными по субъекту(ам) их совершения по той простой причине, что в их отношении не вынесен обвинительный приговор суда и они не понесли заслуженного наказания.

К большому сожалению, огромное количество зарегистрированных преступлений остаются не раскрытыми по разным причинам объективного и субъективного характера. Но обнадеживает то, что в 2015 году количество таких преступлений значительно снизилось.

Вместе с нераскрытыми преступлениями остается значительный массив незаявленных и незарегистрированных преступлений, обладающих в силу таких своих качеством латентности. Причины их совершения связаны с основными сферами жизни общества, то есть в своей основе латентные преступления имеют социальный и экономический характер. И поэтому одной из панацей обуздания общей и латентной преступности является неукоснительное воплощение в реальной жизни принципа «господства права во всех сферах жизни общества и торжество правового закона». Более того, в соответствии с этим принципом в обществе для обуздания административных проступков и преступлений должны быть исключены проявления «телефонного права», либо несовершенства уголовного законодательства, выражаемые в простонародье примерно так: «закон, что дышло, куда повернул – туда и вышло», «закон, что паутина, шмель проскочит, а муха – завязнет». То есть уголовное законодательство должно быть четким, совершенным и недвусмысленным. При этом не должно быть его избирательного применения в зависимости от социального положения – рангов и занимаемых постов, имущественного и должностного положения, расы, национальности, вероисповедания. Одним словом, реализация вышеупомянутого принципа функционирования правового государства требует исполнения положений, такого основополагающих принципа уголовного процесса – равенства граждан перед законом и судом.

Для минимизации случаев латентных преступлений крайне важно, чтобы каждое обращение человека и гражданина в полицейский участок по поводу преступлений было рассмотрено и зарегистрировано. По ним должны приниматься меры предусмотренные уголовным и уголовно-процессуальным кодексами. О некоторых проблемах, связанных с такими процедурами говорил в свое время бывший прокурор Республики Дагестан государственный советник юстиции первого класса А. И. Назаров. С его слов «наши проверки свидетельствуют о том, что при приеме, регистрации и разрешении заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях продолжают иметь место серьезные нарушения законности. Органами прокуратуры республики «было выявлено и поставлено на учет свыше 750 преступлений, что на 20% больше», чем за прошлый период. По каждому факту укрытия преступлений от учета и регистрации приняты меры прокурорского реагирования, проведены служебные проверки, виновные должностные лица привлечены к дисциплинарной ответственности [1. С. 3]. Такая работа под руководством государственного советника юстиции 2 класса Шахнавазова Рамазана Абдусамадовича прокуратурой Республики Дагестан проводится и ныне.

Учитывая сказанное, можно обозначить несколько тенденций, а именно: а) прокуратура Республики Дагестан, обеспечивая соблюдение законности и правопорядка, стремится, чтобы каждое совершенное преступление было зарегистрировано; по ним принимались меры, предусмотренные рамками действующего уголовного и уголовно-процессуального закона; б) такие действия прокуратуры значительно снижают пласт латентной преступности, ограждают человека и гражданина от последующих противоправных посягательств со стороны преступных элементов; в) реализовывают принцип неотвратимости наказания и, тем самым, имеют профилактический, превентивный характер в отношении последующего преступного поведения разных лиц.

Обнадеживает наметившаяся тенденция по изменению прежней системы регистрации преступлений, когда соответствующая статистика преступлений могла негативно сказаться на служебной деятельности лиц, осуществлявших регистрацию преступлений. Сегодня прежний узковедомственный подход, связанный с получением любой ценой благоприятной статистики, уже изменился на критерий эффективной защиты прав и интересов граждан.

Вместе с тем, для существенного подрыва базы общей и латентной преступности необходимо, чтобы пострадавшие от случаев преступлений из формального субъекта, который должен подать заявление о правонарушении или преступлении, становились активными союзниками сотрудника полиции. Поскольку это позволяет ему не только содействовать полицейскому в исполнении его служебных обязанностей, но и контролировать его работу.

И в самом деле, без партнерского взаимодействия населения с правоохранительными и правоприменительными органами работа по борьбе с латентной и всей другой преступностью будет обречена на неудачу. И чтобы не допустить такого развития событий являются вполне оправданными действия МВД России в направлении гуманизации ее деятельности. О намерении работать в этом русле говорил бывший руководитель полицейского министерства. С его слов «важным направление стала гуманизация форм и методов работы полиции, переход взаимоотношений органов правопорядка и общества к партнерской модели, направленной на обеспечение эффективной защиты прав и свобод граждан. Потребовалось создание и внедрение эффективной системы контроля за деятельностью полиции со стороны гражданского общества». Без взаимного доверия между гражданским обществом и юрисдикционными органами государства, обуздать проблемы с преступностью в обществе вряд ли удастся. Ведь к каждому потенциальному преступнику не приставишь полицейского. Но, в то же самое время, почти каждый случай преступления совершается в условиях очевидности, то есть имеются свидетели, могущие в дальнейшем дать обвинительные показания против лиц, совершивших преступление. И, чтобы их получить, важны доверительные, партнерские отношения между населением и соответствующими правоохранительными и правоприменительными органами. О работе полиции в этом же русле неоднократно говорил министр внутренних дел Российской Федерации В. Колокольцев.

Взаимная ответственность государства перед личностью и личности перед государством, как принцип функционирования правового государства, является важной теоретической установкой, обязывающей государство и его органы привлекать лиц, совершившие общественно-опасные деяния к уголовной ответственности. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации считает самым важным объектом уголовно-правовой охраны жизнь и здоровье человека и гражданина. Поэтому, каждое преступление, совершенное в отношении личности, не должно оставаться безнаказанным. Ибо безнаказанность порождает вседозволенность и деградацию общественных нравов. Учитывая необходимость недопущения такого сценария развития событий, нужно постоянно реализовывать положения одного из принципов уголовного права – принципа неотвратимости наказания. Государство обязано в полном объеме финансировать перечень мероприятий по защите свидетелей и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование и правосудие.

Ответственность чиновников органов государства должна носить реальный, а не декларативный характер. Только при таком положении дел каждый человек и гражданин хотя бы под страхом и угрозой уголовного наказания не будут совершать преступления, а если и совершили, то при четкой и слаженной работе правоохранительных и правоприменительных органов у них не будет шансов избежать уголовной ответственности. При такой работе можно ожидать существенного снижения преступности, включая латентной ее части.

Процессу минимизации случаев латентных преступлений существенную поддержку и влияние оказывает ответственность личности перед государством. Мы ранее говорили о необходимости налаживания партнерских взаимоотношений между работниками правоохранительных органов и гражданами. К сказанному добавим, что гражданин правового государства, ставший свидетелем совершения преступления в отношении интересов личности, общества и государства, не должен быть

пассивным созерцателем. Он обязан сотрудничать с правоохранительными и правоприменительными органами, давать свидетельские показания в отношении лиц, совершивших преступления. С другой стороны, государственные органы должны обеспечить безопасность свидетеля, а также членов его семьи. На самом деле, только тесное взаимодействие человека и гражданина с юридикционными органами государства на разных этапах привлечения лица к уголовной ответственности может помочь делу минимизации у нас в стране числа латентных преступлений.

Наличие эффективных форм контроля за выполнением нормативно-правовых актов – не менее важный принцип функционирования правового государства. Активная реализация государственными органами, органами местного самоуправления этого принципа существенно сужает поле общей и латентной преступности. Ведь понятно, что прокурорские, полицейские, судебные и иные формы контроля за выполнением государственными служащими, служащими органов местного самоуправления, а также гражданами действующих нормативно-правовых актов является надежным заслоном на пути роста числа латентных преступлений. Ранее мы говорили о той работе, которую выполняют прокурорские и полицейские работники в направлении совершенствования работы по регистрации каждого случая преступления, принятия по ним соответствующим мер, предусмотренных уголовным и уголовно-процессуальным законом. Вместе с тем, огромную работу по минимизации случаев латентных преступлений проделывают работники Следственного комитета РФ, структурных подразделений ФСБ России, ФСНК и Счетной палаты. Эффективность контроля указанных ведомств за выполнением нормативно-правовых актов минимизирует число преступлений по той простой причине, что каждый орган в пределах своей компетенции способствует регистрации случаев преступлений, установлению контроля за процессом привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Заключение

Завершая публикацию, следует отметить, что преступность – это социальное явление, и эффективно ей можно противостоять, только объединив усилия государственных органов и населения. Ибо только совместное, консонансное взаимодействие населения, правоохранительных и правоприменительных органов является одной из гарантий обуздания преступности у нас в обществе, включая латентной ее части. Вместе с тем крайне важно проводить борьбу правоохранительных и правоприменительных органов с латентной преступностью с учетом содержания рассмотренных принципов функционирования правового государства. Таким образом, работа в этом направлении будет осуществлена с учетом теоретических, научных положений и реальной практики ее проведения.

Литература

1. Магомедов А. Правовое поле без сорняков // Дагестанская правда. 2012. 18 января. № 11.

2. Фалалеев М. Полиции – год. Реформа продолжается // Российская газета. 2012. 1 марта. № 44.

References

1. Magomedov A. *Pravovoe pole bez sornyakov* [Legal field without weeds]. Dagestanskaya Pravda. 2012. January, 18. No. 11. (In Russian)

2. Falaleev M. *Politsii – god. Reforma prodolzhaetsya* [Police turns a year. Reform continues]. Rossiyskaya Gazeta. 2012. 1, March. No. 44. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Принадлежность к организации

Магаррамов Магаррам Джабраилович, доктор философских наук, профессор кафедры правоведения и прав человека Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополи-

AUTHOR INFORMATION
Affiliations

Magarram Dzh. Magarramov, Doctor of Philosophy, professor, the chair of Law and Human Rights, Dagestan State Pedagogical University (DSPU); leading researcher, Regional Center of Ethno-Political Studies (RTSEI), Dagestan Scientific Center (Dagestan

литических исследований (РЦЭИ) Дагестанского научного центра (ДНЦ) Российской академии наук (РАН), Махачкала, Россия; e-mail: m.magarram@gmail.com

Омаров Арсланали Абдуллаевич, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой правоведения и прав человека, профессор, ДГПУ Махачкала, Россия; e-mail: m.magarram@gmail.com

Курбанов Махач Ахмедович, кандидат экономических наук, доцент кафедры правоведения и прав человека, ДГПУ, Махачкала, Россия; e-mail: m.magarram@gmail. com

Принята в печать 25.04.2016 г.

Scientific Center) of the Russian Academy of Sciences (RAS), Makhachkala, Russia; e-mail: m.magarram@gmail.com

Arslanali A. Omarov, Ph. D. (Pedagogy), the head of the chair of Law and Human Rights, professor, DSPU, Makhachkala, Russia.; e-mail: m.magarram@gmail.com

Mahach A. Kurbanov, Ph. D. (Economy), assistant professor, the chair of Law and Human Rights, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: m.magarram@gmail.com

Received 25.04.2016.

Исторические науки / Historical Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 94 (470.67) / UDC 94 (470.67)

Подготовка театральных и музыкальных кадров в средних специальных учебных заведениях Дагестана в 1960-1970 гг.

©2016 Мугутдинова Н. Ш., Раджабова З. К.
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: magomedovaroza@yandex.ru

РЕЗЮМЕ. В данной статье рассматриваются вопросы подготовки театральных и музыкальных кадров в средних специальных учебных заведениях Дагестана. Рост числа культпросветработников в рассматриваемый период достиг апогея, что позволяет сделать вывод о его важности в развитии культурной жизни нашей республики.

Ключевые слова: образование, музыкальная школа, училище, культура, подготовка кадров, театральное искусство.

Формат цитирования: Мугутдинова Н. Ш., Раджабова З. К. Подготовка театральных и музыкальных кадров в средних специальных учебных заведениях Дагестана в 1960-1970 гг. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 15-18.

The Theatre and Music Staff's Training in Secondary Specialized Educational Institutions of Dagestan in 1960-1970s

©2016 Naida Sh. Mugutdinova., Zarifa K. Radzhabova,
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: magomedovaroza@yandex.ru

ABSTRACT. The authors of the article discuss the aspects of theatrical and musical personnel's training in secondary special educational institutions of Dagestan. The increase in the number of cultural enlight-

ment in the given period reached its climax, which allows to make a conclusion about its importance in the development of the cultural life of our Republic.

Keywords: education, musical school, college, culture, personnel's training, theatrical arts.

For citation: Mugutdinova N. Sh., Radzhabova Z. K. The Theatre and Music Staff's Training in Secondary Specialized Educational Institutions of Dagestan in 1960-1970s. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 15-18. (In Russian)

Повышение культурного уровня формирования духовных запросов населения – проблема комплексная, требующая целенаправленных усилий органов власти и управления учреждений культуры и искусства. Важным составляющим решения этой исключительно важной и социально значимой задачи являются культурно-просветительная работа и деятельность средств массовой информации, развитие театрального искусства и концертной деятельности творческих коллективов.

Важное значение в развертывании театральной сценической работы, повышении ее действенности имеет кадровое обеспечение театральных, музыкальных и других учреждений культуры, совершенствование их деятельности.

Органы власти Дагестана, учитывая огромную роль театральных и музыкальных коллективов культурно-массовой работы в налаживании полноценной работы среди населения, в 60-70-е годы уделяли значительное внимание подготовке квалифицированных кадров и удовлетворению запросов учреждений культуры. Было положено начало подготовке кадров культпросветработников средней квалификации в республике [1. С. 133].

Наиболее активный и плодотворный период в деятельности Дагестанского культурно-просветительного училища начинался со второй половины 60-х годов, когда оно было перебазировано в столицу республики – Махачкалу. За восьмую пятилетку (1966-1970 гг.) училище подготовило 456 культпросветработников со средним специальным образованием, которые получили направления в городские и сельские библиотеки, клубные учреждения республики [10. С. 74].

В республике сложилась развернутая система повышения квалификации и обмена опытом работы кадров культурно-просветительных учреждений, которая осуществлялась во Всесоюзном институте повышения квалификации работников культуры в Москве, на республиканских и районных курсах повышения квалификации. Повышению квалификации и обмену опытом способствовали научно-практические конференции и совещания, республиканские и районные семинары, школы передового опыта. В девятой пятилетке на республиканских курсах повышения квалификации ежегодно повышали свое профессиональное мастерство 350, а в десятой пятилетке – более 400 культпросветработников [3].

В мероприятиях органов власти республики особое внимание уделялось подготовке культпросветработников из представителей местной молодежи, что позволило лучше закрепить их, прежде всего в сельской местности, и снизить текучесть кадров культурно-просветительных учреждений. Только за первые три года девятой пятилетки (1971-1973 гг.) в дома культуры, клубы и библиотеки республики пришло около 200 человек со средним общим и специальным образованием [7].

В 1976 г. в Махачкалинском музыкальном училище обучалось около 500 учащихся [4. С. 572]. Выпускники этого учебного заведения стали преподавателями самого училища.

Большая роль в подготовке музыкальных кадров принадлежала Махачкалинскому музыкальному училищу и Дагестанскому педагогическому институту с его музыкальным отделением. Росло количество детских музыкальных школ. Только за 1965-1975 гг. их количество возросло с 22 до 50, причем большинство из них было открыто в сельской местности. Ежегодно в республике проводилась неделя детской музыки. Усилилась музыковедческая работа [5. С. 94].

С каждым годом росло число студентов, обучающихся в средних специальных учебных заведениях республики. Если в 1973 г. в Махачкалинском музыкальном училище выпуск составлял 80 специалистов, то в 1974 г. их было уже 87.

С 1972 г. в республике работало второе Музыкальное училище в г. Дербенте, набор на 1975-1976 учебный год составлял 95 человек [8].

В республиканском культурно-просветительском училище набор 1973 г.

составил на заочном и дневном отделениях 137 учащихся, в 1974 г. – 88, в 1975 г. – 131 чел.

В средних специальных учебных заведениях в 1973 г. было выпущено 296 специалистов средней квалификации, 1974 г. – 221, а набор на 1975-1976 учебный год составил 290 студентов [3].

Постоянно работали действующие курсы повышения квалификации культпросветработников, на которых прошли обучение за два года около 700 человек, директора сельских, районных Домов культуры, и зав. клубами, сельских и районных библиотек.

В 1973-1974 гг. было направлено в Центральный институт повышения квалификации руководящих и творческих работников 58 человек, планом Министерства культуры ДАССР на 1975 г. было запланировано направить на курсы в г. Москву 31 человек.

Известную помощь в повышении общего уровня и деловой квалификации сельских работников культпросветучреждений оказывали курсовые семинары, на которых читали лекции и доклады, проводились практические занятия и мероприятия [5. С. 116].

В республике функционировало 4 средних специальных учебных заведения системы Министерства культуры ДАССР, Махачкалинское культпросветучилище им. Джемаля, Дербентское музыкальное училище, оба учреждения были укомплектованы специалистами высшей и средней квалификации.

За период с 1979 г. в училище было направлено 30 специалистов, в том числе пианистов, теоретиков музыки, специалистов по игре на народных инструментах, хоровиков и т. д.

Выпуск студентов в Махачкалинском музыкальном училище в 1976 г. составлял 76 человек, в 1977 г. – 90, 1978 г. – 76, 1979 – 73 чел.

В республиканском культурно-просветительском училище в 1976 г. – 69, в 1977 г. – 70, в 1978 – 77, 1979 – 87 чел.

Таким образом, в средних специальных учебных заведениях Дагестана выпуск специалистов составил: в 1976 г. – 266, в 1977 г. – 303, в 1978 г. – 314, в 1979 г. – 285. Всего за 4 года было выпущено 1168 специалистов [9].

Во всех этих учреждениях работало 5267 чел., подавляющее большинство которых составляли женщины – 3241 чел. В их числе 3675 чел. трудились в культурно-просветительных учреждениях, 710 чел. – в театрах и концертных организациях, 562 чел. в учебных заведениях.

Всего в учреждениях культуры и искусства республики работников с высшим и средним специальным образованием насчитывалось 1063 чел., в их числе больше половины – 572 чел. – женщины. В театрах республики произошло увеличение числа творческих работников с высшим и средним образованием – их насчитывалось 110 чел. [6. С. 98].

В целом 60-70 гг. характеризовались численным ростом кадров культпросветработников в республике, увеличением количества работников, имеющих среднее специальное образование. Однако, к концу 70-х годов проблема обеспечения культурно-просветительных учреждений квалифицированными кадрами в Дагестане полностью не была решена.

Литература

1. Ахмедзияутдинов М. Т., Исмаилов А. Р. XX век. Каким он был для Дагестана. Махачкала, 2005. 216 с.

2. Дагестанская правда. 1973. 17 мая.

3. Дагестанская правда. 1976. 18 июня.

4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1978. Т. 12. С. 572.

5. Мирзабеков М. Я. Культура дагестанского села. XX век: история и проблемы. Махачкала, 1988. 212 с.

6. Образование, культура, здравоохранение и правонарушение. Стат. сборник. Махачкала, 1985. 356 с.

7. ЦГА РД. Ф. р. 22. Оп. 39. Д. 283. Л. 69.

8. ЦГА РД. Ф. р. 1252. Оп. 14. Д. 3. Л. 19.

9. ЦГА РД. Ф. р. 1252. Оп. 14. Д. 35. Л. 10-16.

10. Шабаева А. К. Деятельность культурно-просветительных учреждений по эстетическому воспитанию трудящихся (1970-1980 гг.). Махачкала, 1988. 148 с.

References

1. Akhmetziyautdinov M. G., Ismailov A. R. *XX vek. Kakim on byl dlya Dagestana* [The 20th century. What was it like for Dagestan]. Makhachkala, 2005. 216 p. (In Russian)

2. Dagestanskaya Pravda. 1973. May, 17. (In Russian)

3. Dagestanskaya Pravda. 1976. 18, June. (In Russian)

4. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TSK* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, 1978. Vol. 12. 837 p. (In Russian)

5. Mirzabekov M. Ya. *Kul'tura dagestanskogo sela. XX vek: istoriya i problemy* [Culture of Dagestan village. The 20th century: history and problems]. Makhachkala, 1988. 212 p. (In Russian)

6. *Obrazovanie, kul'tura, zdravookhranenie i pravonarushenie* [Education, culture, health and crime]. Stat. collection. Makhachkala, 1985. 356 p. (In Russian)

7. CSA RD. F. r. 22. L. 39. C. 283. L. 69. (In Russian)

8. CSA RD. F. r. 1252. L. 14. C. 19. (In Russian)

9. CSA RD. F. r. 1252. L. 14. C. 35. L. 10-16. (In Russian)

10. Shabaeva A. K. *Deyatel'nost' kul'turno-prosvetitel'nykh uchrezhdeniy po esteticheskomu vospitaniyu trudyashchikhsya (1970-1980 gg.)* [Activities of cultural institutions on the aesthetic education of workers (1970s and 1980s)]. Makhachkala, 1988. 148 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Принадлежность к организации

Мугутдинова Наида Шамильевна, кандидат исторических наук наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: magomedova-roza@yandex.ru

Раджабова Зарифа Кабиловна, кандидат исторических наук наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: magomedova-roza@yandex.ru

Принята в печать 25.05.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliations

Naida Sh. Mugutdinova, Ph. D. (History), assistant professor, the chair of History, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala Russia; e-mail: magomedova-roza@yandex.ru

Zarifa K. Radzhabova, Ph. D. (History), assistant professor, the chair of History, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala Russia; e-mail: magomedova-roza@yandex.ru

Received 25.05.2016.

Исторические науки / Historical Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 94 (470.67) / UDC 94 (470.67)

Рост сельской интеллигенции и ее социальная роль в Дагестане 1960-1980 гг.

©2016 Мугутдинова Н. Ш.
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: magomedovaroza@yandex.ru

РЕЗЮМЕ. В данной статье рассматривается последовательное повышение квалификации специалистов высшего и среднего звена в дагестанском селе. Рост сельской интеллигенции сопровождался усилением ее роли во всех сферах сельской жизни Дагестана.

Ключевые слова: образование, педагогические кадры, школа, училище, профессия, интеллигенция.

Формат цитирования: Мугутдинова Н. Ш. Рост сельской интеллигенции и ее социальная роль в Дагестане 1960-1980 гг. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 18-23.

The Growth of a Rural Intelligentsia and their Social Role in Dagestan in 1960-1980s

©2016 **Naida Sh.Mugutdinova,**
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: magomedovaroza@yandex.ru

ABSTRACT. The author of the article discusses the consistent training of specialists of higher and middle qualification in Dagestan village. The growth of the rural intelligentsia was accompanied by strengthening of their role in all spheres of the rural life in Dagestan.

Keywords: education, pedagogical staff, school, college, profession, intelligentsia.

For citation: Mugutdinova N. Sh. The Growth of a Rural Intelligentsia and their Social Role in Dagestan in 1960-1980s. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 18-23. (In Russian)

В послевоенные десятилетия социально-культурные преобразования и повышение культурного уровня сельских тружеников оставалось одним из важнейших направлений деятельности коммунистической партии и Советского государства. На этом этапе развития программной целью культурного строительства в стране было провозглашено преодоление социально-культурных различий между городом и селом, формирование всесторонне развитой личности.

В директивах XXIII съезда КПСС уделялось огромное внимание конкретным мерам в области бытового обслуживания, просвещения, здравоохранения, жилищного и культурного строительства в сельских районах. Для претворения в жизнь программы социально-культурных мероприятий партия и правительство проводили большую работу по увеличению жилищного и культурно-бытового строительства в сельской местности за счет централизованных и нецентрализованных капитальных вложений. Общая сумма этих вложений в стране составила в 1966 г. 12 млрд. руб.

В Дагестане с целью подъема культуры и быта колхозников в восьмом пятилетии по сравнению с 1959-1965 гг. было намечено в 1,5-2 раза увеличить ассигнования со стороны государства и колхозов на строительство культурно-бытовых учреждений, особенно в тех селениях, где еще нет хорошо оборудованных клубов, библиотек и других учреждений культуры. В этот период проявлялась особая забота о новом подъеме сельскохозяйственного производства, необходимо было улучшить культурно-бытовые условия колхозников, проживающих не только в крупных населенных пунктах, но и в небольших селениях, таких, как переселенческие колхозы Хасавюртовского района, населенные пункты высокогорной зоны.

Реализация программы восстановления и дальнейшего развития производственных сил, решения социальных проблем в огромной мере зависела от кадров интеллектуальных профессий от того, насколько успешно они могли обеспечить квалифицированное руководство усложняющимся производством, увлечь людей на выполнение планов развития отраслей народного хозяйства и социально-культурной сферы.

Усилиями властных структур, общественности масштабы социально-культурных преобразований в дагестанском селе приобрели широкий размах и действенность. Были достигнуты немалые успехи и позитивные результаты, которые оказывали благотворное влияние на повышение общественно-политической и производственной активности сельских тружеников, на микроклимат в дагестанском селе [5. С. 148].

Коммунистическая партия и советское государство развернули целенаправленную работу по развитию специального образования, насыщению отраслей народного хозяйства и социально-культурной сферы кадрами высшей и средней квалификации.

Важную социальную роль в повышении образовательного и культурного уровня сельского населения играла общеобразовательная школа. Специфической особенно-

стью Дагестана является преобладание сельской общеобразовательной школы в общей сети. Это усиливает ее роль в повышении культурного и образовательного уровня не только сельского, но и городского населения, так как вследствие возрастающих миграционных процессов часть выпускников сельских школ оседает в городах.

Огромное влияние на рост образовательного уровня сельского населения оказало введение всеобщего восьмилетнего образования для подрастающего поколения. Верховный Совет СССР в декабре 1958 г. с учетом потребностей развития народного образования, совершенствования учебно-воспитательного процесса в школе принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Вместо семилетнего вводилось обязательное восьмилетнее образование для детей от семи до шестнадцати лет.

В дагестанском селе, как и в целом по стране, реализация курса к всеобщему восьмилетнему образованию сопровождалась структурными переменами в развитии общеобразовательной школы. Быстрыми темпами шла реорганизация начальных и семилетних школ в восьмилетние, возрастало количество учащихся, обучающихся в них. Так, если в 1959 г. в сельской местности республики насчитывалось 26 восьмилетних школ и в них обучалось 6,6 тыс. учащихся, то в 1961 г. их число возросло до 196. [9. С. 121]

К началу 1962-1963 учебного года сельская общеобразовательная школа Дагестана завершила переход к всеобщему восьмилетнему образованию. Число восьмилетних школ в республике составило 591, в том числе 545 – в сельской местности. В указанном году в республике 8 классами было охвачено 95,5% учащихся, в том числе 96% выпускников 7 классов. В сельских школах охват 8 классами составил 95,9% [10].

Расширение сети сельских восьмилетних школ привело к резкому росту количества учащихся, обучающихся в них. К началу 1965-1966 учебного года количество учащихся в них по сравнению с началом 1959-1960 учебного года возросло в 15,5 раза, тогда как по городским школам рост составил 7,3 раза [11].

Переход к восьмилетнему образованию сопровождался системой мероприятий, рассчитанных на совершенствование учебно-воспитательного процесса и укрепления связи школы с производством, с жизнью.

Качественно новый этап в повышении образовательного уровня сельского населения республики начался с середины шестидесятых годов, когда успехи в развитии народного образования в стране вплотную подвели общеобразовательную школу к решению огромной социальной значимости задачи – переходу ко всеобщему среднему образованию подрастающего поколения.

Успехи в развитии общего среднего образования позволили заметно увеличить прием и подготовку специалистов с высшим образованием и в Дагестанской АССР. Дагестанский учительский институт был слит с педагогическим институтом им. Стальского. В 1957 г. на базе педагогического института в республике был открыт государственный университет. Открытие университета создавало новые благоприятные возможности для качественного совершенствования подготовки кадров с высшим образованием для горного края.

В 1958 учебном году в высших учебных заведениях республики обучалось 6936 студентов (2561 – заочно), что на треть с лишним превысило показатель 1950-1951 учебного года. За это же время численность учащихся средних специальных учебных заведений в республике увеличилось на 2664 и достигло 9801 чел. За годы пятой и шестой пятилеток было открыто 8 новых средних специальных учебных заведений. В 1958-1959 учебном году их насчитывалось в республике 26 [9. С. 129]. В 1954 г. были открыты медицинские училища в Махачкале, Хасавюрте, Дербенте и Буйнакске, техническое училище в Каспийске. Для подготовки работников культпросветучреждений в Дербенте в 1957 г. открывается культурно-просветительная школа, а в Махачкале (1958 г.) – художественное училище.

Крупный шаг в развитии высшего и среднего специального образования в стране и республике был сделан в 60-е годы. В течение десятилетия численность студентов вузов Дагестана увеличилось более чем в 3 раза и достигла к началу 1970-1971 учебного года 20,4 тыс. чел. За этот же период количество учащихся средних спе-

циальных учебных заведений увеличилось на 12,3 тыс. и в начале 1970-1971 учебного года составило 23,1 тыс. чел. [4. С. 209].

В целом период 60-х-первой половины 80-х гг. характеризовался дальнейшим значительным ростом контингента обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях Дагестана. За 1961-1985 гг. численность обучающихся в вузах и техникумах республики возросла в 2,8 раза, что превышало общефедеративные показатели (1,9 раза) [7. С. 361]. В этот период с учетом потребностей народного хозяйства и социально-культурной сферы продолжалась работа по дальнейшему расширению профиля специальностей, по которым в вузах и техникумах республики готовились кадры высшей и средней квалификации. Так, если в начале десятой пятилетки в вузах Дагестана имелось 39 факультетов, на которых готовились кадры по 48 специальностям, то в 1979-1980 учебном году на 43 факультетах студенты овладевали 52 специальностями [9. С. 253].

Говоря об успехах в развитии специального образования в Дагестане, следует указать на заметное увеличение в составе студенчества высших и средних специальных учебных заведений девушек-горянок. В начале 1950-1960 учебного года в вузах республики обучалось 1384 девушек-горянок. На начало 1969-1970 учебного года количество обучающихся в вузах горянок достигло 4864 чел. К этому времени 6260 девушек-горянок обучалось в техникумах, тогда как в начале 1959-1960 учебного года – 1893 [8. С. 209]. В 1969-1970 учебном году в составе студентов высших учебных заведений девушки составляли 39,8 %, а в составе учащихся средних специальных учебных заведений – 46,4 %.

В 70-е годы продолжался дальнейший рост охвата девушек-горянок специальным образованием. Прямое воздействие на это оказывали повышение общекультурного уровня сельского населения, массово-разъяснительная работа партийных, советских общественных организаций, средств массовой информации.

В 70-80-е гг. потребности материального производства и социально-культурной сферы республики, в том числе и дагестанского села, в специалистах высшей и средней квалификации в основном удовлетворялась за счет выпускников местных вузов и техникумов. К началу 1976-1977 учебного года в школы республики было направлено 929 выпускников университета и педагогического института, из них более 80 % – в сельские школы [10]. За 1976-1977 гг. в колхозы и совхозы республики было направлено более 1500 выпускников сельскохозяйственных учебных заведений Дагестана [11]. Кроме того, в сельскую местность ежегодно на постоянную работу направлялись сотни других специалистов различного профиля – выпускников вузов и техникумов республики.

Хотя партийные, советские организации районов, руководители колхозов и совхозов проводили определенную работу по созданию нормальных жилищно-бытовых и иных условий для молодых приезжих специалистов, в этой области имелись значительные трудности и недостатки.

Важной сферой деятельности партийных, советских и хозяйственных органов явилась забота о повышении общеобразовательного и профессионального уровня колхозных и совхозных кадров. В 1963 г. для укрепления руководства производственными бригадами и животноводческими фермами в колхозы и совхозы республики было направлено 250 специалистов сельского хозяйства [13]. Особое внимание уделялось укреплению кадрами слабых колхозов. С этой целью только в 1964-1965 гг. в такие колхозы было направлено 324 специалиста высшей и средней квалификации, в том числе председателями – 71 чел. Для укрепления среднего звена в производственные бригады и на животноводческие фермы за это время было направлено 68 чел. [14].

Наиболее динамично протекал процесс повышения условия специальной подготовки председателей колхозов и директоров совхозов. Удельный вес председателей колхозов и директоров совхозов с высшим и средним специальным образованием в 1985 г. в Дагестане составил соответственно 89,6 и 99,3 % против 61,6 и 86,8 % в 1970 г. Следует отметить, что 151 председатель колхозов и 240директоров совхозов из 279 имели высшее образование, а процент специалистов сельского хозяйства среди них составлял соответственно 66 и 79,6 [2. С. 4].

Партийные, советские органы, органы здравоохранения республики уделяли серьезное внимание вопросам обсуждения сельских учреждений здравоохранения медицинскими кадрами. В 1960 г. в медучре-

ждениях республики насчитывалось 20162 средних медицинских работника, что на 536 чел. больше по сравнению с 1950 г. В расчете на 10000 чел. населения в 1960 г. в республике приходилось 14,9 врача, тогда как в 1950 г. – 14,1 [3. С. 199].

Последующие годы характеризовались дальнейшим ростом численности медработников в дагестанском селе. В 1970 г. в сельских учреждениях здравоохранения трудилось 597 врачей и 3324 чел. среднего медицинского персонала [8. С. 209].

В 1972-1973 гг. в распоряжение Министерства здравоохранения республики были направлены 541 врач и 1754 чел. среднего медперсонала, в том числе 305 врачей и 1097 чел. среднего медперсонала в сельские медицинские учреждения [15].

В 1985 г. в Дагестане насчитывалось 6902 врача и 16389 средних медицинских работников [9. С. 219]. Значительная часть представителей самой гуманной профессии трудилась в сельских учреждениях здравоохранения.

Рост сельской интеллигенции сопровождался усилением ее роли во всех сферах жизни дагестанского села.

Весомый вклад в повышение образовательного и культурного уровня сельского населения республики вносили учителя.

В исследуемый период, несмотря на определенные трудности, продолжалось дальнейшее поступательное развитие специального образования в республике. Успехи в его развитии ознаменовались заметным ростом численности специалистов высшей и средней квалификации в дагестанском селе, существенными позитивными изменениями в квалификационном уровне сельской интеллигенции.

Хотя календарно-административная система, усиление кризисных явлений в экономике создавали немалые трудности, представители интеллектуальных профессий вносили ощутимый вклад в развитие отраслей материального производства и решение социально-культурных проблем дагестанского села.

Литература

1. Дагестанская правда. 1978, 28 февраля.
2. Дагестанская правда. 1966, 13 января.
3. Зульпукаров З.Г. Кадры сельского хозяйства Дагестана в системе административно-командного управления // Организационная и идеологическая работа партийной организации Дагестана (60-80-е годы). Махачкала, 1990. 167 с.
4. Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. 415 с.
5. Каласов А. К. Развитие экономики общественных отношений в колхозах Дагестана (1945-1970 гг.). Махачкала, 1971. 165 с.
6. Магидов Х. Г. Очерки краткой истории развития образования в Дагестане. Махачкала, 1998. 325 с.
7. Мирзабеков М. Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала, 1998. 212 с.
8. Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный стат. сборник. 541 с.
9. Советский Дагестан за 40 лет: Стат. сб. Махачкала, 1960. 318 с.
10. ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 25. Д. 109. Л. 7.
11. ЦГА РД. 78. Л. 30; Оп. 39. Д. 159. Л. 61, 62.
12. ЦГА РД. Ф. р.-22. Оп. 25. Д. 79. Л. 28.
13. ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 9167. Л. 141.
14. ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 139. Д. 206. Л. 121.
15. ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 164. Д. 129. Л. 11.

References

1. Dagestanskaya Pravda. 1978. February, 28. (In Russian)
2. Dagestanskaya Pravda. 1966. January, 13. (In Russian)
3. Zulpukarov Z. G. *Kadry sel'skogo khozyaystva Dagestana v sisteme administrativno-komandnogo upravleniya* [Agrarian staff of Dagestan in the system of administrative command management]. Organizational and ideological work of the party organization of Dagestan (60-80s). Makhachkala, 1990. 167 p. (In Russian)
4. Kaymarazov G. S. *Ocherki istorii kul'tury narodov Dagestana* [Essays on the history of culture of Dagestan peoples]. Moscow, 1971. 415 p. (In Russian)
5. Kalasov A. K. *Razvitie ekonomiki obshchestvennykh otnosheniy v kolkhozakh Dagestana (1945-1970 gg.)* [The development of the economy of social relations in the farms of Dagestan (1945-1970s)]. Makhachkala, 1971. 165 p. (In Russian)
6. Magidov Kh. G. *Ocherki kratkoy istorii razvitiya obrazovaniya v Dagestane* [Essays on a brief history of the development of education in Dagestan]. Makhachkala, 1998. 325 p. (In Russian)
7. Mirzabekov M. Ya. *Kul'tura dagestanskogo sela. XX vek: istoriya, problemy* [Culture of Dagestan village. The 20th century: history, problems]. Makhachkala, 1998. 212 p. (In Russian)

8. The national economy of the Dagestan ASSR for the 50th anniversary of the USSR formation. Jubilee stat. collection. 541 p. (In Russian)

9. *Sovetskiy Dagestan za 40 let* [Soviet Dagestan in 40 years]: Stat. collection. Makhachkala, 1960. 318 p. (In Russian)

10. CSA RD. F. R-22. L. 25. C. 109. L. 7.
11. CSA RD. L. 39. C. 159. L. 61, 62.
12. CSA RD. F. R.-22. L. 25. C. 79. L. 28.
13. CSA RD. F. 1P. L. 1. C. 9167. L. 141.
14. CSA RD. F. 1P. L. 139. C. 206. L. 121.
15. CSA RD. F. 1P. L. 164. C. 129. L. 11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Мугутдинова Наида Шамильевна, кандидат исторических наук наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: magomedova-roza@yandex.ru

Принята в печать 25.05.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliations

Naida Sh. Mugutdinova, Ph. D. (History), assistant professor, the chair of History, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala Russia; e-mail: magomedova-roza@yandex.r

Received 25.05.2016.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.161.1 / UDC 811.161.1

Культура русской речи как актуальная лингвистическая проблема

©2016 Абдуллаев А. А., Шахбанова Д. Н., Рамазанова Д. А.
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: djumanagbarovna@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. В статье рассматриваются актуальные в условиях общения многонационального дагестанского народа проблемы культуры общения на русском языке. **Методы.** Анализ научной литературы и литературного творчества писателей, обобщение опыта. **Результаты.** В данной статье затронуты типичные в условиях национально-русского двуязычия особенности русской речи. **Вывод.** Причины нарушения норм русского литературного языка в русской речи носителей национально-русского двуязычия разнообразны. Педагоги с целью их предупреждения и преодоления должны объяснять обучающимся теоретические сведения о специфических категориях русского языка с историко-этимологическим освещением лингвистических явлений и формировать навыки правильной русской речи.

Ключевые слова: культура речи, интерференция, фразеологизм, этнос, субординативное двуязычие.

Формат цитирования: Абдуллаев А. А., Шахбанова Д. Н., Рамазанова Д. А. Культура русской речи как актуальная лингвистическая проблема // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 24-28.

The Russian Speech Culture as a Topical Linguistic Problem

© 2016 Alilgadzhi A. Abdullaev, Jumah N. Shakhbanova, Dzhavgarat A. Ramazanova
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: djumanagbarovna@mail.ru

ABSTRACT. Aim. The authors of the article discuss the modern urgent problems of the multinational Dagestan people, the cultural communication problems in Russian. **Methods.** The analysis of scientific literature and writers' literary creativity, summarizing the experience. **Results.** The authors touch upon the typical peculiarities of national-Russian bilingualism, especially the Russian speech. **Conclusion.** Causes of violations of Russian literary linguistic norms in the Russian speech of carriers of national-Russian bilingualism vary. To prevent and overcome them teachers need to explain the students theoretical information on specific categories of Russian with the historical and etymological cover of linguistic phenomena and to form skills of proper Russian speech.

Keywords: speech culture, interference, idiom, ethnicity, subordinative bilingualism.

For citation: Abdullaev A. A, Shakhbanova D. N., Ramazanova D. A. The Russian Speech Culture as a Topical Linguistic Problem. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 24-28. (In Russian)

Введение

Проблема культуры русской речи актуальна всегда, особенно в полиэтническом Дагестане как в теоретическом, так и прикладном аспектах и отражена в работах многих исследователей. Ее актуальность объясняется тем, что здесь эффект использования русского языка как средства межнационального общения и языка всей общественно-политической и культурно-образовательной сфер жизнедеятельности в существенной мере зависит от культуры речи на нем. В последнее время мы наблюдаем снижение культуры русской речи, засорение ее ненормативной лексикой, ослабление общественного внимания к соблюдению говорящими и пишущими общеобязательных правил русского литературного языка.

Правильность речи является фундаментом языковой культуры, без которой немыслимо нормальное общение в полиэтнической среде.

Данная работа предназначается прежде всего учителям, преподавателям русского языка, школьникам, студентам, аспирантам и всем тем, кто интересуется проблемами культуры русской речи в билингвистической среде.

Цель и методы исследования

В наше время, когда более 85% дагестанцев свободно владеют русским языком, интенсивно происходит межнациональное общение, закономерно повышается этико-эстетические требования общества к культуре общения дагестанцев-билингвов на русском языке. В этих условиях нормативность и правильность речи приобретают особое значение. Проанализировав литературное творчество писателей и изучив опыт, мы выявили типичное нарушение словоупотребительной нормы, грамматические ошибки, а также фонетические.

Культура речи – это прежде всего ее правильность, т.е. соответствие нормам современного русского литературного языка. В содержание понятия «культура речи», кроме того, входят выразительность, точность, логичность и уместность, благодаря соблюдению которых можно создать в голове слушателя или читателя тот объем информации, который имеется в голове говорящего, пишущего. Качество речи также определяется в зависимости от речевой ситуации, в частности, от учета соотношения социальных ролей участников общения.

Периодизация материала

В данной статье мы затронем типичные в условиях национально-русского двуязычия особенности русской речи, отчасти те, которые порождаются интерференционным влиянием системы национального языка на русскую речь дагестанцев-билингвов, носителей субординативного двуязычия, которое ведет к нарушению норм речевого употребления языковых единиц разных уровней.

Лексическая интерференция часто проявляется при употреблении билингвом русских фразеологизмов. Это объясняется существенными расхождениями между русскими и дагестанскими моделями иносказания. Приведем примеры ошибок билингвов: *Аллах терпел и нам велел*. Это необдуманный перевод русского выражения: *Бог терпел и нам велел*. Так говорят христиане, имея в виду страдания и мученическую смерть распятого Иисуса Христа. Но мусульманский аналог христианского Бога-отца – Аллах – не терпел ничего подобного. *Лучшее из двух зол* (вместо: *меньшее из двух зол)*. Как известно, зло не может быть оценено положительно определением *лучшее.* Предпочтительность меньшего из двух зол в сравнении с большим злом, которое выбирают, в языковом сознании билингва ассоциируется с понятием «хорошее, лучшее», что и явилось фактором интерференции. *Палец о палец не остался от социализма; Ни одного камня не осталось на камне от дедовского дома.* В данном случае наблюдается влияние компонентов других русских фразеологизмов, в которых словосочетания *палец о палец и камень на камне* выражают значение «ничего».

Нарушение норм употребления фразеологических единиц нередко вызывается незнанием говорящим или пишущим значения и происхождения одного из слов фразеологизма. Так, оратор, который информировал аудиторию о работе руководимого им коллектива, указал на такой не-

достаток: *Бывали случаи – и дрова ломали.* Он имел в виду то, что допускались серьезные ошибки. Искажено значение выражения *наломать дров,* в котором глагольная приставка *на-* указывает на большое количество. В основе выражения лежит представление о нежелательности преобладания поломанных дров. Раньше на Руси качество заготовленных дров расценивалось исходя из соотношения нарубленных и наломанных дров. Ломали, а не рубили топором тонкие ветки. Если их больше той нормы, которая стихийно определена была народными критериями, то это свидетельствовало о низком качестве, следовательно, низкой цене воза заготовленных дров. В примере интерферированного фразеологизма проявилось влияние структуры глаголов дагестанских языков, в которых отсутствуют смыслоразличительные приставки.

Некоторые русские фразеологизмы с семантическими архаизмами трактуются билингвами некорректно. Например, фразеологизм *ни кола, ни двора*, который употребляется при описании крайней бедности, как правило, жениха, многие билингвы осмысливают неравнозначно по той причине, что, во-первых, нет навыка его употребления, во-вторых, не имеют представления о его происхождении. В частности, слово *двор* истолковывают в его современном значении, а слово *кол* вообще не осмысливают. Причина в том, что эти слова раньше обозначали совершенно другие предметы: *двором называли* крестьянский дом, разумеется, со двором, а *кол* – минимальный размер пахотной земли. *Кол* – название меры площади пашни. Оно представляло собой перенос названия длинного шеста, который служил метрической единицей определения площади пахотной земли. Следовательно, данный фразеологизм можно объяснить как «ни дома, ни минимума пашни».

Отдельные ошибочные употребления фразеологизмов провоцируются так называемой парономазией, т. е. влиянием сходно звучащих слов. Например, в речи не только билингвов, но и русских встречается выражение *скрипя сердцем* (вместо: *скрепя сердце*).

Помимо фразеологических ошибок у билингвов встречаются и семантические ошибки – случаи толкования и перевода семантических архаизмов в их современной семантике. Например, национальный поэт, переложивший на родной язык стихотворение А. С. Пушкина «Памятник», слово *языки* перевел в значении «средства общения», тогда как оно означает «народы»:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

Типичное нарушение норм словоупотребления – плеоназмы и тавтологию – также наблюдаем в русской речи билингвов. Например: «все хозяйство в целом», где предложно-падежное сочетание *в целом* повторяет значение местоимения *все*; «Пироги идут всегда после рыбы, рыбных блюд». В данном контексте *рыба и рыбные блюда* – одно и то же; «Крепость по всему периметру окружал частокол из бревен с заостренными концами». Констатация значения существительного *частокол* является тавтологией, так как оно заключено в самом слове.

Распространенным стилистическим изъяном письменных текстов билингвов можно считать некорректное использование слов в функции однородных членов предложения. Например: «знание и владение нормами русского литературного языка». Ошибка в том, что в качестве однородных употреблены глаголы, управляющие разными падежами: *знание норм* (винительный падеж) и *владение нормами* (творительный падеж). Наблюдения за устной и письменной речью дагестанцев-билингвов подтверждают, что этот тип ошибки – один из самых распространенных типов грамматических ошибок. Анализируя такие примеры, как «русские, мусульмане и кавказцы» важно объяснять, что однородными членами предложения не могут выступать названия разнопорядковых понятий: *русские* – название по национальности, *мусульмане* – по религиозному признаку, *кавказцы* – по географическому признаку.

Неправильно также использование близких, порою тождественных по значению слов в качестве однородных членов предложения, например: «культура, нравственность, духовные идеалы». Слова с разным объемом значения не могут быть употреблены как однородные. Например: «русская, российская культура». Русская

культура – это культура русского народа, а российская культура – многонациональна; «русский, российский этнос». Здесь обнаруживаем смешение разных понятий: *Русский этнос* – это русская нация, а *российского этноса* нет. Может быть логичным говорить о российской полиэтнической нации, российском народе, но не *этносе.* Применительно к Дагестану можно говорить о дагестанском полиэтническом народе, но не дагестанском этносе. Этносами являются аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины и т. д.

Грамматические ошибки вызваны неверным соединением с помощью сочинительного соединительного союза И синтаксически неравнозначных единиц в качестве однородных: *В сочинении я хотел сказать о значении спорта и почему я его люблю* – соединение дополнения с придаточным*) Все были рады, счастливы и веселые* – соединение полной и краткой форм в сказуемом.

Носители субординативного двуязычия часто нарушают литературные нормы и допускают грубые грамматические ошибки такого типа: «Иду примерить давление» (вместо: *измерить, померить*); «ручные часы» (вместо*: наручные*), «из чего пирожки?» (вместо: *с чем*).

Отметим и такое весьма частое отклонение от норм современного русского литературного языка, которое проявляется в чтении отдельных стихотворений и басен XIX века, как неверное произношение отдельных звуков в произведениях классиков. Например: фонетическая ошибка допускается при чтении произведений Пушкина, где вместо *Е* надо читать *Е* соответственно нормам произношения тех лет.

Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединЕнный,
Печальным снегом занесЕнный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье
И голос мой душе твоей
Дарует то же утешение,
Да озарит заточенье
Лучом лицейских ясных дней.

Таким образом, мы указали на ряд лексических, грамматических и фонетических ошибок в речи дагестанцев-билингвов и выяснили причины их возникновения.

Заключение

Как выяснилось, причины нарушения норм русского литературного языка в русской речи носителей национально-русского двуязычия разнообразны. Педагоги с целью их предупреждения и преодоления должны объяснять обучающимся теоретические сведения о специфических категориях русского языка с историко-этимологическим освещением лингвистических явлений и формировать навыки правильной и культурной русской речи. Это весьма сложная и трудная задача учителя русского языка и русской литературы, успешное решение которой зависит от его лингвистической эрудиции и уровня методической подготовки. В данной статье рассматривались большей частью ошибки в устной и письменной речи студентов. «Став случайным слушателем беседы студентов, мы порой удивляемся бескультурью в их общении. Если такое положение в студенческой среде, то можно себе представить, как общается простое население Дагестана. Вот почему нашему народу необходима культура общения» [6. С. 582].

Учитель русского языка и русской литературы должен не только владеть в совершенстве современным русским литературным языком, но и понимать и уметь объяснять разнообразные лексические и семантические архаизмы, устаревшие грамматические формы, а также ныне происходящие в русском языке активные процессы. Кроме того, он должен хорошо знать особенности родного языка учащихся, чтобы объяснение интерференционных ошибок в их русской речи было доступным и убедительно аргументированным.

В целях формирования культуры русской речи билингвов разнородные явления интерференции, снижающие культуру речи, должны быть изучены и учитываемы при построении тех или иных моделей культурноречевого воздействия [1. С. 9].

Литература

1. Абдуллаев А. А. Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. Махачкала, 1995. 298 с.

2. Блягоз З. У. Двуязычие и культура русской речи. Майкоп, 1977. 256 с.

3. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М., 1988. 320 с.

4. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980. 352 с.

5. Тарланов З. К. Русский язык как фактор сплочения и культуросозидания в Евразии // Материалы международной научно-теоретической конференции «Русский язык и языки народов России: функционирование и структурное взаимодействие». Владикавказ, 2001. С. 384-386.

6. Шахбанова Д. Н., Абдуллаева У. А., Курбанова З. Г. Роль речевого этикета в культуре общения // Материалы VIII Международной научно-практической конференции, 27 апреля 2015 г. «Образование: традиции и инновации». Прага, 2015. С. 582-584.

References

1. Abdullaev A. A. *Kul'tura russkoy rechi v usloviyakh natsional'no-russkogo dvuyazychiya* [Culture of Russian speech in a national-Russian bilingualism]. Makhachkala, 1995. 298 p. (In Russian)

2. Blyagoz Z. U. *Dvuyazychie i kul'tura russkoy rechi* [Bilingualism and Russian speech culture]. Maykop, 1977. 256 p. (In Russian)

3. Golovin B. N. *Osnovy kul'tury rechi* [Fundamentals of speech culture]. Moscow, 1988. 320 p. (In Russian)

4. Skvortsov L. I. *Teoreticheskie osnovy kul'tury rechi* [Theoretical basis of speech]. Moscow, 1980. 352 p. (In Russian)

5. Tarlanov Z. K. *Russkiy yazyk kak faktor splocheniya i kul'turosozidaniya v Evrazii* [Russian as a factor of cohesion and culture creativity in Eurasia]. Proceedings of the international scientific-theoretical conference "Russian and languages of the peoples of Russia: functioning and structural interchange. Vladikavkaz, 2001. Pp. 384-386. (In Russian)

6. Shakhbanova D. N., Abdullaeva U. A, Kurbanova Z. G. *Rol' rechevogo etiketa v kul'ture obshcheniya* [The role of speech etiquette in culture of communication]. Materials of the 8th International scientific-practical conference. April 27, 2015 "Education: traditions and innovations" Prague, 2015. Pp. 582-584. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Принадлежность к организации

Абдуллаев Алилгаджи Абдуллаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретических основ и технологий начального языкового образования факультета начальных классов, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), Махачкала, Россия; e-mail: djumanagbarovna@mail.ru

Шахбанова Джума Нагбаровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретических основ и технологий начального языкового образования факультета начальных классов, ДГПУ, Махачкала, Россия; e-mail: djumanagbarovna@mail.ru

Рамазанова Джавгарат Асадуллаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретических основ и технологий начального языкового образования факультета начальных классов, ДГПУ, Махачкала, Россия; e-mail: djumanagbarovna@mail.ru

Принята в печать 05.08.2016 г.

INFORMATION ABOUT AUTHORS
Affiliations

Alilgadzhi A. Abdullaev, Dr. of Philology, professor, the chair of Theoretical Bases and Tecnlogies of Primary Linguistic Education, faculty of Primary School, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: djumanagbarovna@mail.ru

Jumah N. Shakhbanova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Theoretical Bases and Tecnlogies of Primary Linguistic Education, faculty of Primary School, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: djumanagbarovna @mail.ru

Dzhavgarat A. Ramazanova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Theoretical Bases and Tecnlogies of Primary Linguistic Education, faculty of Primary School, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: djumanagbarovna@mail.ru

Received 05.08.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.116.1 / UDC 811.116.1

Контрастная корреляция как стилистический прием изображения

©2016 **Абдуллаева З. К.**
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: dgpu_nauka@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье рассматриваются стилистически востребованные и когнитивно оправданные контрастные корреляции реалий, понятий, лиц, характеров и т.д.

Ключевые слова: художественная литература, язык, идиостиль, корреляция, концепт, имам Шамиль.

Формат цитирования: Абдуллаева З. К. Контрастная корреляция как стилистический прием изображения // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 29-35.

The Contrast Correlation as a Stylistic Depiction Device

© 2016 **Zaira K. Abdullaeva**
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: dgpu_nauka@mail.ru

ABSTRACT. The author of the article considers stylistically popular and cognitively reasonable contrast correlations of realities, concepts, persons, characters, etc.

Keywords: fiction, language, author's style, correlation, concept, Imam Shamil.

For citation: Abdullaeva Z. K. The Contrast Correlation as a Stylistic Depiction Device. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 29-35. (In Russian)

«Изучение языка художественной литературы приобретает исключительно важное значение. Можно прямо сказать, что язык здесь приобретает новое качество, новые измерения» [2. С. 292]. Лингвокультуроведческий анализ художественного произведения предполагает выявление такого его характерологического признака, как функциональная роль индивидуального стиля автора. Рассматривая роман М. Ибрагимовой «Имам Шамиль» в этом ключе, наблюдаем такую его стилистическую особенность, как контрастная соотнесенность реалий, понятий, концепций, ситуаций и характеров. Не только эксплицитное, но также имплицитное противопоставление концептов способствует более яркому и полному освещению изображаемого. Благодаря такому стилистическому решению повествование становится выразительным, убедительным, нередко исчерпывающе полным в содержательном отношении.

Академик В. В. Виноградов писал: «Познать индивидуальный стиль писателя, стиль его литературных произведений – вне всякой установки традиций, но на определенном языковом фоне, в раскрытом литературно-языковом контексте исторической действительности, целостно и замкнуто, как своеобразную структуру словесных форм в их эстетической организованности, – это первая задача исторического исследования» [3. С. 92].

С точки зрения свободы народов, сохранения их суверенитета и национального достоинства различаются два враждующих лагеря: царская Россия, которая стремилась жестокими мерами покорить Дагестан и Чечню, и горцы, представители разных кавказских национальностей, которые вступили в народно-освободительную борьбу под предводительством Шамиля с русским царизмом и местными феодальными владетелями. Это непримиримые

антагонистические силы, которые стояли в противоборстве более четверти века.

По-разному расцениваются стратегические системы наместников Кавказа, главнокомандующих по их соответствию намерениям царизма. Так, вкратце и в деликатной форме характеризуя Ермолова с точки зрения методологии стратегических устремлений в деле завоевания Чечни и Дагестана, новый российский император Александр II говорил Барятинскому: «Излишне патриотические убеждения Ермолова привели к тому, что в течение многих лет нам не удается восстановить спокойствие в Чечне, Дагестане и на Черноморском побережье Кавказа».

Назначая Барятинского главнокомандующим русской армией на Кавказе, император надеялся, что политика нового наместника, его стратегия и вытекающие из нее тактические решения в отношении горцев будут кардинально отличаться от тех, которыми руководствовался Ермолов. Следовательно, с точки зрения методов завоевания Чечни и Дагестана Ермолов и Барятинский воспринимаются читателем романа как военачальники с противоположными военно-политическими концепциями.

По-разному относятся к России и русским людям имам Шамиль и возвращенный из Петербурга его сын Джамалуддин. Когда Шамиль сказал, что Джамалуддин и племянник имама Гамзат, который, как и Джамалуддин, был сдан в качестве аманата (заложника), поведут своих мюридов против неверных, Джамалуддин в категорической форме заявил: «Нет, отец, я никогда не подниму оружия против русских, ибо считаю это братоубийством». Для Шамиля Россия (до его пленения и ознакомления с Россией) – страна поработителей, стан лютых врагов, которые ничего не понимают, кроме языка шашки, а для Джамалуддина Россия – вторая Родина, тоскуя по которой умер от чахотки в невзрачной горской сакле. По этому поводу автор романа пишет: «Джамалуддин проникся к нему (Шамилю) глубоким уважением и искренней сыновней любовью, но между ними преградой стояла Россия. Для Джамалуддина она была второй родиной, для Шамиля – обителью несправедливого, жестокого гяуразахватчика. Сын лелеял мечту о примирении отца с государем, отец – об избавлении от посягательств иноверного пачи на его страну» [8. С. 508]. Джамалуддин был в тяжелейшем состоянии. Одни хрупкие кости, обтянутые белой кожей, остались от блестящего офицера царской службы. «Слабо блеснули его угасающие глаза при виде отца. Он с трудом протянул к нему высохшую руку» [8. С. 514]. Джамалуддин тяжело переносил свое трагическое состояние, воочию предвидя свой скорый конец. Специально приглашенному к нему русскому врачу говорит он: «Я не хочу бороться за это жалкое существование, которое вы называете жизнью. Я устал. Только за год своей жизни на родине я пережил столько мук, сколько не переживает самый несчастный за вечность» [8. С. 516].

По критериям культуры поведения личности и отношению к общественному мнению антагонистами изображены Шамиль, представлявший собой эталон нравственности и образец добропорядочности, и его отец Доного, который позорил Шамиля и всю семью, выставляя себя перед всем аулом посмешищем. Отец будущего имама слыл любителем выпить и побалагурить, а Шамиль был убежденным трезвенником и всю жизнь оставался им.

Противоположностями также являются Шамиль и бывший владелец раба Салиха, чеченец, рыжий Махач. Последний решил зарезать несчастного юношу за то, что столкнул в пропасть хозяйского осла. Услышав об этом от сына Джамалуддина, Шамиль поспешил к месту преступления. Имам поговорил с рабовладельцем, заплатил ему за Салиха и принял его в свой дом, сделал членом семьи. Шамиль запретил работорговлю в Дагестане и Чечне.

В отношении этической культуры и морали противостоят Шамиль и чеченец Янди, который дал пощечину пожилому русскому солдату, перебежавшему к Шамилю. Янди оправдывал свой проступок тем, что «*этот донгуз*» (свинья) не уступил ему дорогу при встрече. Шамиль говорил, что этот русский не вынес тяжелого положения солдата, которого унижали, били, и перебежал к горцам и что он должен пользоваться теми же правами, какими пользуются горцы. Обидчика наказали пятнадцатью плетьми по голой спине, чтобы впредь никому неповадно было поступать так, как поступил Янди.

С точки зрения взаимоотношений дагестанцев и русских, целесообразности ведения борьбы горцев с царизмом противо-

положных позиций придерживаются хан Кюринский и Казикумухский Аслан-бек и шейх Магомед Ярагский, общепризнанный духовный авторитет. Видя в Магомеде Ярагском смутьяна, будоражащего наивных горцев, призывающего их к борьбе с русскими, Аслан-бек предупреждает шейха, чтобы тот прекратил свою пропаганду, ибо воевать с могущественной Россией безрассудно. Хан дал ему пощечину, чем крайне возмутил присутствующих и тех, кто об этом услышал. Итак, идеолог тариката и мюридизма Магомед Ярагский и феодальный владетель, наделенный царизмом большими полномочиями, Аслан-бек противостоят друг другу как непримиримые идейно-политические антагонисты.

На наш взгляд, подготовленный, мыслящий читатель, прочитав роман, объективно оценит крайне трагические для Дагестана последствия Кавказской войны, с тяжелым сердцем осмыслив весь драматизм военного покорения родного края, непременно задумается о том, кто же из них оказался прав: Аслан-бек или Магомед Ярагский.

В плане понимания, толкования и соблюдения морали мусульманского духовного лица различны Саид Араканский, который позволял себе являться в мечеть выпившим, и Шамиль, который учился у него, но от него отказался. Саиду Араканскому как альтернатива противопоставлен праведник, устад Джамалуддин Казикумухский, учитель и наставник Шамиля, его близкий родственник и неизменный соратник. Саид Араканский является отрицательным персонажем романа: он за мзду доносил на своих соплеменников, был частым гостем в царской администрации в Темир-хан-Шуре. Он стал предателем: во время Гимринского сражения Шамиль увидел его среди русских солдат, т. е. в стане врагов.

В плане верности долга, преданности Шамилю противоположны наибы Хаджи-Мурат и Ахвердиль-Магома. Хаджи-Мурат неоднократно перебегал от русских к Шамилю и обратно, самовольничал, превышая полномочия наиба, совершая грабеж подвластного населения и аморальные поступки. Диаметральной противоположностью ему выступает Ахвердиль-Магома, верный Шамилю и высоко им ценимый наиб.

В отношении верности клятве, данной при принятии Шамилем и всей его семьей верноподданичества русскому царю, резко контрастируют сыновья имама Гази-Магомед и Магомед-Шафи. Первый, изменив присяге, примкнул к турецкой армии и воевал против русских, а второй стал русским офицером со всеми свойственными такому званию качествами.

Непримиримыми антагонистами представлены отставной фельдмаршал Ермолов и Шамиль на специально устроенной встрече в Московском Кремле. Когда Шамиль вошел в зал, Ермолов, пренебрегши общепринятым этическим правилом поведения, не встал навстречу гостю. Он был уверен, что пленник должен подойти к нему и приложиться к руке фельдмаршала. А Шамиль адекватно расценив невежество ненавистного всеми кавказцами царского сатрапа, не говоря ничего, занял свободное кресло с чувством собственного достоинства, демонстрируя неизменное свое величие. Затем он, отвечая на вопросы о Ермолове, дал совершенно объективную характеристику бывшему главнокомандующему. По словам Шамиля, Ермолов принес большой вред не только горцам, но и своему правительству. Он запретил паломничество мусульман Кавказа в святые места, запомнился горцам крайней жестокостью. Шамиль особо выделил тот факт, что Ермолов допускал грубую брань даже в общении с ханами, настроил последних против царизма, на стороне которого в прошлом те воевали. В связи с этим представляется уместным привести характеристику Ермолова, данную академиком Г. Г. Гамзатовым: «Видный военный и дипломатический деятель России генерал А. П. Ермолов (1772-1861 гг.) был личностью яркой, но противоречивой судьбы. Это был, с одной стороны, подлинный герой Отечественной войны 1812 г., сочувственно относившийся к прогрессивным веяниям эпохи, даже покровительствовавший участникам декабристского движения 1825 г. Вместе с тем, оказавшись в роли главнокомандующего на Кавказе в 1816-1827 гг., А. П. Ермолов проявил себя воинствующим проводником реакционных установок самодержавной политики и колониального деспотизма в этом крае» [7. С. 40].

Выразительным стилистическим приемом можно считать противопоставление большинства наибов Шамилю в последний

период войны. Имам всячески предостерегал их от соблазна обогащения, но они предпочитали последнее. Как известно, одной из серьезных причин поражения шамилевского движения явилась нравственная деградация большинства наибов и постепенный их отход от военных действий. К концу войны некоторые из них накопили баснословное богатство. Например, «наиб Шугаиб-мулла имел 35 ружей, 4 тысячи баранов, 500 голов крупного рогатого скота, 60 буйволов и около 30 тысяч рублей серебром. У Даниель-бека в конце войны имущество оценивалось в 3 миллиона рублей… Получилось так, что наибы Шамиля как бы заменили вчерашних ханов, беков и биев» [4. С. 87].

Контрастно различаются жены Шамиля Шуанат и Загидат. Загидат и внешностью, и своей жадностью, и неприязнью к пленным представляет собой противоположность Шуанат. В отношении к пленным противостоят друг другу Шамиль и его жена Загидат. Узнав, что она ущемляет в еде пленных, Шамиль отстраняет от приготовления им пищи, заменив ее своей тетей Меседу, а повару дает указание кормить пленных и его, имама, едой, сваренной в одном и том же котле.

Релевантным стилистическим приемом считаем контрастное различие этапов жизни отдельной личности. В этом отношении привлекает внимание явная метаморфоза, которая произошла во взглядах Шамиля на Россию и русских. На протяжении долгих лет войны Россия представлялась ему некой империей зла, страной врагов, а русских воинов он воспринимал как защитников этой империи, верных слуг царизма, хотя к русским солдатам, которые добровольно перебегали к нему, Шамиль относился с пониманием их нелегкой участи в российской армии, службе в которой они отдавали 20 лучших лет жизни. Но во взглядах Шамиля произошли коренные изменения после того, как он, находясь в плену, узнал русских доброжелательных людей, испытыл на себе дружеское отношение царя и двора к пленнику и его многочисленному семейству. Шамиль признается Александру II в том, что искренне раскаивается, что не послушался сына Джамалуддина и не примирился с русскими раньше. Шамиль говорил: «Сожалею о вражде к русским, которая сжигала душу и туманила разум. Я узнал вас, увидел людей, которым аллах не зря дарует широкие просторы вселенной и лучшие земные блага, ибо только он может справедливо одаривать достойных» [8. С. 567].

Но Шамиль не мог знать, что на тех же милостиво дарованных аллахом широких просторах России русские крестьяне влачили жалкое существование в бедности и невежестве, их культура и быт были далеки от европейской цивилизации. Он также не думал о том, что его соплеменники, обитатели горных трущоб в дагестанской глубинке, ни в чем не провинившиеся перед аллахом, обойдены его вниманием, лишены «широких просторов и благ жизни». Шамиль не подумал о том, как его дифирамбы в адрес русского народа отзовутся в сознании его многострадальных соотечественников.

Весьма впечатляющим стилистическим решением М. Ибрагимовой является изображение сына Шамиля Джамалуддина в контрастных условиях: в Петербурге и Дагестане. Блестящий офицер русской армии с радужными перспективами личной жизни и служебной карьеры, любимец императора Николая I, он вынужден был повиноваться воле отца и вернуться на свою исконную родину. Он тосковал по своей второй родине, России, где воспитывался, учился, где любил и был любим красавицей Олениной. Судьба Джамалуддина трагична: он заболел туберкулезом и умер. Изображение автором романа несчастной судьбы Джамалуддина, во-первых, – несомненно удачное стилистическое решение, во-вторых, оно наводит на размышление о том, кто виноват или что виновато в столь печальной участи сына имама, воспитанника Николая I. На наш взгляд, виновато, прежде всего, роковое стечение обстоятельств. Виноваты и амбиции Шамиля, который, возвращая сына, не понимал, что ломает ему жизнь. М. Ибрагимова предоставляет читателю возможность самому решать проблемы, которые остаются в тексте имплицитно заложенными. Читатель же решает их в соответствии со своим кругозором и образовательным уровнем. Это бесспорное достижение автора романа, художественно-эстетически востребованное и оправданное стилистическое решение.

Таким образом, стилистический прием изображения персонажей в контрастной соотнесенности друг с другом, а также описание жизни героя в резко противополож-

ных ситуациях, в связи с которыми меняются его воззрения на войну горцев с русским царизмом, не только способствует разностороннему освещению личностей и реальных обстоятельств, но и дает возможность читателю по-своему трактовать изображаемое.

Непримиримые политические взгляды различают двоюродных братьев – Джамалуддина, сына Шамиля, и Гамзата, сына его сестры, которые жили в России в качестве аманатов (заложников). Услышав о смерти Николая I, Джамалуддин говорит больному Гамзату: «Россию постигло страшное горе, умер император». Гамзат сказал ему, что, очевидно, полстраны ликует. Джамалуддиннапомнил ему, что он офицер, давший присягу. Гамзат объяснил свое мнение неопровержимыми доводами: «Он отнял у меня родину, мать, отца, лишил детства, здоровья. Превращенного в сухие мощи, вновь бросил меня сюда, разве этого мало?».

На упрек Джамалуддина, который был уверен, что Гамзат, как и он, в лице Николая I видел всю Россию, Гамзат ответил, что не отождествлял царя и русский народ, потому что, прожив в России на год больше, чем Джамалуддин, хорошо узнал простой русский народ. Затем последовал монолог Гамзата с неотразимой логикой, объективностью и убедительностью, полный негативной, но вполне обоснованной оценки режима Николая I: «Ты воспитанник пажеского корпуса, ничего не знаешь о царе, ничего не видел. Тебя учили играть на фортепьяно, болтать по-французски, по-английски. Когда ты учился в кадетском корпусе, тебе разрешали посещать итальянскую и французскую оперу во дворце, приглашали на балы. По воле императора ты оказался в его личной охране… А я, как и многие, знал серые стены приюта, а затем казармы с нескончаемой муштрой, но зато в гуще простого народа, ближе к земной жизни, с печалями и горестями». Джамалуддин спросил, неужели в жизни Гамзата в России не было светлых минут? Гамзат ответил, что были, но они дарованы были не царем, а добрыми русскими людьми, такими же многострадальными, как и он. Гамзат, резюмируя свое мнение о Джамалуддине, сказал: «Ты, живя в России, за малым, личным не увидел большого, общего». На вопрос Джамалуддина, что под этим он подразумевал, Гамзат ответил: «Россию, Польшу, Австрию, Кавказ, раздавленные жандармским сапогом Николая. Подразумеваю декабристов – лучших сынов империи, вздернутых на виселицы, загнанных в Сибирь».

В передаче психологически напряженного диалога Джамалуддина и Гамзата проявились объективность, реалистичность, искреннее сочувствие автора романа каждому из них, которые оказались в России по одному и тому же поводу, но жили в ней в неодинаковых условиях.

Наконец отметим лаконичное, но полное драматизма описание убийства отцом родного сына. Житель Гуниба, старый Али-Кади, узнав, что его сын Джабраил за кисет золотых монет показал русским воинам тайную тропинку, по которой они взобрались на Гуниб, столкнул предателя в пропасть и вслед ему швырнул горсть старинных русских золотых. Конфликт с трагическим исходом между отцом-патриотом и сыном-предателем раскрывает противоположность их нравственно-этических приоритетов.

Объясняя Шамилю свой поступок, старик говорил: «В нашем роду, небогатом, но известном в Аварии, все мужчины гордо носили папахи. Умели и женщины беречь честь. Трус становится жалким. Предатель – омерзительным. Я не мог перенести подлости своего сына».

М. Ибрагимова в романе «Имам Шамиль» соединила традиции документалистского повествования и художественно-эстетического изображения. Воины противоборствующих сторон выступают поборниками соответствующих идеологических и политических доктрин и стратегических установок. Однако в романе нет сцен, которые были бы спровоцированы этническим или конфессиональным различием между отдельными горцем и русским. Важно отметить и то, что в дискурсивно релевантных повествованиях нельзя встретить пейоративных прозвищ русских и горцев ни в авторском тексте, ни в речи персонажей. М. Ибрагимова одинаково переживает поражение в боях и русских, и горцев, искренне сочувствует тем и другим, когда описываются драматические ситуации с гибелью десятков тысяч воинов. Она справедливо считает смерть всякого участника Кавказской войны жертвой, не оправданной высшими ценностями человеческого бытия.

Объективную позицию М. Ибрагимовой в отношении горцев и русских можно объяснить, во-первых, высоким уровнем ее гражданственности, гуманности и художественно-эстетическим совершенством таланта, во-вторых, ее генетическим статусом дочери двух народов – лакцев и русских. Следовательно, дух интернационализма жил в ней как врожденное благородное чувство, как черта дагестанского менталитета: в дагестанском многонациональном социуме никогда не придавалось принципиального значения этническому, религиозному или языковому различию между людьми, единственно приемлемым идентификационным фактором гражданина полиэтнической страны считались его личностные качества. И М. Ибрагимова глубоко осознала необходимость отражения в своем литературном творчестве веротерпимости и толерантного отношения друг к другу представителей разных народов, носителей разных языков, без чего невозможен мир в многонациональном обществе. Она прекрасно понимала, что не бывает однозначно хорошего или однозначно плохого народа, и руководствовалась в своей трудовой деятельности и художественно-литературном творчестве этой нравственно-этической непреложностью.

Литература

1. Абдуллаев А. А., Сантуева Э. З. Лингвистический анализ русскоязычной художественной литературы лакских писателей. Махачкала, 2013. 198 с.
2. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Собрание сочинений. Т. 5. М., 1997. С. 182-215.
3. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. 366 с.
4. Гаджиев Б. И. Шамиль. От Гимр до Медины. Махачкала, 1992. 215 с.
5. Гальперин И. Р. О понятии «стиль» и стилистика // Вопросы языкознания, 1973, № 3. С. 124-132.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 144 с.
7. Гамзатов Г. Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978. 125 с.
8. Ибрагимова М. Имам Шамиль. Роман. М., 1991. 608 с.
9. Казиев Ш. М. Имам Шамиль. ЖЗЛ. М., 2006. 382 с.
10. Мариам. Жизнь и творческий путь Мариам Ибрагимовой, рассказанный ее современниками. Собр. соч. в 15 томах. Т. 1. М., 2009. 215 с.

References

1. Abdullaev A. A., Santueva E. Z. *Lingvisticheskiy analiz russkoyazychnoy khudozhestvennoy literatury lakskikh pisateley* [Linguistic analysis of Lak writers' Russian-language literature]. Makhachkala, 2013. 198 p. (In Russian)
2. Bakhtin M. M. *Yazyk v khudozhestvennoy literature* [Language in fiction]. Collected works. Vol. 5. Moscow, 1997. Pp. 182-215. (In Russian)
3. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy prozy* [The fiction prose language of literary prose]. Moscow, 1980. 366 p. (In Russian)
4. Gadzhiev B. I. *Shamil'. Ot Gimr do Mediny* [Shamil. From Gimry to Medina. Makhachkala, 1992. 215 p. (In Russian)
5. Galperin I. R. The "style" concept and stylistics. *Voprosy yazykoznaniya* [Problems of linguistics], 1973, No. 3. Pp. 124-132. (In Russian)
6. Galperin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as a linguistic research object]. Moscow, 1981. 144p. (In Russian)
7. Gamzatov G. G. *Formirovanie mnogonatsional'noy literaturnoy sistemy v dorevolyutsionnom Dagestane* [Formation of interethnic literary system in pre-revolutionary Dagestan]. Makhachkala, 1978. 125 p. (In Russian)
8. Ibragimova M. Imam Shamil. Novel. Moscow, 1991. 608 p. (In Russian)
9. Kaziev Sh. M. Imam Shamil. LRP. Moscow, 2006. 382 p. (In Russian)
10. Mariam. Mariam. *Zhizn' i tvorcheskiy put' Mariam Ibragimovoy, rasskazannyy ee sovremennikami* [Mariam Ibragimova's life and creative career, as told by her coevals]. Coll. works in 15 volumes. Vol. 1. Moscow, 2009. 215 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Абдуллаева Заира Камиловна, аспирант кафедры теории и методики обучения русскому языку, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), г. Махачкала, Россия; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Научный руководитель: доктор филоло-

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Zaira K. Abdullaeva, postgraduate, the chair of Theory and Methods of Teaching Russian, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Supervisor: A. A. Abdullaev, Doctor of Philology, professor, the chair of Theoretical

гических наук, профессор кафедры теоретических основ и технологий начального языкового образования ДГПУ А. А. Абдуллаев.

Принята в печать 25.06.2016 г.

Bases and Technology of Primary Linguistic Education, DSPU.

Received 25.06.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 821(470.67) / UDC 821(470.67)

Проблемы эстетики природы и труда в поэзии горцев XIX – начала XX вв.

©2016 **Асеков З. И., Салманов М. А.**
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: dgpu_nauka@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье показано отношение к окружающей природе, которое всегда определялось смыслом чего-то большого для человека. В процессе освоения и познания природа становилась выразителем человеческого бытия, его чувств и мыслей. Эстетическая культура народов ярко отражена в поэзии, декоративно-прикладном искусстве.

Ключевые слова: человек, эстетика, природа, труд, обычаи, традиции, мораль, права, обязанности, прикладное искусство, ковроделие, керамика, Эльдарилав из Ругуджа, Магомед из Тлоха, Али-Гаджи из Инхо, Саид Габиев, Аткай Аджаматов, Анвар Аджиев.

Формат цитирования: Асеков З. И., Салманов М. А. Проблемы эстетики природы и труда в поэзии горцев XIX – начала XX вв. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 35-40.

The Nature and Labour Aesthetic Problems in the Mountaineers' Poetry in the 19th Century and the Beginning of the 20th One

© 2016 **Zaur I. Asekov, Magomed A. Salmanov**
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: dgpu_nauka@mail.ru

ABSTRACT. The article shows the attitude toward nature which is always determined by the sense of something big for the person. In the process of development and cognition the nature has become the expresser of human being, his feelings and thoughts. The aesthetic culture of the peoples is vividly reflected in the poetry, arts and crafts.

Keywords: human, aesthetics, nature, labour, customs, traditions, moral, rights, responsibilities, crafts, carpet weaving, ceramics, Eldarilav of Rugudzha, Magomed of Tlokh, Ali-Gaji of Inho, Said Gabiev , Atkay Adzhamatov, Anvar Adzhiev.

For citation: Asekov Z. I., Salmanov M. A. The Nature and Labour Aesthetic Problems in the Mountaineers' Poetry in the 19th Century and the Beginning of the 20th One. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 35-40. (In Russian)

Отношение к окружающей природе всегда определялось смыслом чего-то большого для человека. Необходимостью регулирования отношений во всех сферах деятельности человека формировались обычаи, традиции, мораль, права, обязанности человека.

На начальных этапах освоения человеком природы – это не столько отношение субъекта к объекту, а, скорее, нахождение самого себя во внешнем мире, наделение качественно многообразного мира теми качествами, какими обладает сам человек. Радостное пробуждение чувств человека и природы весной; сравнение прекрасной горянки с пышно цветущим растением – розой, тюльпаном, полевым цветком; печаль и сравнение ее с осенью, увяданием; хмурость – с зимой в природе, таковы преобладающие мотивы горской лирики.

Эстетические отношения, складывавшиеся в системе общественных связей человека, соответствовали историческому уровню развития производства и во многом зависели не только от объективно складывавшихся отношений к труду в данном обществе, но и от профессиональной культуры и мировоззрения личности.

Труд человека приобретает эстетический, нравственный смысл. Огромное количество вещей, необходимых в повседневной жизни людей, создавалось на основе тысячелетнего опыта ручного труда крестьян и ремесленников. Не только украшения, но и многие вещи, необходимые в быту, обладали высокими эстетическими качествами – красотой и изяществом.

Трудовой деятельности ремесленников феодального Дагестана были присущи основательность и добротность в обработке изделий, стремление достичь высокого мастерства, высокой оценки его качества. Забота о качестве каждого изготовляемого горцами изделия – свидетельство отсутствия массового производства, ограниченности рынка, на который они работали.

В обществе мелких товаропроизводителей труд не мог считаться позорным занятием. В труде видели нормальное состояние человека. Правда, в труде горцы видели и наказание, когда сам процесс трудовой деятельности сопровождался унижением и эксплуатацией человека.

Народы Дагестана до конца XX столетия смогли сохранить эстетические традиции центров ремесел, не превращая их в фабрики, в массовом порядке штампующих товары. Горцы смогли сохранить в центрах художественных промыслов их эстетическое предназначение в своей непосредственной оригинальности. Крупными центрами декоративно-прикладного искусства, достигшими высокой культуры и мирового признания, явились Кубачи, Амузги, Харбук, Кумух, Унцукуль, Гоцатль, Анди, Дербент, Ахты, Микрах.

О. В. Маргграф пишет, что издавна «Кази-Кумух славился как столица округа с самыми изящными образцами оружейного искусства, а также высоким мастерством отделки изделии серебром и золотом» [5. С. 215].

Своей оригинальностью отличались ювелирные изделия селений Ахты, Цахур, Чох, Согратль, Ходжал-Махи, Кахиб, Тинди, Эндирей. Одним из крупнейших центров, получивших мировую известность, в котором достигло высочайшего мастерства изготовление ювелирных изделий, стало селение Кубачи. Здесь накопились богатейшие традиции художественных приемов обработки драгоценных металлов, овладение которых требует долголетней выучки, специальной подготовки ювелира.

Издавна славился своими изделиями из дерева Унцукуль. Украшенные насечным орнаментом, выточенные из дерева трубки, трости, подсвечники, стаканы, шкатулки издавна пользовались славой у населения. Отточенные изделия с серебряной и мельхиоровой насечкой, с изысканным орнаментом привлекали красотой как в прошлом, так и сейчас.

Уникальны гончарные изделия с ангобной росписью, цветной глазурью селений Балхар, Сулевкент, Испик, Джули. Изделия этих сел удовлетворяли как бытовые, так и эстетические потребности народов Дагестана. Изящная, многоцветная поливная керамика с рельефными украшениями, названная испикской, имела в основном декоративное, эстетическое предназначение для кухни, гостиной горцев.

Всемирной известностью пользуется ковроделие народов Дагестана. Общепризнанными центрами ковроделия были Дербентский район, Табасаран, Ахты, Микрах, Рутул, Касумкент, Хив. Многообразные ворсовые ковры изготавливались в Верхнем и Нижнем Казанище, Эндирейауле, Тлярате. Большим спросом горцев пользовались дубленые шубы для мужчин и женщин, андийские бурки, хурджины, изготавливаемые в разных селах Дагестана.

Однако сама трудовая жизнь горцев-крестьян была тяжелой и изнурительной. Поэтому тема труда входила в поэзию горцев редко и раскрывалась в основном

бытовая сторона жизни горцев. «Когда ноют руки и ноги от тяжести труда, к тому же когда правитель жесток и суров, спокойствия не знает мирный кров. Приходит ночь, пора бы уснуть, но сон бежит от ложи бедняков», – писал Али-Гаджи из Инхо [3. С. 71].

Восприятие и переживание трудового процесса и результаты труда человека во все исторические периоды были тесно связаны с господствующим общественным строем, идеалами, нормами, концентрированно выражавшими характерные представления той или иной эпохи.

Отношение к труду у горцев всегда было тесно связано с отношением к родной природе. Изменение окружающей среды, строительство дорог, мостов в горных районах было нужным, как об этом пишет аварский поэт XIX в. Эльдарилав из Ругуджа: «Чтобы горские арбы и русские фаэтоны там, рядом проехать могли без опаски». Но эти необходимые процессы в жизни горцев сопровождались жестокой эксплуатацией горских крестьян, силой загнанных на строительство дорог по приказу «светлейшего князя» – наместника в Дагестане.

Эльдарилав в песне «Строителей дороги» раскрывает антиэстетическую сущность ужасающих условий изнурительного физического труда, набивавшего горцам кровоточащие мозоли ежедневно «с рассвета до тьмы»:

Мы дом свой покинули, горем влекомы
И тащим едва мы лопаты да ломы.
Ведет нас дорога, что строим в горах,
К ущелью аварскому Хари-калах.
Кирками тупыми долбим поневоле
Гранит вековечный, ладони мозоля,
Гнем спины упорно с рассвета до тьмы.
[9. С. 64-65]

Труд для Эльдарилава (как и для горцев второй половины XIX в. выступает не явлением, утверждающим себя, развертывающим свободно его человеческую физическую и духовную энергию, а явлением внешним, не приносящим удовлетворение, изнуряющим его физическую природу, отрывающим его от самого себя, его духовной природы. Это не добродетельный, удовлетворяющий внутренние потребности горцев, а вынужденный, принудительный труд от, которого «бегут как от чумы» [9. С. 65].

Ощущение отчуждения, испытываемое горцами в процессе труда, отраженное в «Песне строителей дороги» Эльдарилава, проистекает не из сущности самого труда, а из тех условий и внешних обстоятельств, сопровождаемых жестокой эксплуатацией горцев, где «со звоном кирка ударяет в гранит, льется пот по вискам и глаза слепит», где горцам достается от «надсмотрщика Дауда – беспощадного и свирепого», до которого не доходит горцев «тягостный стон»:

Как эта дорога средь каменных груд,
Нас мучит надсмотрщик свирепый Дауд!
От Омарилава приходится худо –
И он, и Али дополняют Дауда.
Не режет им сердце наш тягостный стон...
[15. С. 72]

Описывая условия изнурительного труда, когда горцы вынуждены были «*гнуть спины упорно с рассвета до тьмы*», Эльдарилав смело выступает против социальной несправедливости и гнета трудящихся местными надзирателями, «*новым чиновничьим аппаратом*». Он пишет, что ему, как и всем горцам-труженикам, «*куда вдохновеннее было бы копать могилы для тех, кто повыше*» их стоит на общественной лестнице.

Наиболее ярко коренные изменения, происходящие в социально-экономической жизни горцев XIX – начала XX вв., отражены в поэзии Магомеда из Тлоха.

В его творчестве сказалось разрушение былой слитности личности и общества, противоборство сословий, классов и их интересов. Магомед из Тлоха пишет, что «женский пол и пол мужской у богатых и бедных не отличим» – люди по природе своей равны, а неравенство – это плод расслоения общества. Если горец родился бедным, то «как бы сведущ ни был он в науке» в вопросах морали,

Хоть вытвердил бы назубок
И дюжину две наук!
Да никому охоты нет
Внять мудрой речи бедняка.

Тогда как «промолвит слово богатей, считают истиной его» ибо в чести те,

Кто наследием дедов и отцов
Живут, не ведая забот,
Живут, не ведая трудов. [4. С. 91]

Создавая материальные ценности, выращивая хлеб насущный, пишет поэт, сами горцы вынуждены голодать и нести «жребий нищеты суровой»:

Одежда – грязное тряпье,
Одни и те же за днями дни.
Из года в год... он брынзу черствую жует.
Хлебает пахтанье с водой.
Зерном, размякшим в кипятке,

И кашицей мучной он сыт.
По праздникам он в казане
С крапивой тесно кипятит.
Простая жизнь его грустна.
В отрепьях, голоден и бос.
Влачит он долю чабана,
Пасет чужих коров и коз. [4. С. 99]

На его мировоззрение большое влияние оказали революционные события, происходившие в России.

Время, когда творил Магомед из Тлоха, было периодом, утверждавшим капиталистические отношения в хозяйственно-экономической жизни народов Дагестана, зарождения классов торговцев – «базарганов».

Магомед из Тлоха пишет, что в обществе, основанном на торгашеской психологии, все продается и покупается, что достоинства человека теперь определяются не его индивидуальными качествами – цельностью натуры человека, а властью обладателя денег, превращающего человека в свою противоположность, чем он сам по себе по природе не является:

Деньги есть – ты царь и бог,
Денег нет – удел твои плох.
Деньги могут убивать.
Деньги могут продавать,
И прославят вас до звезд,
И отправят на погост. [4. С. 91]

Таким образом, деньги становятся всеобщим средством извращения индивидуальности, превращающим их в свою противоположность, придающим им свойства, противоречащие их индивидуальности. Как писал К. Маркс, «в качестве этой извращающей силы деньги выступают по отношению к индивиду и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль и значение самостоятельных сущностей. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость» [6. С. 362].

Процесс отчуждения труда в условиях утверждающихся капиталистических отношений в жизни народов Дагестана происходил не из сущности самого труда, ибо трудолюбие человека во всех сферах деятельности всегда высоко ценили и ценят горцы, а из тех условий и внешних обстоятельств, сопровождавших трудовую деятельность человека. Где изнурительный труд, как об этом пишет Саид Габиев, унижает человеческое достоинство, когда тягостный стон бедняка не доходит, не слышит хозяин.

И снова прозябание тупое
Работа целый день, а ночью плач
Под праздники от мастера побои-
Эй, пропади ты, подмастерья доля!
Скорей дождаться дней таких,
Когда не будут чахнуть в мастерских
И нищим лакцам улыбнется воля! [7. С. 362]

В конце XIX в. капитализм, разрушая старую обособленность и замкнутость системы хозяйства, а, следовательно, узость духовной и политической жизни, вовлекает все страны в единое хозяйственное целое. Русский капитализм втягивал Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности – остаток старинной патриархальной замкнутости, – создавал себе рынок для своих фабрик.

В 1911 г. в газете «Утро России» (от 13 октября) была опубликована статья «Разбои на Кавказе», в которой подвергалась критике политика царя на Кавказе. Газета отмечает: «Конечно, туземцы все еще не культурны, но ведь, собственно говоря, ничего не сделано более или менее существенного по части насаждения среди них культуры и гражданственности, хотя со времени окончательного покорения Кавказа прошло более 50 лет» [8. С. 57].

Вместе с тем, в конце XIX – начале XX вв. постепенно расширяется и возобновляется деятельность центров декоративно-прикладного искусства народов Дагестана. В конце XIX – начале XX вв. дагестанские изделия были представлены на семи всероссийских и восьми всемирных выставках, где были отмечены высокими наградами. Эти прекрасные традиции декоративно-прикладного искусства народов Дагестана сохранены и по сей день.

После революции, в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., когда перед народом в качестве главной задачи выступает создание мощной индустриальной базы страны и коллективизация сельского хозяйства, литература освещает эти задачи центральными и для себя. Небывалые темпы строительства, небывалый энтузиазм людей, коллективный труд и радость достигнутых успехов открывали перед художниками большие возможности в творческой работе.

Об этом свидетельствует и стихотворение Салихсолтана Алиева «*Коллектив иш, коллектив йыбай*» (Коллективный труд,

коллективный отдых). С. Алиев традиционную форму взаимопомощи людей друг другу перенес на колхозное поле, расширил значение слова "*булкъа*" (коллективная помощь).

Теперь соседние села приходят на подмогу друг другу. В условиях нарождающейся действительности значение слова "булкъа ", дружба и товарищество перерастают из узколичных интересов в районы, в областные, во всесоюзные интересы. Так национальное перерастает в интернациональное.

Поэты старались своим творчеством охватить важнейшие участки многообразной жизни. Если А. Аджаматов писал о значении и преимуществах советского займа [1. С. 19], то А. Аджиев своим поэтическим словом стремился раскрыть значение пятилетки [2].

Один из замечательных кумыкских поэтов, чье творчество органично вобрало в себя лучшие традиции родного фольклора, народный поэт Анвар Аджиев свой первый поэтический сборник назвал «*Янгырыв*» (Обновление). В своем стихотворении «*Йыллардан йыллагъа*» (Из года в год) [2. С. 9.] для того чтобы запечатлеть ритм времени поэт нашел совершенно новый размер, новую форму, отказавшись от традиционного одиннадцатисложного стиха. Все начальные строки начинаются одинаково, динамика движения передается звукописью.

Поэт от души радуется успехам тружеников, которые «за месяц опережают год, а за год – десятилетия». Свободный труд на благо отчизны воодушевляет людей на трудовые подвиги: «*Вздымается молот, грудь раздувается шире, всюду люди соревнуются, растут ряды ударников*». Внутренняя напряженность, ритмический строй стиха вызывают у читателя ассоциации с трудовым процессом.

Подобные элементы звукоподражания трудовому ритму времени встречаются у многих кумыкских поэтов тех лет. В 30-е годы литература сближается с жизнью труженика, отражает его труд. Прежде всего, в этом поэты видели свою творческую программу и служили ей. Показывая трудовой процесс, авторы старались раскрыть его этико-эстетическую сторону, стремились показать труд как физическую и духовную потребность человека.

В названном стихотворении А. Аджиева, повествующем о трудовом энтузиазме, отчетливо звучат слова команды: «Вперед!», «От победы к победе». Кто слаб и малодушен, не выдерживает темпа такого натиска, тот «гнется», «оседает в грязь». Передавая новую явь, А. Аджиев умело использует традиционную фольклорную поэтику: образ тумана, эпитет «черный" и другие фольклорные атрибуты, заставляя их звучать по-новому, нести иную идейно-художественную нагрузку.

В стихотворении «*16 йылланы учагъында*» (на лоне 16-ти годов) мы читаем: «*Советская власть родилась, прорвав пелену тумана, в дни тяжелой борьбы она отбросила прочь темные силы*». Как мы видим, интерпретация фольклорной поэтики здесь та же, что мы встречали в новой революционно-романтической традиции периода революции, гражданской войны и первых лет социалистического строительства.

Художественное творчество народов Дагестана в целом сложилось на определенной национальной почве, оно отражает жизнь народов, их быт, обычаи, антифеодальные и антиколониальные стремления и выступления масс, идеи раскрепощения человеческой личности, борьбу идеологий феодально-клерикальной и светской; специфику образно-художественного мышления горцев XIX в. Этими и другими обстоятельствами и обусловливается ее самобытность.

Однако самобытность не означает изолированности от инонациональных влияний, и каждый народ весьма восприимчив к явлениям общественной жизни. Все заимствованное у другого народа в области культуры переосмысливается и приноравливается к психическому складу, представлениям, а главное, реальным стремлениям народа к прогрессу. Будучи образованием долговечным, соединенным единством традиций и новаторства, связанная с родной природой в течение веков национальная литература народов Дагестана на каждом этапе истории остается предметом пристального изучения для последующих поколений, представляя собой пеструю мозаику органически взаимосвязанных и взаимообогащающихся художественных культур народов Дагестана.

Литература

1. Аджаматов А. Заем повышает мощь страны (на кум. языке) / Газета «Елдаш». 14 июня 1931. № 153.
2. Аджиев А. Обновление (на кум. языке). Махачкала, 1934. 112 с.
3. Али-Гаджи из Инхо. Советы мудрости. Дагестанские лирики. Л., 1961. 593 с.
4. Магомед из Тлоха. Убьем бедность // Дагестанские лирики. Л.,1961. 593 с.
5. Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. 215 с.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М., 1956. 839 с.
7. Саид Габиев. Подмастерье. Поэзия народов Дагестана. Антология в 2-х томах. Т. I. Махачкала, 1960.
8. Столович Л. Н. Категория прекрасного и общественный идеал. М.: Искусство, 1969. 242 с.
9. Эльдарилав из Ругуджа. Песня строителей дороги // Дагестанские лирики. Л., 1961.

References

1. Adzhamatov A. *Zaem povyshaet moshch' strany* [Loan increases the power of the country. Eldash Newspaper]. June, 14, 1931. No. 153. (In the Kumyk language)
2. Adzhiev A. *Obnovlenie* [Renewal]. Makhachkala, 1934. 112 p. (In the Kumyk language)
3. Ali-Gaji of Inkho. Tips of wisdom. *Dagestanskie liriki* [Dagestan lyrics]. Leningrad, 1961. 593 p. (In Russian)
4. Magomed of Tlokh. Let's kill the poverty. *Dagestanskie liriki* [Dagestan lyrics]. Leningrad, 1961. 593 p. (In Russian)
5. Marggraf O. V. *Ocherki kustarnykh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tekhniki proizvodstva* [Essays on handicrafts of the North Caucasus with the description of the production technology]. Moscow, 1882. (In Russian)
6. Marx K. *Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 g.* [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. Moscow, 1956. 839 p. (In Russian)
7. Said Gabiev. Journeyman. *Poeziya narodov Dagestana* [Poetry of the peoples of Dagestan]. Anthology in 2 volumes. Vol. I. Makhachkala, 1960. (In Russian)
8. Stolovich L. N. *Kategoriya prekrasnogo i obshchestvennyy ideal* [Category of beautiful and the social ideal]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 242 p. (In Russian)
9. Eldarilav of Ruguja. The road builders' song. *Dagestanskie liriki* [Dagestan lyrics]. Leningrad, 1961. 593 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Принадлежность к организации

Асеков Заур Изамитович, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ); e-mail: nauka_dgpu@ mail.ru

Салманов Магомед Ахмедович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, ДГПУ; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Принята в печать 15.08.2016 г.

INFORMATION ABOUT AUTHORS
Affiliations

Zaur I. Asekov, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Philosophy and Culturology, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Magomed A. Salmanov, Ph. D. (Philosophy), assistant professor, the chair of Philosophy and Culturology, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Received 15.08.2016

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 821.161.1 / UDC 821.161.1

Своеобразие и жанровая специфика книги стихов М. А. Волошина «Неопалимая купина»

©2016 **Басина О. А.**
Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия; e-mail: master3145@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Автор рассматривает своеобразие и жанровую специфику «Неопалимой купины» М. А. Волошина – книги стихов о масштабных событиях начала XX века: Первой мировой войне, революции 1917 года в России, а также последовавшей за ней гражданской войне. В статье приводятся признаки лирической книги, раскрывается идейно-тематический замысел поэта.

Ключевые слова: революция, война, библейские образы, лирическая книга, лирический цикл.

Формат цитирования: Басина О. А. Своеобразие и жанровая специфика книги стихов М. А. Волошина «Неопалимая купина» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 41-44.

The Originality and Genre Specifics of the "Burning Bush" Book of Poems by M. A. Voloshin

© 2016 **Olesya A. Basina**
Dagestan State University,
Makhachkala, Russia; e-mail: master3145@mail.ru

ABSTRACT. The author of the article considers the characteristics and the genre specific of "Burning Bush" by M. A. Voloshin. It's a book of poems about large-scale events of the early 21st century: the first World War, the 1917 revolution in Russia and the following civil war. She represents the lyric book characteristics and reveals the poet's ideological and thematic plan.

Keywords: revolution, war, biblical images, lyrical book, lyrical cycle.

For citation: Basina O. A. The Originality and Genre Specifics of the "Burning Bush" Book of Poems by M. A. Voloshin. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 41-44. (In Russian)

Проблема революции была одной из ключевых тем русской литературы и публицистики начала XX века. Ее исследованием занимались Владимир Соловьев, Александр Блок, Валерий Брюсов и др. Значительное место она занимает также в творчестве выдающегося русского поэта, литературного критика и публициста Максимилиана Александровича Волошина. Тема нашего исследования – своеобразие и жанровая специфика книги стихов М. А. Волошина «Неопалимая купина».

Первоначально часть стихотворений была опубликована в сборнике стихов «Демоны глухонемые» (1919 г.), часть – под условным объединяющим заглавием «Стихи о терроре» (1923 г., Берлин), но в большинстве своем они остались в рукописи. В 1925 г. Волошин составил из них сборник «Неопалимая Купина». Из дневниковых записей Волошина известно, что окончательный вариант так и не был составлен, поэт изменял его до последних дней жизни. Так, Л. Евстигнеева указывает, что «Машинопись «Неопалимой Купины»» в 1922 г. была передана Волошиным В. В. Вересаеву для издания в Политиздате, но этот замысел не осуществился. В 1925 г.

Волошин подготовил новое издание сборника и … уточнял текст и состав этой книги вплоть до 1929 года», который был последним годом деятельности Волошина-поэта.

Говоря о жанровом своеобразии «Неопалимой Купины», на наш взгляд, целесообразно говорить не просто о 71 случайно собранном стихотворении, а о лирическом единстве. Такие выводы позволяют сделать характерные для лирической циклизации признаки: «единая авторская эмоция», сквозные образы, локализация текста при помощи заглавия и римской нумерации.

Но если «Неопалимая Купина» – это единое лирическое целое, то возникает вопрос: «К какому типу циклизации относится сборник?». На наш взгляд, понятие «ансамбль» в данном случае не совсем корректно. В «Неопалимой купине» исключена вариативность, стихотворения здесь имеют свое строго отведенное место и не могут располагаться в произвольном порядке.

Таким образом, при выяснении жанровой природы сборника стихотворений М. А. Волошина выбор остается между лирическим циклом и книгой стихов. И отдать предпочтение одной лирической форме совсем не просто, особенно если учесть тот факт, что долгое время исследователи вообще не разграничивали данные формы лирической циклизации.

В целом термин «книга стихов / лирическая книга» как самостоятельное явление циклизации еще мало разработан, а в исследовательских работах (И. В. Фоменко) понятия «цикл» и «книга» почти не различаются.

Однако нам ближе точка зрения исследователя О. В. Мирошниковой, которая под лирической книгой понимает универсальную лирическую форму, возникающую в результате процесса циклизации и воссоздающую авторское мировидение. Книга – это системное художественное единство второго уровня, основанное на продуманном автором или его редакторами плане расположения и взаимодействия стихотворений, лейтмотивных цепочек и циклов-разделов различных жанровых ориентаций как взаимосвязанных элементов системы» [3. С. 59].

Говоря об отличительных признаках лирической книги, мы воспользуемся классификацией, предложенной М. С. Штерном. Так, в качестве одного из признаков книги стихов исследователь называет «объемное смысловое пространство, характеризующееся динамикой развития действия, сюжета» [4. С. 13-14].

В «Неопалимой Купине» разворачивается масштабное художественное полотно, в котором ключевыми моментами являются важнейшие исторические события. Они обозначены в подзаголовке – «стихи о войне и революции». Речь идет о Первой мировой войне, революции в России 1917 года и последовавшей за ней гражданской, братоубийственной войне. Стихотворения воссоздают перед нами известные исторические личности не только французской и русской революций, но также отсылают нас к одному из наиболее темных периодов отечественной истории – «Смутному времени».

Для М. Волошина все эти события знаменуют начало новой эры, которая последует сразу за Армагеддоном. Стихотворение с аналогичным подзаголовком включено в исследуемый нами цикл, и не случайно оно девятое. Цифра девять вообще несет большую смысловую нагрузку – девять Даров Святого Духа, девять чинов в ангельской иерархии, девять Блаженных с Нагорной проповеди, девять видов исполнения псалмов.

К ветхозаветным событиям отсылает нас и заглавие. «Неопалимая купина» – охваченный пламенем, но не сгорающий терновый куст, из которого Господь явился пророку Моисею.

Библейская тематика красной нитью проходит не только через заглавие, сквозные образы и художественно-изобразительные средства сборника стихотворений, но и находит отражение в ритмической сетке «Неопалимой Купины». Так, практически все лирические произведения цикла «Возношение» написаны свободным стихом, что сближает их с библейским текстом. По сложившейся литературной традиции поэты и писатели обращаются к библейским темам, когда хотят затронуть глобальные, общечеловеческие проблемы. Поэт стремится раскрыть перед читателем суть христианского подвига, приобщить к нему, вызвать сопереживание с библейской историей, которая в переломные моменты истории может стать маяком человечности, духовной чистоты и нравственности, что особенно важно в «Смутное время», переживаемое поэтом.

Своеобразный сквозной лирический сюжет – еще одна особенность книги стихов по классификации М. С. Штерна. Допускается прерывность основной тематической линии, возможность членения на части и разделы.

В «Неопалимой купине» все стихотворения сгруппированы по восьми разделам, каждый из которых пронумерован римскими цифрами и имеет свое название. Однако у М. Волошина даже внешняя форма несет колоссальную смысловую нагрузку. Так, цифра восемь снова вызывает библейские ассоциации. На восьмой день после въезда в Иерусалим Иисус Христос воскрес из мертвых, после семи дней поста и покаяния на восьмой наступает духовное обновление. Крестильня обычно бывает восьмиугольной, что символизирует место возрождения. Восемь человек пережили всемирный потоп. Интересно, что Икона Богородицы «Неопалимая купина» изображается в виде восьмиугольной звезды, состоящей из двух острых четырехугольников с вогнутыми концами.

Таким образом, число восемь в Библии является числом полноты и ассоциируется с новым началом – началом новой жизни, новой эры. Именно начало нового и светлого видел М. Волошин для России в периоды революционных потрясений. Лихие годы пройдут, верил известный своими провиденциальными способностями поэт, и «Славия восславится из пепла!». Но чтобы Россия действительно встала на путь возрождения, она не должна терять своего главного достоинства – традицию евангельского следования за Христом. Свернуть с обозначенного пути равносильно потери лика родины поэта. Плача над своими сыновьями, погибающими на полях сражений, убивающими друг друга в жестокой братоубийственной войне, Россия не должна терять смирения и кротости: «*Наотмашь хозяин хлещет / Тебя по кротким твоим глазам*» [1. С. 52]. Как тут не вспомнить главу «Акулькин муж» из произведения Ф. М. Достоевского «Мертвый дом» или первый сон Раскольникова из «Преступления и наказания».

Но не только кроткую Россию изображает М. Волошин – мы видим также «Русь гулящую», «Русь безумную». Неоднозначное отношение поэта к своей родине – еще одна отличительная особенность лирической книги, которая, по М. С. Штерну, характеризуется многосоставностью образа переживания автора.

Если говорить о волошинском понимании образа родины, то здесь можно выделить три ипостаси: образ родины-рабыни («Россия», «Мир», «Родина», «На вокзале», «Видение Иезекииля», поэма «Россия»); образ родины-святыни («Святая Русь», «Благословение», «Неопалимая купина», «Посев», «Заклинание (от усобиц)», «Молитва о городе», «Заклятье о русской земле».); образ бесноватой родины («Русь глухонемая», «Преосуществление», «Европа», «Китеж», «Русь гуляющая»).

Изображая темные («Два демона») и светлые (Аввакум, Владимирская Богоматерь) лики России, М. А. Волошин не мог не показать ее личины («Красногвардеец», «Матрос», «Спекулянт»). Эти персонажи еще хуже отрицательных: в отличие от даже самых отъявленных злодеев они не имеют формы, а всего лишь собирательный образ целого сословия людей, наивно полагающих, что могут построить рай на земле, не обладая при этом даже крохотной частицей Божественного света.

Один из циклов «Усобицы» открывается стихотворением «Гражданская война». О братоубийственной войне М. Волошиным написано немало и стихотворений, и публицистических статей. Редко в каком письме друзьям он не касался болезненной темы, когда брат идет с оружием на брата, а мать-родина отчаянно молится за тех и за других. Потому позиция М. Волошина-поэта не сходится ни с одной из сторон. По его мнению, истина на стороне матери, с которой он коленопреклонно молится за «охваченных хмельным гневом братьев». Снова ассоциации с Нагорной проповедью Иисуса Христа.

Гражданская война для М. Волошина – национальная трагедия, Голгофа, путь на которую предопределен исторически. И это восхождение станет спасительным только в том случае, если в основе русского духовного фундамента будет любовь, приобщающая к Богу, любовь, заключенная в мудром апостольском слове.

Наряду с многосоставной полиритмией, важной особенностью «Неопалимой Купины» является также разнородность жанрового состава. В исследуемой нами лирической книге встречаются поэма («Россия»),

портретные зарисовки («Красногвардеец», «Матрос», «Большевик», «Феодосия», «Буржуй», «Спекулянт»), заклинания («Заклинание (от усобиц)», «Молитва о городе», «Заклятье о русской земле»), повествование («Написание о царях Московских», «Dmetrius Imperator»,), житийная литература («Протопоп Аввакум»).

Это жанровое многообразие призвано отобразить волошинское понимание исторического процесса. Критик В. Л. Львов-Рогачевский писал, что Волошин воплотил темы революции в «мощные, грозные образы» и «разглядел новый трагический лик России, органически спаянный с древним историческим ликом ее» [2. С. 286-287].

Литература

1. Волошин М. А. Россия. Стихотворения. М., 1991. 116 с.

2. Львов-Рогачевский В. Л. Новейшая русская литература. М., 1923. 323 с.

3. Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. Омск: РИО ОмГУ, 2004. 338 с.

4. Штерн М. С. В поисках утраченной гармонии: Проза И. А. Бунина 1930-1940-х годов. Омск: изд-во ОмГПУ, 1997. 240 с.

References

1. Voloshin M. A. Russia. Poems. Moscow, 1991. 116 p. (In Russian)

2. Lvov-Rogachevsky V. L. *Noveyshaya russkaya literatura* [The modern Russian literature]. Moscow, 1923. 323 p. (In Russian)

3. Miroshnikova O. V. *Itogovaya kniga v poezii posledney treti XIX veka: arkhitektonika i zhanrovaya dinamika* [The final book in the poetry of the last third of the 19th century: architectonics and genre trends]. Omsk: EPD OmSU, 2004. 338 p. (In Russian)

4. Stern M. S. *V poiskakh utrachennoy garmonii: Proza I. A. Bunina 1930-1940-kh godov* [In search of lost harmony: I. A. Bunin's prose by 1930-1940s]. Omsk: OmSU Publ., 1997. 240 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Басина Олеся Амирасланoвна, аспирант кафедры русской литературы филологического факультета, Дагестанский государственный университет (ДГПУ), г. Махачкала, Россия; e-mail: master3145@mail.ru

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ДГУ Н. А. Горбанев.

Принята в печать 11.08.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Olesya A. Basina, postgraduate, the chair of Russian Literature, the philological faculty, Dagestan State University (DSU), Makhachkala, Russia; e-mail: master3145@mail.ru

Supervisor: N. A. Gorbanev, Doctor of Philology, professor, the chair of Russian Literature, the Philological faculty, DSU.

Received 11.08.2016.

Фиологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.352.342 / UDC 811.352.342

Фразеологизм, отображающий действие, и его систематизация (на примере текста Х. Ашинова)

© 2016 Биданок М. М.
Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева,
Майкоп, Россия; e-mail: marziyat.bidanok@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье анализируется группа фразеологических единиц, базирующаяся на глаголе. Текстовый материал задействован из художественной повести адыгского писателя Хазрета Ашинова. Отталкиваясь от группы фразеологизмов, выделенной в советское время по частям речи, автор сегодня систематизирует глагольные фразеологизмы по качественным признакам – частоте применения и смысловой наполненности, предлагая и внутри них соответствующие градации.

Ключевые слова: фразеологизм, глагол, Ашинов, систематизация, частота, смысл

Формат цитирования: Биданок М. М. Фразеологизм, отображающий действие, и его систематизация (на примере текста Х. Ашинова) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 45-49.

The Idiom Showing the Action and its Systematization (by the example of Kh. Ashinov's text)

© 2016 Marziyat M. Bidanok
T. M. Kerashev Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies,
Maykop, Russia; e-mail: marziyat.bidanok@mail.ru

ABSTRACT. The author of the article analyzes the group of phraseological units based on the verb. The textual material involved from the fiction novel of Khazret Ashinov, the Adyghe writer. Starting from the group of phraseological units, singled out in the Soviet period according to the parts of speech, today the author sistematyzes the verbal idioms according the qualitative characteristics, the frequency of using and semantic content, offering the appropriate gradation within them.

Keywords: idiom, verb, Ashinov, systematization, frequency, sence.

For citation: Bidanok M. M. The Idiom Showing the Action and ets Systematization (by the example of Kh. Ashinov's text). Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 45-49. (In Russian)

По мере развития общения в центре рассмотрения языкового обладателя способны оказываться всевозможные речевые и синтаксические предметы. В преобладающем числе изысканий, отданных неязыковым трудам, просматриваются фразы к самостоятельным лексемам и оборотам. Тем не менее, языковой носитель способен делать акцент на грамматических, фонетических, стилистических и словообразовательных предметах. Однако наиболее акцентируемой во фразеологии выступает смысловая направленность на индивида, поскольку, по мнению советских языковедов, «…фразеологические поля охватывают в первую очередь сферы переживаний и чувств, психофизических состояний индивидуумов, самое воплощение которых в языке способствует формированию образа и сферы явлений и процессов объективной действительности, которые по самому существу своему в большей мере способ-

ствуют появлению модально-оценочных характеристик» [2. С. 75].

Изучающие лингвистику ученые делают акцент на явлениях языковой отдачи, способной реагировать и проявляющейся в неизменном интересе к языковым моделям, в постоянном и долговременном участии к коммуникационным (в том числе и духовно-моральным) стандартам. Тенденция подтверждается: такая склонность повторяется и фразеологизмы (ФЕ) вновь активны. Причем они часто служат для объяснения явлений в роли многоязыковых реакций и ориентируются при этом на понятия сегодняшнего языкознания.

Причем возможна синонимия, когда активная взаимозаменяемость присуща многим фразеологическим вариациям, независимо от их структуры либо от обстоятельств их применения. К примеру, в тексте повести Хазрета Ашинова «Сочинители песен» имеются: во-первых, обороты элементарной (идентичной) конструкции в глагольных оборотах: 1) «*поражение признать*» (С. 67) / «*голову склонить*» (С. 68, с. 71); 2) «*добиться правды*» (С. 8) / «*докопаться до истины*» (С. 65); 3) «*внести сумятицу*» (С. 35) / «*выкинуть коленце*» (С. 20) и т.д.); во-вторых, несколько усложненные глагольные обороты: 4) «*бросаться друг на друга*» (С. 61) / «*грызться как кошка с собакой*» (С. 61); 5) «*закрадываться в душу сомнению*» (С. 35) / «*натягиваются струны в душе*» (С. 40); 6) «*дрожать за жизнь кого-либо*» (С. 48) / «*протянуть кусок хлеба*» (С. 36) и т. д. – все приведенные пары без труда взаимно замещаются в идентичных условиях внутри предложений. Таким образом, расположенные в данном подпункте фразеологизмы допустимо обозначить как разноструктурные синонимы.

Взаимозаменяемыми можно считать и сходноструктурные фразеологизмы, в строении которых базовый элемент представлен аналогичной грамматической единицей (в нашей тематике – глаголом) (1) либо даже одним и тем же словом (2), а все другие элементы отформатированы поразному, с применением абсолютно разнящихся падежных форм и лексико-грамматических средств. К примеру,

(1): 1) «*ввязаться по охоте*» (С. 54) / «*вступить в борьбу*» (С. 31) / «*влезть в дело*» (С. 20) / «*выхватить кинжал*» (С. 32); 2) «*взять в толк*» (С. 43) / «*всмотреться в даль*» (С. 45); 3) «*выглянуть не из своего окна*» (С. 31) / «*глянуть в сторону*» (С. 59); 4) «*не колебаться ни секунды*» (С. 11) / «*готов ответ*» (С. 10); 5) «*разводить канитель*» (С. 69) / «*свернуть с пути*» (С. 36); 6) «*разводить руками*» (С. 38) / «*развесить уши*» (С. 13); 7) «*охвачен волнением*» (С. 40) / «*таращит глаза*» (С. 48). Таким образом, разнообразная словообразовательная конструкция компонентов, входящих в одну ФЕ, способна содействовать появлению множества всевозможных фразеологизмов.

(2): 1) «*дом бросить*» (С. 37) / «*дом оставить*» (С. 38); 2) «*мысль одолевает*» (С. 59) / «*мысль осеняет*» (С. 47); 3) «*голову прозакласть*» (С. 62) / «*голову сложить*» (С. 10; с. 16; с. 43); 4) «*шагу не сделать*» (С. 48) / «*шагу не ступить*» (С. 12); 5) «*шум наделать*» (С. 67) / «*шум поднять*» (С. 65; с. 71); 6) «*голос доносится*» (С. 35) / «*голос дрожит*» (С. 32); 7) «*на неудачу злиться*» (С. 51) / «*неудача постигнет*» (С. 8). Входящие в такие фразеологические пары элементы поддаются примерно идентичному конструированию, вновь доказывая собственную склонность к напарнику. Как полагает при рассмотрении таких пар известный адыгский языковед А. Н. Абрегов «Все это подтверждает, что в процессе структурных и семантических преобразований микротекст превращается в двухкомпонентную фразеологическую единицу» [1. С. 53].

В целом, существенное количество синонимичных фразеологизмов относительно конструкции находится также на стыке между обозначенными группами. Подобного рода синонимичные фразеологические пары располагают явно выраженным и совокупным семантическим мотивом. Фразеологическое содержание формируется вследствие взаимодействия категориального и понятийного смыслов на лексическом и словообразовательном полях. При этом между элементами внутри некоторых фразеологических единиц порой вырабатываются контакты противоположения. К примеру, у Х. Ашинова «*не выдать неправду за правду*» (С. 66), где элемент *неправда* отображает понятие, обобщающее царящие в бытийной философии нарушения, упущения и ошибки, а противоположный ему элемент *правда* предполагает что-либо существенное, судьбоносное и правомочное.

По форме. Что касается систематизаций фразеологических единиц, то традиционной в национальном языкознании признана классификация по форме (то есть по частям речи), представленная адыгским ученым советского времени М. А. Кумаховым. В соответствии с ней выделяются глагольные, именные и наречно-обстоятельственные фразеологизмы. В силу ограниченности объема статьи обратимся сейчас к анализу лишь одной из фразеологических категорий – конфигурации глагольной. Она обозначается по следующей синтаксической формуле: «глагол (и глагольные формы) в сочетании с другими частями речи». Рассмотрим ее качественные характеристики.

Частота применения. В рассматриваемом тексте русскоязычной повести Х. Ашинова в целом обнаружено 474 фразеологизма, многие из которых еще и дублируются, перемещаются как целиком, так и частично. Следовательно, фактически на страницу текста Х. Ашинова приходится в среднем 5,3 фразеологической единицы. Проанализируем данную частотную категорию, приводя используемые более двух раз фразы (всего – 42 единицы).

1. *Два раза* встречаются следующие распространенные обороты: «*прожить немало*» (СС. 53; 57); «*затеять драку*» (СС. 43(2); «*идти по делу*» (СС. 37; 48); «*бгыбзэ (= песню-плач) сочинить*» (СС. 33; 43); «*издал(-и,-ека) завидеть*» (СС. 18; 37); «*иметь* (или *есть*) *возможность*» (СС. 28; 59); «*клонить (кого-либо) (куда-либо)*» (СС. 32; 59); «*мнить себя*» (СС. 9; 33); «*ничего не пожалеть*» (СС. 17 (2)); «*остаться сиротой*» (СС. 12; 36); «*подойти потихоньку*» (СС. 8; 69); «*понимать самому*» (СС. 9; 33); «*по совести сказать*» (СС. 26; 67); «*преодолеть путь*» (СС. 17; 34); «*приходит в голову*» (СС. 51; 60); «*приходит на ум*» (СС. 11; 61); «*родиться слишком рано*» (СС. 57; 68); «*слух доходит*» (СС. 9; 26); «*слух пускается*» (СС. 10; 16); «*стать посмешищем*» (СС. 40 (2)); «*тереться возле*» (СС. 9; 42); «*толкнуть на смерть*» (СС. 39 (2)); «*трудно поверить*» (СС. 10; 54); «*увековечить память*» (СС. 14; 61); «*шум поднимать*» (СС. 65; 71); «*щедро вознаградить*» (СС. 11; 17). Итого – 26 единиц.

2. *Три раза* используются такие фразеологизмы, как: «*завести речь*» (СС. 14; 45; 54); «*голову сложить*» (СС. 10; 16; 43); «*как бы ни было*» (СС. 8; 46; 55); «*подумать только*» (СС. 34; 43; 63); «(*по-)служить честно (- терпеливо* и т.д.)» (СС. 14 (2); 15); «*спешить домой*» (СС. 10; 11; 40). Итого – 6 единиц.

3. *Четыре раза* применяются: «*как говорят…*» (СС. 15; 21; 61; 65); «*не дать раскрыть рот*» (СС. 29; 58; 62; 68); «*добро пожаловать*» (СС. 18 (2); 41; 49); «*не зря (недаром) говорят*» (СС. 8; 29; 55; 61); «*поднять брови*» (СС. 16; 25; 38; 48). Итого – 5 единиц.

4. *Семь раз:* «*песню сложить*» (СС. 10; 14; 34; 39; 46; 49; 70). Итого – 1 единица.

5. *Восемнадцать раз:* «*песню сочинить*» (СС. 10; 11; 16; 17; 27; 33; 34 (2); 39 (2); 40 (2); 41; 58 (2); 60 (2); 62). Итого – 1 единица.

Таким образом, часто применяемыми можно считать 42 вышеприведенные фразеологические единицы, оставшиеся 432 ФЕ из общего числа используются автором в анализируемом тексте один раз. Именно на основании частоты их применения ученые делают заключение об их устойчивости. Как говорит об этом современный адыгский языковед А. Н. Абрегов, «устойчивые компаративные обороты представляют собой лексикализованные сочетания, они не формируются в акте речи, а воспроизводятся как готовые единицы. Поэтому они как единицы языка рассматриваются во фразеологии» [1. С. 53].

Смысловая наполненность. Качественная характеристика другого рода, выделяемая нами, производится по семантическому принципу и базируется на группе определенных смысловых признаков, приводимых ниже.

I. Первый признак выделения данной категории такой: присутствующего в действии либо производящего его субъекта условно можно считать «носителем человеческой души» либо нет. Возможен в данном случае целый ряд синтаксических моделей фразеологизмов (без приведения примеров, процитированных выше), содержащих либо не содержащих указанный предмет. Так называемым «человекообразным» субъектом в данной схеме:

I.1.

I.1.1) сущ. (*или* мест.) + гл.: *являются – 26 ФЕ, не являются – 25 ФЕ.*

I.1.2) гл + сущ. *(или* мест.*): являются – 123 ФЕ, не являются – 57 ФЕ.*

I.1.3) гл. + сущ.(или мест.)+сущ.(или мест.): являются – 13 ФЕ, не являются – 8 ФЕ.

I.2.

I.2.1) *гл. + нареч.*: являются – 35 ФЕ; не являются – 22 ФЕ;

I.2.2) *нареч. + гл.*: являются – 8 ФЕ; не являются – 4 ФЕ;

I.3.

I.3.1) *прил. + гл.*: являются – 1 ФЕ; не являющихся нет;

I.3.2) гл. + прил.: являются – 1 ФЕ; не являются – 3 ФЕ;

I.4.

I.4.1) *моно-гл.*: являются – 13 ФЕ; не являются –10 ФЕ;

I.4.2) *гл. + гл.*: являются – 9 ФЕ; не являются – 15 ФЕ.

Таким образом, число фразеологизмов, содержащих условное «человекообразие» в анализируемом тексте преобладает, порой – значительно, порой – не очень, однажды – нет, но преимущественно – больше.

II. Второй признак семантического разделения фразеологизмов – это то, является ли окрас представленной фразы утвердительным либо отрицающим, сопровождаемым соответствующими языковыми единицами (-не и т.п.).

II.1.

II.1.1) сущ. (*или* мест.) + гл.: *утвердит. – 37 ФЕ, отрицат. – 14 ФЕ.*

II.1.2) гл+сущ. *(или* мест.*): утвердит. – 142 ФЕ, отрицат. – 26 ФЕ.*

II.1.3) *гл. + сущ.* (или *мест.) + сущ.* (или *мест.*): утвердит. – 22 ФЕ, отрицат. – 4 ФЕ.

II.2.

II.2.1) *гл. + нареч.*: утвердит. – 47 ФЕ; отрицат. – 11 ФЕ;

II.2.2) *нареч. + гл.*: утвердит. – 8 ФЕ; отрицат. – 3 ФЕ;

II.3.

II.3.1) *прил.+гл.*: утвердит. – 1 ФЕ; отрицательных нет;

II.3.2) гл.+прил.: утвердит. – 4 ФЕ; отрицательных нет;

II.4.

II.4.1) *моно-гл.*: утвердит. – 14 ФЕ; отрицат. – 8 ФЕ;

II.4.2) *гл. + гл.*: утвердит. – 21 ФЕ; отрицат. – 4 ФЕ.

Следовательно, утвердительные фразеологизмы существенно превышают число применяемых автором отрицательных оборотов.

III. Третий признак выделения данной категории – это структурное строение представляемой фразы, точнее то, насколько структуру можно считать минимизированной либо усложненной связующими языковыми единицами (предлоги, частицы и т.п.) либо местоимениями.

III.1.

III.1.1) сущ. (*или* мест.) + гл.: *минимизир. – 30 ФЕ, усложненн. – 18 ФЕ.*

III.1.2) гл + сущ. *(или* мест.*): минимизир. – 107 ФЕ, усложненн. – 173 ФЕ.*

III.1.3) *гл. + сущ.* (или *мест.) + сущ.* (или *мест.*): минимизир. – 6 ФЕ, усложненн. – 21 ФЕ.

III.2.

III.2.1) *гл. + нареч.*: минимизир. – 52 ФЕ; усложненн. – 2 ФЕ;

III.2.2) *нареч. + гл.*: минимизир. – 7 ФЕ; усложненн. – 3 ФЕ;

III.3.

III.3.1) *прил. + гл.*: минимизир. – 1 ФЕ; усложненн. – нет;

III.3.2) гл. + прил.: минимизир. – 3 ФЕ; усложненн. – 1;

III.4.

III.4.1) *моно-гл.*: минимизир. – 10 ФЕ; усложненн. – 12 ФЕ;

III.4.2) *гл. + гл.*: минимизир. – 16 ФЕ; усложненн. – 7 ФЕ.

В данном видовом пункте прослеживается явное чередование категорий по точкам: порой преобладает один вид, порой другой, то есть упрощенность и усложненность чередуются у Х. Ашинова в его собственной активности.

В данном категориальном подпункте прослеживается явная категориальная усредненность по пунктам: в одних случаях преобладает один вид, в других – иной, то есть минимизация и усложненность чередуются у Х. Ашинова в его собственной активности.

Зачастую фразеологическая единица способна выступить рычагом для выявления характера коммуниканта, его тактики и планов. В качестве примера для данного качества может послужить фактически любой из вышеприведенных, а также имеющихся у Х. Ашинова фразеологизмов, поскольку каждый из них так или иначе базируется на личностной мотивации, рассчитывается на коммуникативного получателя и формулируется отправителем, а значит, определен действующим контактом субъект – объект. Следовательно, фразеологические единицы, обозначающие

действие, имеют место в анализируемом тексте адыгского автора Х. Ашинова не только в строгом, изначальном изложении. Они также выступают возможной материей для раздумий и описаний, что существенно обогащает творческое поле.

Литература

1. Абрегов А. Н. Названия растений в адыгейском языке: синхронно-диахронный анализ. Автореф. дисс. ... д-ра филолог. н. Майкоп, 2000. 60 с.

2. Ашинов Х. Сочинители песен: Повести. М.: Советский писатель, 1976. 320 с.

3. Ройзензон Л. И., Авалиани Ю. Ю. Современные аспекты изучения фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. С. 68-82.

References

1. Abregov A. N. *Nazvaniya rasteniy v adygeyskom yazyke: sinkhronno-diakhronnyy analiz* [Names of plants in the Adyghe language: synchronous diachronic analysis]. Author's thesis of diss. for Dr. of Filology. Maykop, 2000. 60 p. (In Russian)

2. Ashinov Kh. *Sochiniteli pesen* [Song-writers]: Stories. Moscow, Sovetsky Pisatel Publ., 1976. 320 p. (In Russian)

3. Roysenson L. I., Avaliani Yu. Yu. Modern aspects of phraseology studying. *Problemy frazeologii i zadachi ee izucheniya v vysshey i sredney shkole* [Problems of phraseology and tasks of its studying at higher and secondary school]. Vologda, 1967. Pp. 68-82. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Биданок Марзият Мугдиновна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (АРИГИ им. Т. М. Керашева), г. Майкоп, Россия; e-mail: marziyat. bidanok@mail.ru

Принята в печать 02.08.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Marziyat M. Bidanok, Ph. D. (Philology), leading researcher, the Department of Language T. M. Kerashev Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research (T. M. Kerashev ARIHR), Maykop, Russia; e-mail: marziyat.bidanok @mail.ru

Received 02.08.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.111.1 / UDC 811.111.1

Национально-культурный компонент в диалектной фразеологии аварского (на материале хунзахского диалекта) и английского языков

©2016 **Дибирова А. С., Омарова С. И., Абдусаламова М. М.**
Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия; e-mail: amka55@mail.ru, aquamadine@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) с образно-метафорической основой аварского литературного языка и хунзахского диалекта в сопоставлении с аналогичными единицами английского языка. Национально-культурная специфика фразеологии одного языка наиболее наглядно и ярко определяется относительно другого, в нашем случае это анализ аварской (хунзахской) фразеологии в зеркале аналогичных явлений английского языка.

Ключевые слова: фразеологические единицы, метафоризация, национально-культурный компонент, диалект, диалектный словарь, языковые реалии.

Формат цитирования: Дибирова А. С., Омарова С. И., Абдусаламова М. М. Национально-культурный компонент в диалектной фразеологии аварского (на материале хунзахского диалекта) и английского языков // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 49-54.

The Ethno-Cultural Component in the Avar (Basing On The Khunzakh Dialect) And English Dialect Phraseology

©2016 **Aminat S. Dibirova, Sultanat I. Omarova, Madina M. Abdusalamova**
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: amka55@mail.ru, aquamadine@mail.ru

Abstract. The article deals with phraseological units (PU) with imagery and metaphorical base of the Avar literary language and the Khunzakh dialect in comparison to similar units in English. The ethno-cultural specificity of one language phraseology is clearer and brighter relative to the other, in this case the analysis of the Avar (Khunzakh) phraseology in the framework of the similar English phenomena.

Keywords: phraseological units, metaphorization, ethno-cultural component, dialect, dialect vocabulary, linguistic realities.

For citation: Dibirova A. S., Omarova S. I., Abdusalamova M. M. The Ethno-Cultural Component in the Avar (basing on the Khunzakh Dialect) and English Dialect Phraseology. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 49-54. (In Russian)

До сих пор остается неизученной фразеология многочисленных диалектов дагестанских языков. Из всех публикаций, посвященных вопросам дагестанской фразеологии, можно найти всего несколько, в которых рассматриваются вопросы диалектной фразеологии аварского языка. Из них большинство статей принадлежит Д. М. Ахмедовой, автору единственной квалификационной кандидатской диссертации на тему «Фразеология южного диалекта ахвахского языка» (на материале ратлубского, цегобского и тлянубского говоров). Эта работа в дагестанском языкознании остается первой квалификационной работой, специально посвященной диалектной фразеологии одного из бесписьменных дагестанских языков – ахвахского.

По этой причине в специальной литературе по фразеологии дагестанских языков очень мало сведений о диалектной фразеологии. Здесь уместно сказать, что даже в русской фразеологической науке ничтожно мал процент работ, специально посвященных диалектной фразеологии, и не удивительно, что в дагестановедении эта область фразеологии также недостаточно исследована.

Интерес к изучению диалектной фразеологии в советском языкознании определялся в связи с практикой составления диалектных словарей. В диалектных словарях, записанных собирателями, оказывались местные фразеологизмы, которые при лексикографической обработке нужно было охарактеризовать семантически, изучить их структуру, выяснить отношение к фразеологизмам русского литературного языка [6. С. 3-4].

Аналогичная ситуация обнаруживается и в дагестанском языкознании. Исследователи диалектов дагестанских языков много лет (начиная с П. К. Услара, А. М. Дирра, Ш. И. Микаилова, М.-С.Дж. Саидова, У. А. Мейлановой, Г. Б. Муркелинского, З. Г. Абдуллаева, С. М. Хайдакова, А. А. Магометова, Б. Б. Талибова и мн. других) собирают диалектные языковые единицы, среди которых встречаются и уникальные ФЕ, нуждающиеся в толковании. Они попали во все дагестанские словари и, естественно, вовлечены в орбиту исследования. Не отрицая значения имеющихся исследований по дагестанской диалектной фразеологии, считаем, что эта область знаний находится пока в зачаточном состоянии, потому что у дагестанских авторов недоставало фактического материала для серьезного анализа. Собрать диалектный фразеологический материал гораздо сложнее, чем материал по литературному языку, т. е. публикаций

по диалектам практически нет. И, самое важное, дагестановеды не располагали необходимым опытом исследования диалектной фразеологии.

Изучение фразеологии территориальных диалектов и говоров представляет не только чисто лингвистический, но и историко-культурный, фольклористический интерес, т. е. интерес сам по себе обусловлен уникальностью, ценностью, информативностью диалектного фразеологического материала наших языков. Кроме того, исследования по диалектной фразеологии важны для выяснения процесса образования аварской и в целом дагестанской национальной фразеологии и идиоматики, для установления фразеологического общедагестанского фонда, интерес к которому возник в дагестановедении после ряда публикаций на эту тему А. Г. Гюльмагомедова и др. Возможно, в будущем различия в диалектах и диалектные культуры в целом могут быть нивелированы литературным языком и общеаварской культурой и цивилизацией.

Само собой разумеется, что прежде чем изучать диалектную фразеологию, ее нужно собрать, записать, систематизировать в виде специальной фразеологической картотеки, составить фразеологические диалектные словари. В настоящее время в Дагестане, где функционируют более тридцати письменных, бесписьменных и литературных языков, а общее количество диалектов и говоров исчисляется сотнями единиц, не известно ни одного такого диалектного фразеологического словаря.

Интерес к изучению диалектной фразеологии в дагестанском языкознании еще не определился даже в связи с практикой составления диалектных словарей и словарей бесписьменных языков. Хотя в них широко привлекаются диалектные ФЕ, дело до специального изучения еще не дошло.

Между тем изучение фразеологии диалектов и говоров аварского языка представляет значительный интерес не только само по себе: это важно как для выяснения процесса образования общеаварской национальной фразеологии, так и для установления дагестанского фразеологического фонда.

О неизученности хунзахской диалектной фразеологии говорит тот факт, что даже сам этот диалект, легший в основу литературного языка, до сих пор не исследован в специальном монографическом плане. Именно поэтому мы попытались систематизировать диалектные фразеологические материалы хунзахского диалекта и его основных говоров (арадерихского, тлайлухского, харахинского), между которыми разница очень незначительная.

«Исследование вопросов диалектной фразеологии, основывающихся на описательном и сравнительно-историческом методах, создание диалектных словарей, которые способствовали бы обогащению фразеологического фонда и нормированию младописьменных литературных языков – проблема, ожидающая еще своего разрешения» [3. С. 79]. Стало тривиальным утверждение, что описание фразеологии не будет исчерпывающим, если не изучено фразеологическое богатство диалектов.

Фразеологизмы хунзахского диалекта отражают исторические и этнографические реалии жизни хунзахского региона, т.е. выделяется большой пласт фразеологических образований, обусловленных специфической этнолингвистической действительностью. А выделение этой категории ФЕ продиктовано тем, что материалом исследования служит хунзахская разговорная речь.

В составе хунзахской диалектной фразеологии довольно много ФЕ, которые своим происхождением связаны с менталитетом горцев, их мировидением, а также смекалкой, присущей человеку от земли, человеку гор.

Хунзахский лексико-фразеологический и паремиологический фонд уникален в своем роде. Уникальность обнаруживается при первой же попытке выяснить причины образования той или другой ФЕ, которая своеобразно отошла от своего первоначального генетического значения и приобрела вторичное фразеологическое значение. Процесс превращения генетического словосочетания в ФЕ сопровождался своеобразной консервацией ценной этнокультурной информации. Не трудно заметить, что как в лексике, так и в фразеологии и паремиологии хунзахского диалекта отражается история и многовековый опыт его носителя, его материальная и духовная культура. Из-за отсутствия древних письменных свидетельств язык диалектного фольклора выступает ценным источником этнокультурной и этноисторической информации. Об этом пишет и Р. А. Будагов: «Любой национальный язык – это не только определенная система обозначений, но и результат своеобразного отражения всей

деятельности людей, говорящих на данном национальном языке» [2. С. 49].

Этническая характеристика типичного носителя хунзахского диалекта (и говоров) в определенной степени присуща и его языку. Хунзахский диалект отражает картину мира аварца: его мировидение, этику, образы мышления, оценки, действующие веками в этой этнической единице. Работая над этими концептами, необходимо выявить национальное своеобразие, законсервированное в уникальном фразеологическом фонде аварского языка и хунзахского диалекта. Сегодняшнее состояние этноокрашенной лексики, фразеологии и паремиологии хунзахского диалекта – результат его развития в течение столетий. Он зафиксировал и передает следующим поколениям общественный опыт. В этом плане они важны не только как средство общения, но и как источник различных общественно значимых этно-исторических сведений. И поэтому к национально-культурной семантике хунзахского диалекта мы подходим как к продукту сложной истории народа.

Язык или диалект характеризуется тем, что они на всех этапах своего развития заимствуют новые понятия из других языков. И появление нового понятия в языке – часто результат близкого контактирования с другим народом. Хунзахский диалект также заимствовал именно те понятия, которые отсутствовали у него. Заимствование – один из путей активного роста семантического инвентаря всего диалекта, а также языка в целом.

В аварском языке и в его хунзахском диалекте совмещающими в одной конструкции два значения чаще всего являются такие ФЕ, в составе которых имеются термины родства, соматические и социальные термины, зоонимы и фразеологизмы, обозначающие жесты и мимические движения символического характера. Последняя из названных тематических групп ФЕ, обозначающих жесты и мимические движения символического характера в русском языке, например, оказывается самой многочисленной [1. С. 3-7]. Аналогичное явление характерно и английскому языку. В английском языке семантическое совмещение встречается в соматических и зоонимических ФЕ.

Из-за указанной структурной и семантической специфики – совмещения прямого и переносного значений в одной ФЕ – подобные двуплановые ФЕ, как мы видим, порою начисто лишены той образности, яркой метафоричности, а также эмоционально-экспрессивной окрашенности, которые характеризуют фразеологизмы вообще. Большинство двуплановых ФЕ внешне идентичны своим прототипам. Однако называть их полностью изоморфными в формальном плане не совсем правомерно. По форме они принципиально различны, и их различия обнаруживаются как в качественном составе компонентов, составляющих структуру, так и в отношениях этих структур к другим членам предложения и способу включения их в состав предложения и т. п.

Возьмем такой пример: «*Эбелалъул рахь бичизе*» – «поступить очень подло, безнравственно», «низко опуститься, потерять человеческое достоинство» (*букв.* «Материнское молоко продать»). В нем совмещены как прямое, так и переносное фразеологическое значения. Сочетание первых двух слов *Эбелалъул* «матери принадлежащее» и «*рахь*» образуют именную группу, выраженную сочетанием существительных в родительном и именительном падежах. В составе словосочетания именная группа *эбелалъул рахь* «материнское молоко» выражает одну семантическую величину – семантический объект. Существительное в родительном падеже *эбелалъул* не является обязательным членом словосочетания, так как его существование в составе конструкции не обусловлено валентными свойствами переходного инфинитива. В составе словосочетания существительное *эбелалъул* квалифицируется как второстепенный элемент конструкции, являющийся лишь определением к ее именной части. Второстепенность имени *эбелалъул* видна также из того, что в составе словосочетания она не играет никакой роли: *а)* ни в формировании семантики словосочетания; *б)* ни в образовании его базовой структуры; *в)* ни в формальном или семантическом отношениях его с предложением; *г)* ни в функциях словосочетания.

В составе конструкции слово *эбелалъул* является лишь выразителем атрибутивных отношений между именами. Принципиально другую роль играет существительное *эбелалъул*, выступая в качестве компонента ФЕ – здесь оно является смысловым и структурообразующим центром всего фразеологизма *эбелалъул рахь бичизе* «совершить очень низкий, безнравственный поступок». В этой структуре все три ее компонента подвергнуты деактуализации.

Компоненты *рахь* «молоко» и *бичизе* «продать» как бы растворились в общей семантике ФЕ и полностью потеряли смысловое соответствие со свободным словом того же звучания. А слово *эбелалъул* отличается от них тем, что подвергнут только частичной деактуализации. В таком случае можно говорить о смысловом соотношении таких компонентов с соответствующими свободными словами.

Если компоненты *рахь* и *бичизе* лишены собственного значения, то *эбелалъул* определенным образом соотносится с системой значения семантически ключевого существительного *эбел*. «Вокруг семантически ключевых абстрактных существительных группируются целые парадигмы слов в их связанном значении» [5. С. 4]. В составе ФЕ существительное *эбелалъул* семантически полностью не затухает и, сохраняя определенное соотношение со значением омонимичного слова, с ним по значению точно не совпадает.

Анализ двуплановых ФЕ позволяет сформулировать следующие правила, являющиеся общими для всего класса аварских диалектных ФЕ: *а)* прошедшая в ФЕ неравномерная деактуализация отдельных компонентов способствует сохранению ими некоторой смысловой самостоятельности, когда другие ее полностью теряют; *б)* частично деактуализованный компонент, сохраняя семантическую связь, продолжает соотноситься по значению со своим свободным эквивалентом, но полностью с ним не совпадает; *в)* член ФЕ, который соотносится со своим эквивалентом из состава свободных слов, в составе ФЕ оказывается семантически стержневым компонентом; *г)* оказавшись в различных контекстных окружениях, ФЕ дает разные оттенки значений – каждое включение ФЕ в новый контекст расширяет его внешние связи, сочетаемость и создает базу для варьирования первичного значения.

В хунзахском диалекте и в его говорах, как и в аварском литературном языке, имеется группа устойчивых словосочетаний, которые в наши дни могут пониматься как в прямом, так и переносном метафорическом смысле.

Например: *ГIакIа ахIизе* «сзывать на сход». В ауле на возвышенное место поднимается хозяин пропавшей скотины и кричит, чтобы отозвался тот, кто видел его скотину, букв. «прокричать с минарета». *Свери босизе* «готовиться к чему-то тайно», букв. «брать круг». *Гьурмада къехь ххезе* «лицемерить, обманывать», букв. «на лицо овчину одеть». *ХIамагIанкъ* – сорт вяжущей груши, букв. «осла душащий». *БабалмухIума* «маменькин сынок, баловень, беспринципный молодой человек», букв. «мамин Мугума». *КIал чорок* «похабник, вульгарный», букв. «рот грязный». *КIалалда тIикъва гьечIев* «звезд с неба не хватающий», букв. «во рту подковы не имеющий». *КIицIул чахъу ччузе* «исполнительному человеку давать лишнее поручение», букв. «дважды ощипать смирную овцу с легко сдираемой шерстью». *Капургу хвезе течIугун* «успеть приставить нож, зарезать корову согласно мусульманскому обычаю», букв. «не дать корове умереть в безверии». *Дида лъаларо, дида бихьичIо* «не мое дело, меня это не касается, моя хата с краю», букв. «я не знаю, я не видел». *КIалдиб гIажал кун* «идя навстречу смерти, смертельно рисковать», букв. «держа смерть во рту». *ГIин тIамуге* «не обратить внимания, пропустить мимо ушей», букв. «ухо не заставить». *ХIурудахъ риччазе* «пустить по ветру, развеять по ветру, перечеркнуть все достигнутое, все нажитое (авторитет, заслуги, имидж, доброе имя, добро)» – букв. «отпустить в пыль». *Рагьараб ракI* «искренний, щедрый, общительный, компетентный», букв. «открытое сердце». *РагьтIе кIанцIизе* «пожаловаться на кого-то, на что-то; потребовать объяснения за нанесенную обиду; выразить крайнее возмущение», букв. «прыгнуть во двор, на порог». Английские: *muddy tongue* «грязный язык», *be afraid of one's shadow* «бояться собственной тени», *warm hearted* «мягкосердечный, отзывчивый».

Хунзахские фольклорные ФЕ по своим структурным и тематическим признакам можно разделить на три группы. Первая группа – это идиоматические образования, у которых сумма значений составляющих не имеет ничего общего с общим значением идиомы. Вторая группа – это двуплановые ФЕ, представляющие собой образования, которые употребляются не только во фразеологическом, но и в прямом значении. Третья группа – это ФЕ, выражающие качественную оценку лица, т.е. такие фразеологические образования, которые оценивают человека с различных точек зрения.

В этих фразеологических единицах встречаются национально-культурные языковые реалии, что делает их непереводимыми с языка на язык, и это позволяет нам говорить не только об их уникальности, но и неповторимости. В таких идио-

мах встречаются слова, которые не понятны современному хунзахцу или современному англичанину – они давно потеряли своих референтов и сохранились в языке исключительно из-за закрытости идиоматических конструкций.

Литература

1. Абрамец В. И. Совмещение как проблема семантики // Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка). Ч. 1. Тезисы докладов и сообщений. Новгород, 1971. 49 с.

2. Будагов Р. А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М.: Наука. 1978. 248 с.

3. Магомедханов М. М. Русско-английский лексический справочник. Махачкала, 1982. 210 с.

4. Магомедханов М. М. О некоторых вопросах фразеологии аварского языка // Сборник статей по вопросам дагестанского и вайнахского языкознания ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1972. 98 с.

5. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1981. 30 с.

6. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980. 190 с.

References

1. Abramets V. I. Combination as a problem of semantics. *Voprosy semantiki frazeologicheskikh edinit*s [Problems of semantics of phraseological units (on the material of Russian)]. P. I. Theses of reports and messages. Novgorod, 1971. 49 p. (In Russian)

2. Budagov R. A. *Bor'ba idey i napravleniy v yazykoznanii nashego vremeni* [Struggle of ideas and trends in linguistics of our time]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 248 p. (In Russian)

3. Magomedkhanov M. M. Russian-English lexical reference. Makhachkala, 1982. 210 p. (In Russian)

4. Magomedkhanov M. M. *O nekotorykh voprosakh frazeologii avarskogo yazyka* [Some problems of the Avar phraseology]. Collection of articles on Dagestan and Vainakh linguistics IHLL, Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences. Makhachkala, 1972. 98 p. (In Russian)

5. Teliya V. N. Metaphorization and its role in the creation of a linguistic view of the world. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke* [Role of human factor in language]. Moscow, 1981. 30 p. (In Russian)

6. Fedorov A. I. *Sibirskaya dialektnaya frazeologiya* [Siberian dialectal phraseology]. Novosibirsk, 1980. 190 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Дибирова Аминат Сайбулаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: amka55@mail.ru

Омарова Султанат Исаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: gereeva_aida@mail.ru

Абдусаламова Мадина Магомедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: aquamadine@mail.ru

Принята в печать 07.09.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Aminat S. Dibirova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of English Philology, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: amka55@mail.ru

Sultanat I. Omarova, Dr. of Philology, professor, the chair of English, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: amka55@mail.ru

Madina M. Abdusalamova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of English Philology, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: aquamadine@mail.ru

Received 07.09.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 821 / UDC 821

Поэтика фоники и синтаксиса

©2016 **Кадимов Р. Г.**
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: ruslankadimov@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель данного исследования – выявление связей между определенными уровнями художественной речи – фонической организацией текста и синтаксическими позициями сходнозвучных слов, используемых для создания поэтической семантики. **Результаты.** Поэтическую семантику создает способ организации языкового материала. Высокой художественности способствует согласованность и семантическое соответствие определенных уровней текста: выявлена связь между синтаксическими отношениями членов предложения и частотой использования этих позиций паронимией. **Выводы.** Наличие явно выраженных частотных показателей говорит о неслучайности использования паронимией позиций, соответствующих определенным типам сильной синтаксической связи. Самыми частыми (и эффективными) для коррелятов паронимии являются позиции, выражающие предикативные и атрибутивные отношения. Слабые синтаксические связи между членами предложения значительно реже используются коррелятами паронимии. Фонетическая близость синтаксически не связанных и пространственно удаленных друг от друга слов не создает поэтической семантики.

Ключевые слова: фоника, паронимия, синтаксис, поэтическая семантика, предикация.

Формат цитирования: Кадимов Р. Г. Поэтика фоники и синтаксиса // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 55-59.

The Phonic and Syntax Poetics

©2016 **Ruslan G. Kadimov**
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: ruslankadimov@mail.ru

ABSTRACT. The aim of the paper was to identify relationships between certain levels of the speech, the phonic text organization and syntactic positions of words with similar sounds used to create poetic semantics. **Results**. Poetic semantics creates a way of organizing linguistic material. High artistry promotes consistency and semantic compliance of certain levels of the text: correlation between syntactic relations of the sentence and frequency of using these positions by paronymia. **Conclusions**. The presence of distinct frequency indicators indicates the non-randomness of using the paronymia positions corresponding to certain types of strong syntactic connection. The most common (and effective) for correlates of paronymia are the positions expressing the predicative and attributive relations. Weak syntactic connection between parts of a sentence much less frequently used by the correlates of paronymie. The phonetic proximity of syntactically unrelated and spatially distant from each other words doesn't create the poetic semantics..

Keywords: phonics, paronymia, synthax, poetic semantics, predication.

For citation: Kadimov R. G. The Phonic and Syntax Poetics. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 55-59. (In Russian)

Интерес лингвистов к исследованию связей между звуковыми повторами и их смысловыми функциями в тексте является постоянным. О "громадной роли звуковой стороны в смысловой структуре вообще и слова в частности" писал академик В. В. Виноградов: "в языковой системе и звуки речи значимы, осмыслены..." [1. С. 12]; "созвучие слов, близость их фонетического строя отражается на их понимании, на их

семантических связях" [2. С. 6]. Отмечаемые в поэтических текстах факты поэтической семантизации созвучных слов все чаще называют термином паронимия, или паронимическая аттракция (далее – ПА). Случаи паронимии раньше называли "звуковыми метафорами". Хотя до поэтической семантики в паронимии поднимается случайное сходство слов в звучании, сама природа паронимической аттракции основана на том, что это сходство имитирует отношения корневого родства (производности): "Отпущу себе *бороду* и *бродягой* пойду по Руси" (Ес.); "Акация *пахнет* – и окна *распахнуты*" (Пас.) и др. Подобную семантическую аттракцию (смысловое притяжение разнокорневых созвучных слов друг к другу) иногда называют народной, ложной или поэтической этимологией.

Большую роль в выражении паронимических отношений играют синтаксические позиции сходнозвучных слов. Поскольку ПА – не просто соположение созвучных слов, а установление между ними некоторых семантических связей, чрезвычайно важными для нее оказываются семантические связи, реализуемые внутри смысловой единицы языка – предложения. В то же время функционально значимая ПА обычно наблюдается в случаях, когда корреляты находятся в позиции членов предложения, выражающих смысловые отношения субъект – действие, признак – предмет, признак – действие, действие – объект действия, действие – орудие действия и т. д.

Отношения подлежащего и сказуемого являются наиболее удобными для ПА: связь этих членов предложения может быть согласованием не только по форме, но и по смыслу. Обычно подлежащему соответствует такое действие, которое соотносится с ним семантически и может производиться им в реальной действительности: однокорневое с подлежащим сказуемое, как правило, обозначает действие, самое обычное для субъекта (*шут шутит*). Паронимические сочетания подлежащего и сказуемого напоминают отношения между этимологически родственными словами, более или менее разошедшимися в значениях: *Погода годится* только для рыб (Маяк.); *Сердце* не *сердится*, к злобе глухо (Маяк.); Сколько лет *крестьянин крестился* истово (Маяк.) и др. Возможность подобного родства главных членов предложения и используется ПА для создания поэтической семантики.

Образное сближение двух сходнозвучных слов – подлежащего и сказуемого – позволяет говорить о текстоформирующей функции ПА: в ряде случаев сказуемое выбирается лишь по образу и подобию подлежащего: как нам *мещане мешали* встретиться! (Возн.); Эти *уста* не *устали* (Маяк.); *Трон тронулся* (Горький); Милые, *кумир* не *умирает*..." (Возн.); *пища пищит* (Маяк.); *Орешник* тебя *отрешает* от дня (Пас.); И *реплики* леса *окрепли* (Пас.); "*Слезают слезы* с крыши в трубы…", "И дальше *летит* эта самая *Лета*" "*Пенится пенье… Площади плещут*" (Маяк.) В последнем примере наблюдаем одновременно препозитивное и постпозитивное расположение сказуемого по отношению к подлежащему.

В паронимических отношениях между главными членами предложения сказуемое может быть выражено причастиями или прилагательными: *души задушены* Сибирей саваном (Маяк.). К "полюсу" паронимического сочетания подлежащего и сказуемого примыкают (отличаясь меньшим эффектом) случаи, где со сказуемым вступает в аттракцию не подлежащее, а одно слово из группы подлежащего, чаще его определение (согласованное или несогласованное): На ночь натыкаясь руками, *Урала* твердыня *орала* (Пас.); ср.: *Урал орал* непроходимолесый (Маяк.). Еще примеры паронимического сближения предиката с квалификатором субъекта: *Грязные* руки *грозят* бедой (Маяк.); *Несметный* мир *семенит*... (Пас.); дьяки *присные* ... в ладони *прыснули* (Возн.).

Активно используется паронимией действительная семантическая близость предмета и его свойства (связи типа "предмет – свойство"). Корреляты, находящиеся в позиции определения и определяемого, также оказываются одними из самых распространенных. Наиболее частой является препозиция согласованного определения по отношению к определяемому слову: *ментоловые метели* взволнованных медсестер (Возн.); *старомодной смородины* (Возн.); *целомудренные цикламены* (Возн.); В бесстрастии *каменноокой камеи* (Цв.); От этой *фатальной фальши* (Цв.); *очарованный черновик* (Возн.); *версальских выстрелов* дым (Маяк.); И гнулся лифов *колкий коленкор* (Пас.); Дрожала кофт *заржавлен-*

ная саржа (Пас.); В ночах с *очаковскою чайкой* (Пас.); площадь *стодомым содомом* (Маяк.); в *гробовом сугробе* (Цв.); с *американскою меркою* (Маяк.); Мои *рифленые рефлексы* (Возн.). Независимо от того, какие слова в синтаксических определительных отношениях вступают в аттракцию, паронимия усиливает эпитет.

«Одним из характернейших признаков стиля Маяковского являются смысловые наслоения, оперирующие значениями слов, нагнетание и гиперболизация мысли» [5. С. 92]. Неслучайность структурных отношений "определение – определяемое" подтверждают примеры одновременного употребления нескольких сочетаний отмеченного типа: "*чинная чиновница ангельской лиги*"; "где он, *бронзы звон* или *гранита грань*?" (ср. также в поэме "Про это": "*дырами ноздрей*, *гвоздями глаз*, ... *ежью кожи*" (Маяк.).

Многочисленны случаи паронимической аттракции между согласованным определением и определяемым словом в прозаических текстах: это самый *поразительный паразит* (Маяк.); город с *когтистой готикой* (Возн.); *очарованные очертания* Покрова на Нерли (Возн.); русую косу, уложенную вокруг головы *венецианским венчиком* (Возн.); нежность художника и *книжного княжича* (Возн.); *непрошеное прошлое* (Возн.); как *кубический клубок* шерсти (Возн.); *вербная ворожба* (Возн.); *тарабарское бормотание* (Возн.); *куриные инкубаторы*; *корсетные кости* (о рыбе) (Маяк.); как прописные буквы "о" с *нежным нажимом* (Возн.); Он умыкнул французскую *русую русалку* (Возн.); *Матерый мастер* растерянно и лукаво щурился (Возн.); Андре Бретон, *матерый мэтр* сюрреализма... (Возн.).

Немало случаев ПА в отношениях несогласованного определения: Не верьте *потокам* речистой *патоки* (Маяк.); Я *героиня* самоубийства и *героина* (Возн.); *Одурение удара* (Возн.); Ах, *машбюро* цветного *бора* (Возн.); мне ради этого легки любых *ругателей рогатины* и *яростные ярлыки* (Возн.). Немало примеров ПА в позиции несогласованного определения и определяемого слова в прозаических текстах: *менестрель строек, реформатор рифмы* (Возн.); *Патриций пропорций*, он проповедовал...(Возн.); белый как лунь *астроном истории* и языка (Возн.); Это *мета мастера* (Возн.). Паронимические сочетания несогласованного определения с определяемым словом часто встречаются в прозе Вознесенского.

Возможны паронимические сочетания всех трех слов – определяемого слова и его согласованного и несогласованного определений: *костылей кастаньетный теньк* (Маяк.); Он шел из мглы *Удушливых ушей ущелья* (Пас.). Отмеченные позиции коррелятов паронимии не исчерпывают всей сложности возможных отношений. Независимо от того, какие слова в синтаксических определительных отношениях вступают в аттракцию, паронимия продолжает способствовать более яркому проявлению синтаксических отношений и усиливает определение: Мимо *ярмарок*, где *ярки* яйца (Возн.). Примеры с подобными позициями коррелятов не образуют регулярных структурных типов и остаются единичными. Высокую частотность обнаруживают сочетания типа "предмет – свойство" и "предмет – отношение", которые можно считать продуктивными и более или менее регулярными. ПА в отношениях согласованного и несогласованного определения ориентирована на установление семантических отношений между сходными по звучанию словами, находящимися в синтаксически активных отношениях друг к другу. Эти отношения синтаксического согласования и управления, построенные на обычной логико-семантической связи слов, используются паронимией как более удобные для выражения смысловой аттракции отношения.

Несколько менее часты случаи использования коррелятов ПА в обстоятельственных отношениях: *Танцуй* по *инстанциям*!" (Маяк.); *ухмыляется* под *хмельком* (Возн.); люди-резины, вы *растяжимы* на все *режимы* (Возн.); у *трущоб* в *утробе* (Маяк.); ветер дует и *хлещет* в *щели* (Маяк.); *плотью* по *плоти плутают* (Цв.); на *цепь нацарапаю* имя Лилино (Маяк.); стоял и стихи *слагал* по *слогам* (Маяк.); и *ладоши* били в *лад* (Маяк.). Обстоятельственные отношения между коррелятами ПА встречаются и в прозаических текстах: *пар* шел изо все *пор* его горячего тела... (Возн.). Коррелятами паронимии могут быть сказуемое и прямой объект: Кто, громко свища, *мастерил самострел* (Пас.); куда *девах* своих *девал*? (Возн.). В этом случае устанавливается некоторое семантическое родство между действием и прямым объектом, на который направлено это действие.

К отношениям подлежащего и сказуемого типа *Люди лодки* (Маяк.), *Сороковые-роковые* (Самойлов) примыкают и некоторые другие случаи паронимии, где коррелята, соотнесенные посредством тире, подчеркивают предикативные отношения: у Стиннеса *пальцы* – вся *полиция* (Маяк.); *Дело* отлова – *доля* мужская; *Петр* Первый – *пот* первый; Рок-Н-ролл: *рок, рок* – танец *роковой*! (Возн.); и пример, когда корреляты несколько удалены друг от друга: *Автопортрет* мой, реторта неона, апостол небесных ворот – *аэропорт*! (Возн.). Соотнесение двух сторон через тире способствует приближению отношений между коррелятами к отношениям подлежащего и сказуемого даже тогда, когда корреляты только входят в группы подлежащего и сказуемого или же только расположены в разных частях соотнесенного тире предложения: Губы *крашеные – грешны* (Возн.); И *на лете – налет* фиолетовый (Пас); Из *меха – смех* накрашенным ротиком (Маяк.); *Распластаннейшей* в мире – *ласточкой*! (Цв.); *Биржа* – крутая *буржуям* управа (Маяк.). Множество примеров из прозы: запихивают в рот первое *топливо – торопливый* стакан паршивого кофе (Маяк.). *Повторенье – мать творенья; Творчество – это отрочество; Прекрасное – не пресное; Метафора – мотор формы* (Возн.); Как видим, при характеристике слова не последнюю роль играет его звуковой состав, в соответствии с которым подбираются сходнозвучные слова. В ряде приведенных случаев ПА играет немаловажную роль и в образовании лаконичных метафоричных высказываний – в их рождении и затем в их восприятии как таковых.

Соотнесенность коррелятов в две стороны предложения посредством тире способствует увеличению эффекта ПА. Синтаксическим соотнесением частей предложения как бы подчеркиваются находящиеся в них сходнозвучные слова. Отношения между любыми словами-коррелятами, находящимися в двух соотнесенных тире сторонах предложения, приближаются к отношениям главных членов предложения – подлежащего и сказуемого. Достаточная распространенность постановки тире между содержащими паронимы частями предложения свидетельствует о том, что соотнесению с двух сторон (усилению признака предикативности) предложения способствуют и сами сходнозвучные слова. Это мы наблюдаем в случаях постановки тире между главными членами предложения в случаях, когда на это нет других причин, кроме соотнесения сходных в звучании слов: *Завод – зовет (Маяк.); Московиты – мозговиты* (Возн.); *Очи – ой, отчаянны*" (Возн.).

Характеризуя природу образа, А. А. Потебня писал, что одно из слов становится как бы постоянным предикатом к другому слову (8. С. 42). Отношения между коррелятами паронимической аттракции вообще можно характеризовать как образные (соотнесение двух различных по происхождению слов почти всегда связано с рождением образа). Слово "аттракция" обозначает притяжение (от лат. attraho - притягиваю к себе; франц. attraction, букв. - притяжение). Обладающие сильной формальной близостью слова "находят" в предложении друг друга, и между ними устанавливается некоторая связь самого общего характера, которую можно осмыслить в зависимости от конкретных значений слов и контекста. Это самого общего характера тяготение коррелятов паронимии друг к другу можно характеризовать как отношения постоянной предикации – в широком, не собственно грамматическом смысле: как наличие любого вида отношений между двумя словами.

Подобная связь может конкретизироваться в зависимости от конкретных семантических и синтаксических условий (ср.: "предикат – в широком смысле – отношение, т.е. свойство нескольких предметов. В логике – пропозициональная функция, т.е. выражение с неопределенными терминами (переменными), при выборе конкретных значений для этих терминов преобразующееся в осмысленное (истинное или ложное) высказывание" (5. С. 149). В ПА между сходными в звучании словами возникает некое неопределенное отношение, которое осмысливается в зависимости от конкретных значений слов и контекста.

Литература

1. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

2. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.

3. Вознесенский А. Собрание сочинений в 3 томах. М.: Худож. лит., 1983-1984.

4. Есенин С. А. Собрание сочинений в 6 томах. М.: Худож. лит., 1977-1979.

5. Кадимов Р. Г. Анализ лирического стихотворения. Учебное пособие по курсу «Филологический комментарий и анализ художественного текста». Махачкала: Алеф. 2015. 120 с.

6. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. В 13 томах. М.: Парнас, 1955-1961.

7. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений в 11 томах. М.: Слово, 2003-2005. 7810 с.

8. Потебня А. А Мысль и язык. М.: Правда, 1989.

9. Цветаева М. И. Энциклопедическое собрание сочинений в 18 томах. М.: Бизнессофт, 2006.

References

1. Vinogradov V. V. *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Study of Russian Grammar]. M., 1975. (In Russian)

2. Vinogradov V. V. Russian language. M., 1972. (In Russian)

3. Voznesensky A. Coll. Op. in 3 volumes. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1983-84. (In Russian)

4. Yesenin S. A. Coll. vol.: In 6 vol. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1977-1979. (In Russian)

5. Kadimov R. G. Analysis of lyric poems. *Uchebnoe posobie po kursu «Filologicheskiy kommentariy i analiz khudozhestvennogo teksta»* [The textbook for the course "Philology and analysis of literary text"]. Makhachkala, Aleph Publ. 2015. 120 p. (In Russian)

6. Mayakovsky V. V. Complete collection of works. In 13 volumes. Moscow, Parnas Publ., 1955-1961. (In Russian)

7. Pasternak B. L. Complete works in 11 volumes. Moscow, Slovo Publ., 2003-2005. 7810 p. (In Russian)

8. Potebnya A. A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow, Pravda Publ., 1989. (In Russian)

9. Tsvetaeva M. I. Encyclopedic works in 18 volumes. M.: Biznessoft, 2006. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Кадимов Руслан Гаджимурадович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории русского языка, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: ruslankadimov@mail.ru

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Ruslan G. Kadimov, Doctor of Philology, professor, the head of the chir of Theory and History of Russian, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: ruslankadimov@mail.ru

Принята в печать 07.09.2016 г.

Received 07.09.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.351.32 / UDC 811.351.32.

Связи однокоренных слов в гнезде. Словообразовательная омонимия и полисемия (на материале лезгинского языка)

©2016Казбеков А. К., Мурадханова Т. И., Акавова С. С.
Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия; e-mail: Santex80@mail.ru, tellikhanum@mail.ru, nauka_dgpu@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье рассматривается словообразовательная омонимия и полисемия на материале лезгинского языка, а также связи однокоренных слов в гнезде. Словообразовательная омонимия может выступать либо в чистом виде, либо как осложненная со стороны лексической или грамматической, многозначность производящего слова носит характер противопоставления признака предмета, пространства, места.

Ключевые слова: омонимия, полисемия, словообразование, вершина гнезда, части речи, прилагательные, значение, деривация.

Формат цитирования: Казбеков А. К., Мурадханова Т. И., Акавова С. С. Связи однокоренных слов в гнезде. Словообразовательная омонимия и полисемия (на материале лезгинского языка) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 59-63.

The Connection of Single-Root Words in the Family. Word Formation Homonymy and Polysemy (Basing on the Lezghin Language)

©2016 **Arthur K. Kazbekov, Tellikhanum I. Muradkhanova, Sadiya S. Akavova**
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: Santex80@mail.ru, tellikhanum@mail.ru, nauka_dgpu@mail.ru

ABSTRACT. The authors of the article discuss the derivational homonymy and polisemy on the material of the Lezghin language and links of single-root words in the family. Either word-formation homonymy can act in pure form or complicated by lexical or grammatical aspects, the polisemy of the generating word has the nature of the opposition of subject attribute, space and place.

Keywords: homonymy, polisemy, word formation, the top of the family word, parts of speech, adjectives, meaning, derivation.

For citation: Kazbekov A. K., Muradkhanova T. I., Akavova S. S. The Connection of Single-Root Words in the Family. Word Formation Homonymy and Polysemy (basing on the Lezghin Language). Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 59-63. (In Russian)

Словообразовательная омонимия – это омонимия, возникновение которой связано со словообразовательными процессами. Разные случаи словообразовательной омонимии представлены следующим образом а) омонимия корней; б) омонимия аффиксов; в) омонимия корней и аффиксов.

П. А. Соболева считает, что словообразовательная омонимия имеет место, если производным образованиям можно приписать не одну словообразовательную структуру. Например: *лакейство* (сословие лакеев) – это отыменное образование. А *лакейство* (угодничество) – это отглагольное образование. Производные попадают в разные точки гнезда, но они связаны формально и содержательно с одной и той же вершиной [4. С. 121-122].

Наличие опосредованной связи между однокоренными образованиями не позволяют считать их лексико-семантическими омонимами.

Словообразовательная омонимия при моделировании может попасть в разные точки гнезда. Приведем примеры разнообразной словообразовательной омонимии в гнездах от имен существительных.

1. Пример словообразовательной омонимии, осложненной грамматически:

– *ватанперес* ‘патриот’; 2. ‘патриотический’. У пар однокоренных образований *ватан* ‘родина’ – *ватанперес* тождественные лексические морфемы, различные словообразовательные структуры (1. *ватан – ватанперес*: сущ.→сущ.; 2. *ватан – ватанперес*: сущ. → прилаг., *зун ватанперес я* – ‘я патриот’, *ватан пересдин эверун* – ‘патриотические призывы’ – они относятся к различным частям речи (обладают омонимичными формантами – *перес*). Они не являются лексико-семантическими омонимами, поскольку связи между однокоренными образованиям регулярны. Между тем это разные слова, поскольку они являются разными частями речи и обладают разной словообразовательной структурой [2. С. 46].

2. Пример словообразовательной омонимии, осложненной лексически и грамматически:

– *дуьзен* ‘равнина, плоскость, ровное место’ < *дуьз* ‘ровный’. *Дуьз чин* ‘*ровная земля*’.

– *дуьзен* ‘ровный, без подъемов и спусков’ < *дуьз* ‘*прямой*’. *Дуьз цIар* ‘прямая линия’.

В приведенном примере производные относятся к разным значениям произво-

дящего слова. Многозначность производящего слова носит характер противопоставления признака предмета (*дуьз лаш* ‘прямая палка’) и признака пространства, места (*дуьз чил* ‘ровная земля’). Производные разных частей речи усиливают это противопоставление. Каждое производное имеет свое отдельное значение и свою словообразовательную структуру. *Дуьзен* ‘равнина’ – это отадъективное существительное со словообразовательной структурой прилаг. → сущ. (от *дуьз* ‘ровный’). Если обратиться к показаниям других производных в гнезде, то окажется, что *дуьзен* ‘прямой’ связано с наречием *дуьздаказ* ‘прямо’ (= *дуьздиз* ‘прямо’). Наречие от *дуьз* ‘ровный’ не зафиксировано. Производные обладают разными словообразовательными связями с однокоренными образованиями и связями с разными вариантами значения вершины гнезда. Мы усматриваем в анализируемом случае явление словообразовательной омонимии, допускающей разное лексическое наполнение гнезда однокоренных слов. (Сравним: *дуьздаказ* ‘правильно’ и ‘прямо’; *дуьзгуьн* ‘правильный и стройный’; *дуьзвал* ‘прямизна и плоскость’, но: *дуьзвилелди* ‘правдиво’).

Если вершина гнезда представлена многозначным словом, то словообразовательная омонимия позволяет производным образованиям не только дифференцировать лексическое наполнение, но и развивать свои значения, сопряженные с деривацией. Например: *чIехи* 1. ‘большой’; 2. перен. ‘великий’; 3. перен. ‘старший’; 4. перен. ‘взрослый’.

Прилагательное в контексте *чIехи стха* ‘старший брат’ мотивирует производное прилагательное *чIехиди* ‘старший’, *чIехиди* ‘взрослый’ мотивировано переносным значением производящего прилагательного *чIехи* (ср.: *чехи гада* ‘взрослый юноша’). Расширение значения производного *чIехиди* идет за счет неоднократной деривации по одной и той же словообразовательной модели прилаг. → прилаг.

Словообразовательная омонимия сопровождается семантическим переносом значения (метонимия), и оба явления накладываются на грамматическую омонимию производных образований с одинаковым оформлением: *чIехиди* ‘старший и взрослый’ (отадъективные имена прилагательные) и *чIехиди* ‘начальник, руководитель’ (отадъективное существительное).

Отадъективные прилагательные образованы по одной и той же модели, они связаны с многозначной вершиной гнезда. Это случай отношений производности между лексико-семантическими вариантами значений однокоренных слов. Отадъективное существительное имеет иную словообразовательную модель. Его лексическое значение не поддержано связями с другими производными в гнезде. Это пример словообразовательной омонимии, которая накладывается на грамматическую омонимию. Опосредованная связь однокоренных слов с вершиной гнезда не позволяет считать производные лексико-семантическими омонимами.

3. Пример словообразовательной омонимии, которая одновременно накладывается на лексическую и грамматическую омонимию:

– *агьа* ‘господин, хозяин’, *агьа* ‘нижний, находящийся внизу’.

4. Пример деривационной омонимии, осложненной лексико-семантической омонимией: – *гуьг* ‘серый’ (о масти лошади) – *гуьг* повел.форма от *гуьн* ‘жать’.

Смысловая структура производных слов может формироваться разными путями:

а) через развитие значения слова. Например: *гур-гур* ‘водопад’→ ‘гул, грохот, рокот’. *Гур-гур авун* ‘гудеть’. Связь значений производного мотивирована метафорическим переносом.

б) путем параллельной деривации по одной и той же словообразовательной модели. Например: – *гунагькар* ‘грешный, грешник’ < *гунагь* ‘грех’. *Гунах авун* ‘грешить’ – *гунагькар* ‘виновный, виновник’ < *гунагь* ‘вина’. *Гунагь хьун* ‘становиться виновным’.

Опосредованная связь значений, характерная для смысловой структуры производных, позволяет говорить не об омонимии, а о словообразовательной полисемии. Полисемия присутствует и у производных на – *вал* в том случае, если в одной словоформе совмещены разные словообразовательные модели. Например: 1. *гьилле* ‘хитрость’ – *гьиллебаз* ‘хитрый, хитрец’, *гьиллебазвал* ‘хитрость’. 2. *гьилле* ‘нерадивость’ – *гьиллебаз* ‘нерадивый человек’, *гьиллебазвал* ‘нерадивость’.

Опосредованная связь значений производных осуществляется и через вершину (*гьилле*), которая многозначна, и через отыменные образования с суффиксами – *бал,* – *вал*, которые оформляют производные, появившиеся в разных точках гнезда. Например: *гьилле* ‘нерадивость’, *гьиллебаз*,

гьиллебазвал ‘нерадивость’, *гьилле* ‘хитрость’, *гьиллебаз, гьиллебазвал* ‘хитрость’. В рассматриваемом примере имеет место омонимия аффиксов – *баз* + – *вал*. Они оформляют производные разных частей речи. Однокоренные образования с формантом – *баз* + – *вал* не воспринимаются как омонимы, поскольку в них имеет место семантическая связь через многозначность общей корневой морфемы.

В словах на – *бан+ – вал* имеет место сочетание значений одушевленного субъекта действия и значение действия, занятия: *вак* ‘свинья’ – *вакIарбан* ‘свинарь’; *вакIарбанвал* ‘свиноводство’. Оба рассматриваемых значения соответствуют словообразовательной структуре «сущ.→ сущ. → сущ.» Здесь полисемия обусловлена многозначностью аффиксов – *бан +– вал*. [4. С. 186] (Сравним однозначность слов *чубан* ‘овчар’, *нехирбан* ‘пастух’, *рамагбан* ‘табунщик’ и отсутствие производных с – *бан+вал*. Между тем словообразовательная полисемия отмечена у производного *салярбанвал* ‘занятие огородника’; ‘огородничество’ (от *сал* ‘огород’→ *салар* мн. число).

Примеры показывают, что наименование субъекта действия и рода занятий по отношению к мотивирующему наименованию (*сал-салар-саларбан-саларбанвал*) являются регулярными. Здесь реализуются агентивные и фактитивные значения, которые сосуществуют в отыменных именах. Агентивное и фактитивное *бан+вал* реализуют частные словообразовательные значения «субстанция, имеющая отношение к субстанции», которые присущи деривационному шагу «сущ.→ сущ.→ сущ.» (ср. иную интерпретацию указанных явлений на примере русского слова *счетчик* (лицо, инструмент) у Е. Л. Гинзбурга [3. С. 186].

Итак, словообразовательная полисемия имеет место при многократной деривации по одной и той же словообразовательной модели (*гунагькар*), при многоязычности вершины гнезда и разной словообразовательной модели (*гьиллебазвал*), при полисемии аффиксов (*вакIарбанвал*).

Каждый случай словообразовательной полисемии свидетельствует о том, что однокоренные образования в гнезде связаны непосредственно между собой и опосредованы связью всех компонентов гнезда с вершиной.

В отдельных случаях словообразовательная полисемия возникает в гнезде как результат параллельной и последовательной деривации. Это возможно для однокоренных образований, формально подобных, но обладающих разной словообразовательной структурой. В гнезде они появляются вместе и последовательно один за другим.

Например: *лал* – ‘немой’ – *лалак* ‘косноязычный’ – ‘*лалак* заика’

↓↓

лалакIвал ‘косноязычие’ *лалакIвал* ‘заикание’

Словообразовательное строение производного *лалакIвап* ‘заикание’: прилаг. → сущ. → сущ.

Словообразовательное строение производного *лалакIвал* ‘косноязычие’: прилаг. → прилаг. → сущ.

Словообразовательное строение рассматриваемых производных частично совместимо. Различие касается только последнего деривационного шага. Различие производных носит словообразовательный характер и осложнено со стороны лексики. Между тем в однокоренных образованиях сопряжено и деривационное строение, и мотивированность развития лексического значения. Тождество грамматической характеристики не позволяет однозначно утверждать, что производные образования являются лексико-семантическими вариантами разных слов. Это разные варианты значений одного производного слова.

Рассмотрение смысловых и формальных связей однокоренных образований в гнезде показывают, что явление полисемии возникает как следствие: 1) многократной деривации по одной и той же словообразовательной модели; 2) деривации от разных однокоренных слов в гнезде; 3) деривации от разных лексико-семантических вариантов вершин гнезда.

Не все ученые склонны отнести производные образования подобные тем, которые мы рассмотрели, к явлениям полисемии и омонимии на материале русского языка. А. А. Реформатский предложил для сложных для анализа примеров свой термин: «неравноименность» [1. С. 91]. П. А. Соболева отмечает, что опосредованная связь значений однокоренных образований в гнезде является языковой универсалией. Вопрос о тождестве слова в каждом случае решается индивидуально с учетом системных отношений, свойственных лексике данного конкретного языка [4. С. 187].

Литература

1. Гайдаров Р. И. О некоторых общих моментах в словообразовании дагестанских языков. Махачкала, 1969.
2. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
3. Реформатский А. А. Число и грамматика. Вопросы грамматики. М.-Л., 1960.
4. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1989.

References

1. Gaydarov R. I. Some general points in the derivation of the Dagestan languages. Makhachkala, 1969. (In Russian)
2. Ginsbourg E. L. Word formation and syntax. M., 1979. (In Russian)
3. Reformatsky A. A. Number and grammar. Problems of grammar. Moscow-Leningrad, 1960. (In Russian)
4. Soboleva P.A. Word-formation polisemy and homonymy. M., 1989. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Принадлежность к организации

Казбеков Артур Казбекович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских и восточных языков, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: Santex80 @mail.ru

Мурадханова Теллиханум Исмихановна, кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германских и восточных языков, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: tellikhanum @mail.ru

Акавова Садия Салевовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германских и восточных языков, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: nauka_dgpu@ mail.ru

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Arthur K. Kazbekov, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Romano-Germanic and Oriental Languages, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: Santex80@mail.ru

Tellikhanum I. Muradkhanova, Ph. D. (Philology), professor, the chair of Romano-Germanic and Oriental Languages, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: tellikhanum@mail.ru

Sadiya S. Akavova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Romano-Germanic and Oriental Languages, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Принята в печать 25.02.2016 г.

Received 25.02.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 821 (470.67) / UDC 821 (470.67)

Фольклорные и исторические истоки романа Б. Раджабова «Намуснан сир» («Тайна намуса»)

©2016 Кахриманова Г. С., Курбанов М. М.
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье освещаются проблемы взаимодействия фольклора и литературы на примере исторического романа табасаранского прозаика Багира Раджабова «Тайна намуса». Изучаются способы и методы использования писателем фольклорных сюжетов, образов и исторических сведений в конструкции романа. Анализируются творческая оценка событий и отношение автора к проблеме предательства и клеветы в романе.

Ключевые слова: фольклор, литература, предание, персы, роман, Надир-шах, сюжет, предательство, клевета.

Формат цитирования: Кахриманова Г. С., Курбанов М. М. Фольклорные и исторические истоки романа Б. Раджабова «Намуснан сир» («Тайна намуса») // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 63-67.

The Folklore and Historical Sources of "The Mystery of Namus" Novel by B. Radzhabov

© 2016 Gyulmira S. Kakhrimanova, Magomed M. Kurbanov
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

ABSTRACT. The authors of the article highlight the problems of interaction of folklore and literature on the example of "The Mystery of Namus" historical novel by Bagir Radzhabov, the Tabasaran writer. They study the ways and methods of writer's using the folk stories, images and historical information in the novel construct and analyze the creative assessment of events and the author's attitude to the issue of slander and betrayal in the novel.

Keywords: folklore, literature, tradition, Persians, Roman, Nadir Shah, plot, betrayal, slander.

For citation: Kakhrimanova G. S., Kurbanov M. M. The Folklore and Historical Sources of "The Mystery of Namus" Novel by B. Radzhabov. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 63-67. (In Russian)

Проблема взаимодействия фольклора и литературы многоаспектна и сложна, поскольку они имеют многовековую историю взаимообогащения и взаимосвязей. Каждый из этих видов словесного искусства имеет свои способы и методы изображения. Как отмечает дагестанский литературовед С. Х. Ахмедов, «принципы изображения героя в фольклоре отличны от принципов, лежащих в основе мифа и литературы. Фольклорный герой отличается своей обобщенностью, отсутствием конкретных черт, в то же время они как мифические герои индивидуализированы. В литературном герое синтезируются оба названных принципа. Герой выступает в качестве типа, обобщения, собирательного образа. Вместе с тем это – конкретный характер, индивидуальность, лишенная, однако, сакрального значения» [1. С. 19].

Формы, методы и способы написания романов, сложившиеся исторически, весьма многообразны. Хотя у каждого писателя свои индивидуальные приемы и способы эстетического отображения, выработанные им и формировавшиеся в течение длительного периода художественного творчества, большая часть романистов предпочитает придерживаться известных методов. Одни мастера «большой прозы» (в общих чертах) продумывают в авторском воображении проблематику, сюжетную структуру (скелет композиции) и систему художественных образов своего будущего романа, другие – творят по системе, приписанной историками Наполеону, «ввяжемся в бой (т. е., «в тему», «в проблему»), а там посмотрим». Третьих авторов в развитии сюжета «водят» выдуманные им же герои романов, и произведения заканчиваются в финале неожиданным и необычным концом. По мнению некоторых литературоведов, так случилось с Львом Толстым при завершении им романа «Анна Каренина», когда он со слезами на глазах сообщил жене Софье Андреевне, что «Анна бросилась под поезд!». Четвертые же прозаики сочетают в своем творчестве некоторые из упомянутых методов, а иногда придумывают и нечто новое.

Табасаранский прозаик и поэт Багир Раджабов, скорее, относится к первой категории писателей, чем ко второй, третьей и четвертой. После ряда успешных сборников стихов, поэм и рассказов в 2010 году появился его первый в табасаранской литературе крупный исторический роман «Намуснан сир» [6] («Тайна намуса»), вызвавший широкий отклик в республиканской печати.

Согласно сюжету романа, автору пришлось изрядно потрудиться, изучив средневековую историю Дагестана и «кызылбашского» периода Великой Персии, совершившей три похода в Страну гор под руководством Надир-шаха и его брата Ибрагим-хана (1735-1742 гг.). Помимо этого, Б. Раджабов достаточно серьезно овладел

материалами народной устной традиции и осмыслил богатые сведения из произведений народнопоэтического творчества табасаранцев, сохранивших историческую память народа и транслировавших эти трагические события в этническом фольклоре. Перед талантливым писателем стояла серьезная задача: показать максимально правдоподобно панораму событий тех лет в сочетании с памятью народа, запечатлевшей эти конфликты в бытующих и теперь преданиях и легендах. Сложность постановки проблем в романе и разрешение их на достаточно хорошем уровне говорят о том, что Багиру Раджабову мастерски удалось соединить в единое целое исторически достоверные события персидских походов в Дагестан, принесшие табасаранцам и другим этносам неисчислимые страдания, и осветить их через призму художественного творчества народа и эстетическое воображение писателя.

В основу одной из сюжетных линий романа, состоящей из ряда удачно переплетенных фольклорных и исторических мотивов и событий, автор в несколько видоизмененном виде заложил фабулу известного предания о «Проклятом Жюгее» [5. С. 79–80].

Несомненно, сюжет предания в большей части историчен. Однако в нем по-своему отображаются события XVIII века. Они обогащены народной фантазией, что будто бы в трагедии табасаранского народа виноват не захватчик Надир-шах, намеривавшийся покорить Страну гор в отместку за убийство брата Ибрагим-хана в Южном Дагестане, а Жюгей (литературный прототип Бата или Гаджи-Бата), который по клевете Муллы Эфенди, якобы привел в Табасаран персов для мщения за убитых сыновей и снох.

События, о которых повествуется в предании и романе Б. Раджабова, в целом совпадают с событиями, освещаемыми в хронике личного историографа персидского шаха Мухаммада-Казима под названием «Наме-йи аламара-йи Надири» («Мироукрашающая Надирова книга») [4]. Особенно это заметно в деталях крупных столкновений интернациональных отрядов горцев Дагестана с регулярными войсками «Мирозавоевателя». Так, автор хроники пишет: «Со всех сторон Дагестана пришло много лезгин[1] на помощь табасаранцам. Собралось огромное множество людей, так что гора, склоны ее и вся земля были полны пешими лезгинскими стрелками. Со своей стороны, кызылбашские газии (воины, сражающиеся за ислам – *Г. К.*), уповая на Али и Аллаха, вступили на поле битвы. С обеих сторон разгорелся базар битвы, и сколько кызылбашские молодцы не старались, ничего не помогло им. Час от часу росло могущество лезгинского племени. Множество людей с обеих сторон было убито. Когда усталость овладела обеими сторонами поневоле, оба жаждущих мести войска направились к своим стоянкам… Они (кызылбашии) удивлялись мужеству и жажде к победе победоносного племени лезгин» [2. С. 78].

Как видно из исторической хроники Мухаммада-Казима, которая не вызывает у нас сомнения в достоверности, в предании «Проклятый Жюгей» и романе «Тайна намуса» освещаются масштаб сражений, жестокость боев и отвага объединенных отрядов горцев в борьбе против захватчиков. Хотя все сочинение написано в панегирическом тоне в угоду воспевания успехов «Мирозавоевателя» и персидских войск, автор не в состоянии скрывать патриотические порывы и отвагу защитников Табасарана: «Часть лезгин, известная под названием табасаранцев, была зловреднейшей из упомянутого племени». [2. С. 76].

Автор романа, опираясь на сведения из другого антиперсидского предания табасаранцев с названием «Гюни-раццар», мастерски смог описать чудовищные картины истязания женщин и детей. Б. Раджабов пишет: «На майдане лежали раненые горцы с перевязанными руками и ногами. Некоторые были с разорванными и окровавленными лицами. Они, еще живые, но с текущими мозгами и воем нагромождались в кучах… Дети, отобранные у матерей, ревели. Мечущиеся из стороны в сторону женщины ничем не могли им помочь. Вот голодный грудной малыш зацепился за окровавленного мертвеца и начал сосать его холодный нос… Под копытами вражеских лошадей раздавливались тела раненых и их головы, похожие на кровавые тыквы. Немощные горцы напоминали умирающих птенцов голубей с открытыми красными ротиками… Один перс с черной бородой на коне раздавил маленькую детскую головку. Из нее вылетел левый глаз, а правый, вывалившись наружу, удержался на кусочке кожи темени…» [6. С. 209].

[1] Мухаммад-Казим всех дагестанцев называет лезгинами.

Как в предании, так и в романе рельефно выделяются картины грабежей. Наемные воины охотно шли в захватнические походы, так как Надир-шах щедро награждал их трофеями с завоеванных территорий. Притом, раздел добычи производился соответственно должности, занимаемой награждаемым, а также, учитывая его активность в боях. Судя по записям шахского хроникера, в войсках «Хаканамирозавоевателя» участвовали отряды пехлевийских и хорасанских стрелков, грузинских «тюфенгчи», туркменской кавалерии и других наемников под руководством опытных «минбаши» («тысячников») и «юзбаши» («сотников»).

В основе сюжетной линии раджабовского романа так же, как и в предании «Жюгей», лежат сюжетообразующие мотивы предательства и клеветы, наиболее популярные константы в фольклорной традиции народов Кавказа наряду с героикой. В мировой литературе и фольклоре аналогичные мотивы связаны с Мазепой из поэмы «Полтава», Швабриным из повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, младшим сыном Тараса Андрием из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», персонажами трагедий У. Шекспира «Король Лир» и «Отелло», Иудой Искариотом и др., хотя в апокрифической версии библейского предания предательство последнего персонажа подвергается сомнению.

Предательство героя в фольклоре, в отличие от литературы, имеет свои особенности. Оно укореняется в памяти народа навсегда и со временем, передаваясь из поколения в поколение, обрастает многочисленными негативными деталями и версиями. Эта константа в устной традиции, как правило, величина постоянная. Однако разрешение конфликта между личностью (главным героем романа Батой) и «народной молвой» в раджабовском романе и в исторической памяти народа происходит диаметрально противоположно. Изложенные в предании «Жюгей» конфликты не вызывают сомнения, «но для объяснения одного из опустошительных походов Надир-шаха народ эти события в фольклоре «увязал» с именем «Проклятого Жюгея». Для достоверности повествования трагические события приурочены к конкретным местам и населенным пунктам. А их точная локализация усиливает конкретность и достоверность преданий антинадировского цикла. Нет сомнения в том, что исторической основой и ряда других аналогичных сказаний послужили рассказы очевидцев, участников этих сражений, которые со временем, так сказать, «обрастали» всевозможными «домыслами», проходя процесс шлифовки» [4. С. 153].

Если в предании герой Жюгей навсегда остается с приложением «проклятый» и как предатель табасаранского народа, то в художественной интерпретации автора Б. Раджабова герой романа Бата (фольклорный прототип Жюгея) изображен как жертва навета Муллы Эфенди, сумевшего распространить ложное обвинение в том, что будто бы Бата «привел» персов в Табасаран с целью мщения диричцам. Развивая негативный образ клеветника и предателя Муллы Эфенди, автор акцентирует внимание читателя на отношении к нему как горцев, так и неприятеля – сына Надир-шаха Риза-кули-Мирзы, – который повелел своим слугам кастрировать «предателя героического народа» со словами: «Пусть труса не будет ни у нас, ни у противника. Это несчастье для всех! Пусть он будет слугой в моем гареме!» [6. С. 238].

Подобным образом талантливый прозаик Багир Раджабов, пользуясь своим авторским правом на художественный вымысел и свободное осмысление эпического наследия табасаранцев, попытался обелить и героиню предания «Крепость семи братьев и сестры» Рейганат (романный прототип Гюльназ), предавшей своих отважных братьев-богатырей.

В «Предисловии» к роману Багир Раджабов излагает читателю свое видение событий трагической истории XVIII века, выражая авторское отношение к героическому прошлому родного народа и фольклорным антигероям, но попытался реабилитировать последних. Автор пишет: «… в то время жадные и завистливые клеветники, не оценившие заслуги, судьбу и будущее своего народа, жестоко оклеветали одного из главных героев книги Гаджи-Бату, превратив его во вражеского лазутчика и предателя, наложив на него черное пятно. Точно так же, как и Жюгей, попалась под необоснованный навет и сестра семерых отважных братьев-богатырей» (из предания «Крепость семи братьев и сестры» – *Г. К.*) [7. С. 6.]. Судя по установке художественного замысла романа «Тайна намуса», прозаик по-своему осветил предательство фольклорных персонажей, которые и по-

ные остались в исторической памяти народа. Однако глубокая память народа не терпит кардинальных изменений устоявшихся оценок фольклорных героев и исторических событий. Несмотря на нетрадиционное осмысление героики и предательства в сюжете, роман «Тайна намуса» Багира Раджабова до сих пор остается лучшим эпическим творением в табасаранской литературе.

Литература

1. Ахмедов С. Х. Художественная проза народов Дагестана: История и современность. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1996. 249 с.

2. Козлова А. Н. «Наме-йи аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья (Сб.). Махачкала, 1986. С. 75-79.

3. Курбанов М.М. Душа и память народа: Жанровая система табасаранского фольклора и ее историческая эволюция. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1996. 215 с.

4. Мухаммад-Казим. «Наме-йи аламара-йи Надири» (Мироукрашающая Надирова книга). Изд. текста, пред. и общая ред. Миклухо-Маклая Н. Д. М., 1955.

5. Проклятый Жюгей / Табасаран в мифах преданиях, легендах и притчах. Автор и сост. М. М. Курбанов. Махачкала, 2007.

6. Раджабов Б. Р. Намуснан сир. Махачкала: ГУ «Дагестанское кн. изд-во», 2010. 398 с.

References

1. Akhmedov S. Kh. *Khudozhestvennaya proza narodov Dagestana: Istoriya i sovremennost'* [Fiction of the peoples of Dagestan: History and modernity]. Makhachkala, Dagknigoizdat Publ., 1996. 249 p. (In Russian)

2. Kozlova A. N. "Nama-yi alamara-yi Nadiri" by Muhammad-Kazim on the first phase of the campaign of Nadir-Shah in Tabasaran. *Osvoboditel'naya bor'ba narodov Dagestana v epokhu srednevekov'ya* [Liberation struggle of the peoples of Dagestan in the Middle Ages] (Coll.). Makhachkala, 1986. Pp. 75-79. (In Russian)

3. Kurbanov M. M. *Dusha i pamyat' naroda: Zhanrovaya sistema tabasaranskogo fol'klora i ee istoricheskaya evolyutsiya* [Soul and memory of the people: Genre system of Tabasaran folklore and its historical evolution]. Makhachkala: Dagknigoizdat Publ., 1996. 215 p. (In Russian)

4. Muhammad-Kazim. *Miroukrashayushchaya Nadirova kniga* [Nama-Yi alamara-Yi of Nadiri]. Ed. of text, preword and general ed. of Miklukho-Maclay N. D. Moscow, 1955. Vol. 2. (In Russian)

5. Damn Zhyugey. *Tabasaran v mifakh predaniyakh, legendakh i pritchakh* [Tabasaran in myths, tales, legends and parables]. Author and comp. M. M. Kurbanov. Makhachkala, 2007. (In Russian)

6. Radzhabov B. R. *Tayna namusa* [The Mystery of Namus]. Makhachkala, Dagknigoizdat Publ., 2010. 398 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Кахриманова Гюльмира Сейфуллаевна, аспирант кафедры литературы, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Курбанов Магомед Муслимович, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Принята в печать 25.07.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Gyulmira S. Kakhrimanova, postgraduate, the chair of Literature, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu @mail.ru

Magomed M. Kurbanov, Doctor of Philology, professor, the chair of Literature, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu @mail.ru

Received 25.07.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 82 (471.67) / UDC 82 (471.67)

Легенды и мифы фольклора и литератур народов Дагестана

©2016 Курбанов М. М., Ахмедов А. Х.
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru, ahmed56@list.ru

РЕЗЮМЕ. В статье рассматриваются некоторые вопросы «обогащения» дагестанского фольклора и литературы путем искусственного приписывания к ним текстов. Предпринята попытка оценить народную песню «Хочбар» с позиции современности и предлагается исключить ее из школьных учебников.

Ключевые слова: фольклор, Парту Патима, Хочбар, поэма, герой, горцы.

Формат цитирования: Курбанов М. М., Ахмедов А. Х. Легенды и мифы фольклора и литератур народов Дагестана // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 68-73.

Legends and Myths of Dagestan Peoples' Folklore and Literatures

©2016 Magomed M. Kurbanov, Akhmed Kh. Akhmedov
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru, ahmed56@list.ru

ABSTRACT. The authors of the article discuss some issues of the "enrichment" of the Dagestan folklore and literatures by artificially attributing texts to them. They attempt to assess the folk song "Khochbar" from the position of modernity and offer to exclude it from textbooks.

Ключевые слова: folklore, Partu Patima, Khochbar, poem, hero, mountaineers.

For citation: Kurbanov M. M., Akhmedov A. Kh. Legends and Myths of Dagestan Peoples' Folklore and Literatures. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 68-73. (In Russian)

Отрадно, что в последние десятилетия наблюдается интенсивное изучение богатого фольклорного наследия горцев и дагестанских литератур. Нет сомнения в том, что будущие поколения дагестанцев получат надежное представление о древности, богатстве и своеобразии художественного мышления наших предков, запечатленных в статьях, диссертациях и монографиях современных исследователей.

Однако позитивная работа изыскателей порой отчасти перечеркивается некоторыми работами, насыщенными сомнительными натаскиваниями конъюнктурного плана как в фольклорных текстах, так и в авторских сочинениях. Обратимся к примерам.

В 1980 г. вышла «Антология табасаранской поэзии», составленная М. Гасановым, в которой опубликована «народная песня» неизвестного происхождения «Лениндин сурат» («Портрет Ленина»):

Мухур гъубгу йиз алдахьу нивгъари.
(Упавшие слезы сожгли мою грудь),
Нивк1 ярхла ап1ура йишвну дердери:
(Скорбь прогнала мой тяжкий сон):
– Ленин гъушну, – гъапи узуз гъардашди, –
(– Ленин умер, – сообщил мне брат,–)
Думу зат к1ваълан гъягъюрдар, аъзиз чи.
(Не покинет он наши сердца, сестра).
Йиз назук к1ваъ гирами къастар архьу,
(Великие мысли наполнили сердце),
Хиларин гьяракат дураригьди дабхьу,
(Руки заторопились в спешке),
Халачин гъирагъ нур туври дийибгъу,
(От ярких лучей засверкал ковер),

Дидин кьялаъ Ленин, лап ригъси кархьу.
(В центре Ленин зажегся как солнце).
(Подстрочник наш).

Будучи рецензентом, мы предлагали исключить из антологии эти явно банальные строки неизвестного автора, которым вряд ли кто поверит. Естественно напрашивается вопрос, где забитая, неграмотная и бедная табасаранка в горах могла увидеть портрет Ленина в 1924 г.? А если и увидела где-то, то неужели она смогла потратить припасенные годами для родной дочки на изготовление «ковра-приданого» ценнейшие нитки из-за портрета неизвестного человека с бородой?! У табасаранов была вековая традиции готовить дочь замуж. Мать задолго до совершеннолетия дочки учила ее, как вести себя в «чужом доме», а сама годами накапливала овечью шерсть, готовила нитки, красила их природными красками, чтобы к свадьбе подготовить «достойный ковер» на придание. В 20-е годы горцы жили небогато. Мать невесты накануне свадьбы ходила по дворам, выпрашивая у сельчан горсточку шерсти «для постели новобрачных», это была традиция. Не у всех были ковры, а единичные экземпляры ковров у более или менее зажиточных горцев стелили в гостиной, и их очень берегли. Ковер у табасаранов был своеобразным «капиталом на черный день», на что можно было на дербентском рынки получить кое-какие деньги. Поэтому упомянутые примитивные авторские строки, сочиненные в более позднее время и приписанные народу, отвечали только установке партийной конъюнктурщины, которая старалась создавать искусственный мифический образ Ильича в фольклоре и литературе, отобразить любовь горцев к вождю и т.д., к чему фольклор, как показывает полевой материал 20-30-х годов, был совершенно безразличен.

Проблема искусственного увеличения стихов и поэм в литературах Дагестана за счет фольклорных текстов стоит весьма остро, особенно после того, как исчезла цензура в начале 90-х годов, и любой человек самиздатом мог выпустить что угодно. Этой болезнью заражены почти все литературы народов Дагестана. Лет пятнадцать назад во время защиты диссертации по лезгинской литературе прозвучал уникальный вопрос. Автором его был писатель и профессор Ибрагим Керимович Керимов, который с юмором спросил у соискателя: «Товарищи, вот у нашего Ирчи Казака мы нашли 60 стихотворений, а у вашего Етима Эмина вы нашли аж 120! Может быть, вы все-таки многовато нашли?» Убедительного ответа на вопрос так и не прозвучало.

Припоминается встреча М. М. Курбанова в 1968 году прошлого века со старейшим издателем табасаранской литературы и поэтом Абумуслимом Джафаровым, о поэзии которого он писал дипломную работу. Писатель рассказывал, что в начале 30-х годов XX века, когда шла кампания «Санкультштурм», и пожилых людей принудили сесть за парты научиться читать и писать на «латинице», «нас, работников Дагиза, пригласили в обком, чтобы мы отправились в горы и записали произведения дагестанских авторов, сохранившихся на устах, и составили первые хрестоматии. Но после экспедиции хрестоматии на родных языках с переводами детских рассказов и стихов иноязычных писателей получились неудачными, поскольку в них национальных текстов было меньше половины. Тогда работники обкома, пожурив нас за плохой сбор авторских текстов, повторно направили нас в народ. Представитель каждого из письменных языков «постарался» и даже «перестарался» побольше приписать фольклорные тексты к творчеству национальных поэтов. Так были созданы первые хрестоматии».

Если бы в 20-30 годы XX века нашлись новые произведения дореволюционных поэтов, зафиксированные в неизученных до тех пор дореволюционных источниках, или были записаны от новых информантов и ашугов, то это можно было бы как-то объяснить, поскольку тогда в живых оставались аксакалы, помнящие Етима Эмина, Омарла Батырая, Ирчи Казака, Махмуда и т. д. Но «возрождение» дореволюционной поэзии пришлось на 90-е годы (то есть, спустя 60 лет), когда исчез всякий контроль государства за публикациями и процветал самиздат без жестких рецензентов, оппонентов и государственных издательств. Вот здесь и появились новые дореволюционные шейхи, дагестанские мыслители, философы, поэты и др. с их портретами в каракулевых папахах, как будто сохранились их фото. Вероятно, в популяризации новоявленных деятелей религии и культуры хорошо поработали художники, изображая на полотнах их портретные фантазии, не

зная, что дорогую каракулевую папаху мог купить не всякий дагестанец. А богатых дореволюционных поэтов что-то не припоминается! Откуда-то появились и «новые стихи» классиков дагестанских литератур, когда пришло после их смерти третье или четвертое поколение дагестанцев. Это вызывает справедливое недоумение у большинства филологов и историков. К сожалению, тогда и теперь любой богатый человек за свои деньги может издать что угодно, как угодно и сколько угодно, совершенно не обращая внимания на достоверность издаваемой макулатуры. Такое «возрождение» дагестанского искусства не столько обогащает наше культурное и историческое прошлое, сколько повышает уровень сомнения в достоверности «новых», возможно, высосанных из пальца сведений об авторах и их произведениях.

Наши многолетние наблюдения за научными публикациями коллег привели к выявлению ряда искажений и «ляпсусов» как у фольклористов, так и литературоведов. Некоторые любители национальных литератур не стесняются и теперь приписывать фольклорные тексты малоизвестным авторам, а авторские сочинения – устному народному творчеству. Особенно это касается некоторых дореволюционных поэтов, чье творчество складывалось на стыке фольклора и литературы. Видимо, такие «изыскатели» надеются обогатить свои литературы за счет фольклора. Однако ни литература, ни фольклор дагестанцев не нуждаются в искусственном «обогащении». Это наше национальное достояние и весьма небедное. Проблема эта в литературоведении была затронута давно, но особенно профессионально она была разрешена в лакской литературе С. Х. Ахмедовым при доскональном изучении им эпической поэмы «Парту Патима».

После серьезных поисков и текстологических исследований С. Х. Ахмедову удалось поставить точку в проблеме жанра и авторства поэмы: он приходит к выводу, что лакская «Парту Патима», опубликованная впервые в 1954 г. в альманахе «Дуспиву», – не народная песня, тем более не эпос, как считали ранее, а «произведение новейшей эпохи, можно утверждать, что его автором является Г. Ю. Муркелинский, нет в природе ни «полного» варианта поэмы, ни мертворожденных «поэм» «Парту Патима и шамхал» и «Брат Патимы Ази» [2. С. 73].

Искусственно приписывая фольклору не сочиненные народом тексты, горе-авторов иногда покидает чувство реализма, что вызывает у читателей улыбку. Так, в новой «народной песне» неизвестного автора «Парту Патима и шамхал» героиня в военных доспехах едет в Кумух, чтобы «пройтись по магазинам», то есть, выражаясь современным неологизмом, сделать «шопинг». Это в конце XIV века! Заместитель редактора газеты «Илчи» Г. Ш. Курухов и исследователь С. Х. Ахмедов, сомневаясь в авторстве поэмы, справедливо спрашивают: «И какие, собственно, были «магазины» при шамхалах в Кумухе?» или «…почему народ и шамхал не узнали национальную героиню, спасшую отчизну накануне?» [2. С. 35]. Интересные вопросы!

Поэма «Парту Патима», сочиненная малоизвестным для дагестанского читателя автором Г. Муркелинским по мотивам широко известных в мировом фольклоре преданий и легенд о переодетых девицах-воительницах, насыщена не менее популярными «бродячими сюжетами» и мотивами из эпосов и сказок народов мира, созданных типологически. Аналогичный сюжет встречается в табасаранском предании «Девичья крепость» («Проход, где погибла красавица»), где говорится о том, что шах персидский Езидар (Иездигард), покоряя крепость в устье реки Рубас в V веке, уничтожил часть войска табасаранов с братьями-богатырями. Тогда их сестра переоделась в одежду младшего брата и возглавила защиту крепости. Но к концу седьмого дня она, вся в крови, без сознания, упала с коня. Когда враги окружили предводителя горцев, ужаснулись от увиденного – с ними билась девица-красавица [4. С. 52].

Сюжеты о героинях-воительницах встречаются в ряде фольклоров народов мира. В эпических произведениях множество образов отважных наездниц, владеющих мечом и копьем. Так, в вариантах французских преданий и легенд «Орлеанская дева» Жанна Д'арк, переодевшись в мужские доспехи, возглавила борьбу французов против англичан. Таковы «девицы-воительницы» киргизского дастана «Джанғъыл Мирза», уйгурского – «Незюгюм», башкирского дастана «Зая Тюлек», киргизского эпоса «Манас», алтайского и хакасского дастана «Алтын Арыгъ», а также

азербайджанского эпического сказания о Кер-оглы. А у восточных славян сюжетный мотив переодевания в костюм богатыря встречается в былине «Ставр Годинович», где таким образом героиня спасает мужа от произвола киевского князя. Аналогичным же образом в крымскотатарском дастане «Зюльбюэр-къыз» героиня состригает свои волосы, надевает мужскую одежду и доспехи, чтобы выручить из беды мужа.

Как видно, «бродячих сюжетов» в эпическом творчестве достаточно много. Возможно, некоторые из упомянутых сюжетов действительно имеют исторические основы, подтвержденные документально. О таких персонажах со временем в фольклоре возникали предания, легенды и исторические песни. Типизация аналогичных героинь шла по законам фольклора. Сюжеты такого плана достаточно похожи друг на друга, за исключением насыщения их этническими деталями и поэтикой в каждом конкретном произведении.

А сохранились ли какие-нибудь серьезные вещи, имеющие отношение к героине поэмы Г. Муркелинского и не вызывающие сомнения в их подлинности? Или это произведение – сплошь художественный продукт поэта? «Святая могила» Парту Патимы с надгробным памятником, куда ходят паломники, особо не вызывает у нас доверия, поскольку в постсоветское время по инициативе религиозных деятелей в Дагестане количество таких «святых мест» увеличилось более, чем втрое. Правда, как утверждается в труде С. Х. Ахмедова, имеются непроверенные сведения о рукописи марокканского историка Абдуллаха ал-Лавати, которая будто бы хранится в Марокканском госархиве в Рабате. В рукописи будто бы освещаются сведения о походе Тимура в Дагестан. Вполне возможно, но науке нужны подтверждения. А в 1996 г. в 5-6 номерах журнала «Соколенок» на лакском языке появилась новая легенда «Смерть Парту Патимы», записанная А. Г. Булатовой, «где Парту Патима как лев воевала с войсками Тимура в конце XIV века» [2. С. 23]. История и литература пока молчат. Итак, помимо основного текста литературной поэмы Г. Муркелинского «Парту Патима» в печати появляются еще три «новые народные произведения»: «Парту Патима и шамхал», «Брат Патимы Ази» и «Смерть Парту Патимы». Не многовато ли «нашли»?

Фольклорные герои не совсем похожи на литературных персонажей. Они – продукт художественного вымысла народа в определенный период его менталитета. Естественно, симпатии этноса порою превалируют над проблемами принятия или отвержения их в ретроспективном восприятии сквозь призму современности. Стоит ли их оценивать, как раньше, или по-новому взглянуть на них в XXI веке? Эти вопросы должны волновать каждого дагестанца, особенно учителя. Ведь сегодня другие времена, должны быть и другие оценки некоторых литературных персонажей, поскольку сила воздействия литературы и кино на молодое поколение огромно.

Так, бесспорно, уникальная историческая песня аварского народа «Хочбар» в переводе Э. Капиева изучается во всех школах Дагестана. Идеализированный герой смел и отважен. Народный любимец и защитник горцев мстит жестокому аварскому хану: «*Он трижды по кругу толпу обошел, Он к детям нуцала легко подошел, И в пляске с разбега обоих схватив, Он бросился с ними в кипящий огонь*» [1. С. 13]. Все прекрасно, нуцал наказан справедливо?! Кажется, что так и надо этому деспоту….

Однако это только на первый взгляд. А как же мы должны оценивать народного героя сегодня? Как воспринимают его школьники с неокрепшей психикой и оценкой «добра и зла», милосердия и жестокости по отношению к детям нуцала? Если бы Хочбар бросился с самим ханом в костер, то мы бы аплодировали ему стоя. Но дети, ни в чем не повинные!? И за что их постигла такая ужасная кара? Разве они виноваты, что родились от жестокого нуцала? И здесь возникает главный вопрос, который вырисовывается из всего этого: кто сможет гарантировать, что у части дагестанских школьников не укоренится навсегда в подсознательном уровне чудовищная мысль: «Если чей-то отец – негодяй, кровожадный и жестокий деспот, то смело можно отомстить ему, убив его невинных малышей?!» По этническому представлению средних веков это, возможно, было справедливо. Любимцу горцев можно было подражать? Почему бы и нет, ведь Хочбар – народный герой, образ его в дагестанской литературе положительный! Однако сегодня таких людей называют террористами… Испытывая естественную симпатию к заступнику горцев Хочбару, нам не очень-то хочется называть героя тако-

вым. Времена изменились, и оценки должны быть несколько иными…

Аналогичный пример жестокости встречается и в предании, ставшем основой для поэмы М. Лермонтова «Хаджи-Абрек». «Черноокий витязь» Хаджи-Абрек «отомстил коварному князю Бей-Булату» за смерть брата, страдания старого лезгина, потерявшего сыновей, и за похищенную младшую дочь Лейлу. Чтобы князь, полюбивший похищенную им Лейлу, страдал «очень долго», абрек отрубает голову несчастной женщине, заворачивает в черную бурку и привозит ее отцу-лезгину, который тут же и скончался… Чудовищный поступок!

Если следовать принципам такой человеконенавистной квазифилософии, то необходимо было бы еще в детстве уничтожить будущего поэта Н. А. Некрасова, поскольку его отец был извергом, М. Е. Салтыкова-Щедрина, который в романе «Господа Головлевы», почти ничего не меняя, с родной матери срисовал образ жестокой крепостницы Арины Петровны, любимого внука помещицы Арсеньевой Мишку Лермонтова, у которого бабушка была не ангелочком и т. д. Подобных примеров в истории и литературе достаточно много, когда у деспотичных родителей рождались великие и весьма полезные обществу дети. Школьники средних классов, в основном, максималисты. Для них герой либо позитивен, либо он – антигерой. Они еще не способны оценить иные определения и аргументы, адекватно осмысливать события во временном ракурсе соответствующего периода развития этноса. Поэтому разумнее было бы исключить из школьных хрестоматий, несомненно, талантливую народную песню «Хочбар», а сохранить ее в вузовских программах, где студенты-гуманитарии, достигшие достаточно высокого уровня мышления и подготовки, могли бы дать современную адекватную оценку как времени создания произведения, так и народному герою.

В 1975 г. вышла поэма Р. Гамзатова «Сказание о Хочбаре, уздене из аула Гидатль, о кази-кумухском хане, о хунзахском Нуцале и его дочери Саадат» [3], написанная по мотивам песни об известном абреке. Она в своей кульминации принципиально отличается от народной версии о Хочбаре. В поэме мудрый поэт, трезво оценив поступок трагического героя, изобразил в поэме не малышей хана, а злобного сына Улана, издевавшегося над гостем во время его танца, унижая его достоинство. Тогда Хочбар хватает его и прыгает с ним в пылающий костер. Поэт понимал, что сегодня не полудикое Средневековье с его историей и соответствующим менталитетом горцев, когда одна горская община занималась грабежами, нападала на другую, угоняя скот или похищая женщин, и это считалось явлением вполне незазорным.

Нам остается надеяться на то, что когда-нибудь литературоведы и фольклористы Дагестана в целях упорядочения культурного наследия наших предков объединятся и примут разумное решение очистить авторские произведения от фольклорных текстов, и никто не попытается в будущем приписать народные творения неизвестным или популярным авторам.

Литература

1. Антология дагестанской поэзии. Т. I. Сост. К. И. Абуков и др. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1980.

2. Ахмедов С. Х. Эпическая поэма «Парту Патима»: проблема жанра и автора. Изд. 2-е, доп. Махачкала, 2009.

3. Гамзатов Р. Сказание о Хочбаре, уздене из аула Гидатль, о кази-кумухском хане, о хунзахском Нуцале и его дочери Саадат. Сказания. М., 1975.

4. Табасаран в мифах, преданиях, легендах и притчах. Сост., предисл. и комм. М. М. Курбанова. Махачкала, 2007.

References

1. *Antologiya dagestanskoy poezii* [Anthology of Dagestan poetry]. Vol. I. Comp. K. I. Abukov and others. Makhachkala, Dagknigoizdat Publ., 1980. (In Russian)

2. Akhmedov S. Kh. *Epicheskaya poema «Partu Patima»: problema zhanra i avtora* [Epic poem "Partu Patima": the problem of genre and author]. Ed. 2. Makhachkala, 2009. (In Russian)

3. Gamzatov R. *Skazanie o Khochbare, uzdene iz aula Gidatl', o kazi-kumukhskom khane, o khunzakhskom Nutsale i ego docheri Saadat* [Legend of Khochbar, uzden from the aul of Gidatl, Kazi-Kumukh Khan, Khunzakh Nutsal and his daughter Saadat]. Tales. Moscow, 1975. (In Russian)

4. *Tabasaran v mifakh, predaniyakh, legendakh i pritchakh* [Tabasaran in myths, fables, legends and parables]. Comp., foreword. and comm. by M. M. Kurbanov. Makhachkala, 2007. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Курбанов Магомед Муслимович, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Ахмедов Ахмед Хировович, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: ahmed56@list.ru

Принята в печать 23.07.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Magomed M. Kurbanov, Doctor of Philology, professor, the chair of Literature, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu @mail.ru

Akhmed Kh. Akmedov, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Literature, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: ahmed56@list.ru

Received 23.07.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 82 (471.67) / UDC 82 (471.67)

Коммуникативно-прагматический аспект реализации вежливости в аварском и английском языках

©2016 Магомедова З. К.
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: zinab2218@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Статья посвящена выявлению национально-культурной специфики языковых форм обращения, выражающих вежливость, в аварской и английской лингвокультурах; анализу вербальных компонентов общения, определению основных особенностей понимания анализируемого концепта представителями разносистемных языков.

Ключевые слова: вежливость, коммуникативность, сопоставительный анализ, формы обращения, речевой этикет, аварский и английский языки, межкультурная коммуникация.

Формат цитирования: Магомедова З. К. Коммуникативно-прагматический аспект реализации вежливости в аварском и английском языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 73-78.

The Communicative Pragmatic Aspect of Realizing the Politeness in the Avar Language and in English

©2016 Zaynab K. Magomedova
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: zinab2218@mail.ruu

ABSTRACT. The article deals with the identification of national-cultural specificity of language forms of treatment, expressing politeness, in the Avar and English linguistic cultures; the analysis of verbal components of communication, identifying the main features of comprehencing the analyzed concept by representatives of languages of different system.

Keywords: politeness, communication, comparative analysis, forms of addressing, speech etiquette, the Avar language and English, intercultural communication.

For citation: Magomedova Z. K. The Communicative Pragmatic Aspect of Realizing the Politeness in the Avar Language and in English. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 73-78. (In Russian)

Сложные моменты в межкультурной коммуникации между двумя языковыми культурами возникают именно из-за неумения собеседников взаимодействовать, т. е. демонстрировать свое отношение друг к другу в соответствии с нормами общества, что связано с тем, что в разных культурах существуют свои нормы и традиции, свое понимание вежливого поведения. Непонимание данного факта затрудняет общение и порождает многочисленные стереотипы [3. С. 267-279].

Основополагающей причиной различий в коммуникативном поведении является тип культуры, к которой принадлежат собеседники. «Культура, (писал Л. С. Выготский) создает особые формы поведения, она видоизменяет деятельность психических функций человека» [4]. В процессе жизнедеятельности и адаптации к окружающей среде люди вырабатывают языковые формулы коммуникации, социальные нормы, правила общежития, нормативный этикет – все то, что регулирует социальную жизнь в данном сообществе. По мнению А. Я. Флиера, система социальных норм является квинтэссенцией культуры, порождаемой в процессе накопления и аккумуляции социального опыта, его селекции и выделения наиболее оправдавших себя образцов проявления сознания и осуществления деятельности [6. С. 496].

В ходе исторического развития нации ее прошлый опыт закрепляется в традициях, обычаях, привычках людей, также в нормах поведения, образе реагирования на окружающую обстановку, в действиях в различных стандартных ситуациях.

П. Браун и С. Левинсон считают универсальными не только принцип кооперации и понимание вежливости как желания сохранить лицо, но и тактики проявления вежливости, в которых ослабляется негативный эффект речевых актов, содержащих угрозу лицу, и косвенный способ выражения побуждения [7. С. 56-289].

Так, исследование форм обращения вежливости «*politeness – вежливость*» направлено на выявление национально-культурной специфики его восприятия в аварском и английском лингвокультурном пространстве. Историческое и культурное наследие, несомненно, накладывает свой отпечаток на формирование тех или иных лингвокультурных концептов. Основной задачей явилось выявление разнообразия форм обращения вежливости в аварской и английской речи, эмотивное состояние коммуникантов и функционирование форм обращения вежливости в различных жизненных ситуациях (в быту, на работе, на улице и т. д.) посредством сопоставления языковых выражений в двух разносистемных языках – аварском и английском.

Например, для выражения благодарности в английском языке используется выражение *Thank you – спасибо:*

– Here is your umbrella, Madam. – Yes, thank you (Thanks).

– Вот ваш зонт, мадам. – Да, спасибо.

В данной ситуации вежливое обращение к незнакомке заключается в напоминании ей о забытом зонте, выражает прежде всего беспокойство и желание прийти на помощь. В ответ незнакомка выражает благодарность, но при этом коммуниканты могут быть незнакомы.

– Thank you (thanks) for helping with the report.

– Спасибо за помощь с докладом.

Данная ситуация показывает преданность в отношениях между коллегами, либо между друзьями, взаимопомощь и поддержку.

– Thank you (thanks) so much for your advice.

– Спасибо большое за совет.

Здесь есть вероятность, что совет помог коммуниканту в решении каких-либо проблем, поэтому выражение благодарности показывает глубину искренности чувств.

В английских формах обращения в письменной речи часто используются аббревиатуры, например: *спасибо*, в основном можно встретить при переписке в социальных сетях, как *thx (thank you).* Например, *Thx for ur help! (Thank for your help!) – Спасибо за помощь!*

Аббревиатуры такого рода в социальных сетях используются в настоящее время часто с целью экономии времени и быстрой передачи информации.

В аварском языке благодарность выражается словом «*баркала*», что значит «спасибо, благодарю». Например:

– Дие кинабго цIакъ бокьана. Баркала дуе, дир хирияй эбель! – Мне все очень понравилось. Спасибо тебе, добрая мама!

Отношение к родителям у аварцев испокон веков было почтительным и уважительным; в данном предложении выражается благодарность, любовь, уважение и вежливо-почтительное отношение к матери.

– Гьай! баркала, тохтур, мун вуклинчIевани, хварав чи вуклан жакъа ХIамид – Ай! спасибо, доктор, если бы вас не было, то Гамид скончался бы!

В данной ситуации жена переживает за здоровье мужа, она встревожена, взволнована и ожидает помощи от доктора, находясь в напряжении, а затем выражает облегчение, эмоционально вскрикивая «*Гьай, баркала!*» – «*Ай, спасибо!*» [5. С. 376].

– Жакъа дие кIудияб лазат ккана. РакIракIалъул баркала! – Сегодня я получила большое удовольствие. Благодарю от всего сердца!

– Изну кье дие киналъухъго нужее баркала кьезе! – Разрешите мне вас всех поблагодарить!

Здесь коммуникант выражает благодарность эмоционально, т. е. данная формула выполняет оценочно-экспрессивную функцию. Видно положительное отношение к определенной группе людей за помощь, за поддержку и т. д.

В данном случае *сахлъи кьейги* аналог *баркала* или *чIаго хутIаги* – букв. *здоровья желаю, воххун таги* – букв. *счастливым оставайся, ракI боххаги* – букв. *в сердце радости желаю* выражают не просто благодарность, но одновременно и доброе отношение.

"*Пожалуйста*" – это форма речевого этикета, которую рекомендуют использовать во всех случаях, когда вам что-то нужно получить или добиться чего-либо от собеседника. Данная лексическая единица общепринятым восприятием тождественна в обеих культурах, как у аварцев, так и у англичан. В английском языке это общеизвестное слово –*Please.*

Рассмотрим условия ее использования на примере следующих выражений:

– Would you close the window, please?

– Вы не могли бы закрыть окно, пожалуйста?

– Give Jane some time to think, please.

– Дайте Джейн немного времени подумать, пожалуйста.

– Don't turn the computer off, please.

– Не выключай компьютер, пожалуйста.

– Can I have your mail, please?

– Могу я взять вашу электронную почту, пожалуйста?

Англичане выражение просьбы начинают с «*Would*» и «*Could*», что означает «*не могли бы вы…*», проявляя тем самым вежливость в обращении с собеседником.

Однако специалисты по риторике не рекомендуют часто использовать слово *please* в общении с вышестоящими лицами, т. е. наблюдается дифференцированный подход в употреблении данной формы. Вместо этого стоит использовать развернутые конструкции с союзом *if*, например:

– If it is possible, would you be so kind to have a look at this town?

– Если это возможно, вы не могли бы быть добры посмотреть этот город?

В аварском языке не встречается конкретное употребление формулы речевого этикета «*пожалуйста*» и нет столько синонимов, как в английской речи, т. к. использование данного речевого этикета зависит от ситуации, возможно, это просьба, обращение и т.д.

Например:

– КигIан нечаниги, АхIмад, босе дие лъин! – (букв.) *как бы ни удобно не было, принеси мне воду, Ахмад, пожалуйста!*

– Бице, бегьулеб батани, киб бугеб тукен?

*– Скажите, пожалуйста, где находится магазин? (*букв.) *– Если можно, подскажите, где находится магазин!*

В данных примерах вежливая форма просьбы коммуниканта выражена словами *кигIан нечаниги – как бы стыдно ни было, бегьулеб батани – если возможно.* Такое обращение возможно как по отношению к близким друзьям, родственникам, так и к незнакомым людям.

Например, на благодарность *спасибо* аварцы не отвечают, как русские, словом *пожалуйста.* Аварцы выражают ответ следующими формами – *Баркала! – спасибо!* ответ *–ГIаиб гьабуге! – Извините! Ничего страшного!* Или *Ургьел ккоге! – Не переживайте! Не думайте!*

В аварском языке извинение выражается лексической единицей *ТIасалъугьа!* или, как мы выше отметили, *ГIаиб гьабуге! – Извините!* Аварцы не так часто приносят извинения, как это делают англичане, а лишь только по факту или в определенной ситуации, где это на самом деле необходимо

употребить. Употребление данной лексической единицы зависит, прежде всего, от возраста, социального статуса коммуниканта, от места работы, от определенной ситуации и даже от уровня воспитанности.

Например:

– Tlacалъугьа, бегьулеб батани! – Извините, пожалуйста, если возможно!

– Гьарула, дида, mlacалъугьа! – Прошу, извините меня!

Данные извинения уместны в случае, когда извиняться приходится за более существенные неудобства, причиненные коммуниканту, например: задели, толкнули, наступили на ногу и т. д.

– Tlacалъугьа, дунмекъиккана! – Извините, я ошибся!

Такой способ извинения возможен при неправильном высказывании своего мнения или в ситуации, где вы могли обознаться.

– Paxlam хвезабиялдаса, mlacалъугьа. – Простите за беспокойство.

Здесь ситуация показывает, что возможно вы прервали беседу, деловой разговор людей, которые по возрасту старше вас и по статусу выше, т. е. употребление данной формулы зависит от ситуации и социального статуса коммуникантов.

В английском языке *Excuse me* используется перед тем, как вы собираетесь кого-то побеспокоить, прервать встречу, разговор или обратиться к кому-либо с просьбой, задать вопрос, при случайном столкновении с кем-либо. Например:

– Excuse me, where is the underground? – Извините, Вы не подскажете, где тут метро?

Коммуникант обращается к прохожему со словом «*извините*», чтобы не спугнуть, и при этом проявить вежливость.

– Excuse me, could you repeat the last sentence, please? – Извините, не могли бы вы повторить последнее предложение?

Такая формула просьбы возможна в ситуации, когда действие происходит на улице, на работе, в учебном заведении и является показателем вежливого отношения к собеседнику. В английской языковой культуре, как было выше упомянуто, такая форма начинается со слов *excuse me* и *could you.*

– Excuse me, I have a question for her! – Извините, у меня есть вопрос к ней!

Встречается другая форма выражения извинения, которая зависит от ситуации*: Sorry* – сокращенно от – *I am sorry – Извините (извиняюсь).*

Это слово, наоборот, используется после того, как вы уже побеспокоили или прервали кого-либо в любой ситуации (беседа, конференция и т. д.).

– Sorry (I'm sorry), did I interrupt you? – Извините, я прервала Вас?

– Sorry (I'm sorry), I didn't mean to bother you! – Извините, я не хотела Вас беспокоить!

– Sorry (I'm sorry), that was my car. – Извините, это моя машина.

– I am so sorry for my late! – Я очень извиняюсь за опоздание!

Такой вид извинения можно назвать двойным извинением, так как коммуникант выражает искреннее сожаление о случившемся по его вине и просит извинения.

В речевой коммуникации многие, стараясь казаться излишне вежливыми, злоупотребляют словом *pardon* вместо *sorry,* но навязчивое применение слова *pardon* вульгарно и содержит оттенок пренебрежительности. Единственно оправданный случай его применения – это когда вы хотите переспросить кого-либо о чем-либо.

– They are moving out tomorrow. – Pardon?

– I said that they are leaving tomorrow.

Еще один интересный факт: новозеландские ученые провели исследование и обнаружили, что слово *sorry* наиболее часто употребляется, когда вы чувствуете себя неловко, например, за то, что передали своему соседу за столом соль, а не перец, как он того просил. Аварцы используют при аналогичной ситуации выражение – *Гlаиб гьабуге, paxlam хвезабиялдаса! – Извините за беспокойство!*

Очень популярны в современном английском языке многочисленные ласкательные формы обращения, которые выражают положительно-эмоциональное отношение говорящего к адресату. Среди них можно упомянуть: *baby – детка, pretty boy – хорошенький мальчик, dear – дорогой, angel – ангел, dearest – дражайший, dear husband – дорогой муж, dear wife – дорогая жена, friend – друг, sweet kid – милый ребенок, love – любовь, lovely –красивый, любимый, my dear sweet – мой дорогой милый.* Сюда же относятся и разнообразные формы дружественных обращений с *my dear – мой, моя дорогая: my precious – мой драгоценный, my dear son – мой дорогой сын, my dear daughter – моя дорогая дочка* и т. п. [1. С. 88-93].

В аварском языке так же, как и в английском, можно встретить множество лексических единиц с положительными эмоциями, которые являются формами обращения, проявления вежливого и дружеского отношения. Например, *цIакъ берцинай яс – прекрасная девочка, дир хирияв рос – мой дорогой муж, хIурматиял гьалмагъзаби! – Уважаемые товарищи! ГIазизай эбель! – Милая мама! Гьуинаб лъимер – сладкий ребенок и т. д.*

– Яс, тIугьдул гьадин берцинай! – Девочка как цветы красивая! [2. С. 17].

– Дир месед, дир хирияй лъади, я мун гIодизе, я дир ракI бухIизе щиб гохIарамаб, хIалихьатаб жо гьабичIо. – Ты мое золото, моя хорошая супруга, моя душа плачет по тебе, я перед тобой не грешен и не виноват подобно негодяю! [5. С. 376].

В данной ситуации муж старается оправдаться, вызвать к себе жалость и показать, что он невиновен, при этом использует ласковые формы обращения «*месед*» – *золото*, «*хирияй*» – *дорогая*. Здесь можно проследить взаимоотношения между родственниками.

Мы рассмотрели речевые формулы, содержащие извинение и вежливые формы обращения в двух разноструктурных языках и выявили случаи сходства и различий речевых этикетных формул.

Как мы заметили, аварский язык не подвергается сокращениям лексических единиц, в отличие от английского языка, где оно стало современным среди молодежи, а самое значительное сокращение происходит в Интернете.

В английской коммуникативной культуре, как и в аварской, эти речевые формулы принято считать проявлением хороших манер, сдержанности и обходительности. Вежливые формы обращения необходимы в современном мире, их следует прививать молодежи, так как речевой этикет играет важную роль во всех сферах общения.

В аварском языке вежливость может быть реализована разными лексическими единицами в зависимости от ситуации, от возраста, коммуникантов, от социальных и родственных отношений, в то время как в английском языке это стандартные клишированные формы.

Необходимо также отметить, что речевой этикет, в данном случае формулы выражения вежливости, выполняют несколько обычно совместно реализующихся функций: контактоустанавливающую, апеллятивную и экспрессивную.

Литература

1. Артемова А. Ф., Леонович Е. О. Формы обращения в английском языке // Иностранные языки в школе. 1995. С. 88-93.

2. Атаев Б. М. Русско-аварский разговорник. СПб.: РАН, 1992. 221 с.

3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267-279.

4. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960.

5. Магомедов М. А. Долг: Повести. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1986. 376 с.

6. Флиер Ф. Я. Культурология для культурологов. М.: Академический Проект, 2000. 496 с.

7. Brown P., Levinson S. C. Universals in language usage: politeness phenomena. Questions and politeness: strategies in social interaction. New York: Cambridge University press, 1978. Pp. 56-289.

References

1. Artemova A. F., Leonovich E. O. *Formy obrashcheniya v angliyskom yazyke* [Forms of addressing in English]. Foreign languages at school. 1995. Pp. 88-93. (In Russian)

2. Ataev B. M. The Russian-Avar Phrase Book. Saint Petersburg, RAS Publ., 1992. 221 p. (In Russian)

3. Askoldov S. A. Concept and the word. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* [Russian literature. From theory of literature to the structure of the text]. Anthology. Moscow, 1997. Pp. 267-279. (In Russian)

4. Vygotsky L. S. *Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsiy* [Development of higher mental functions]. Moscow, 1960. (In Russian)

5. Magomedov M. A. The Debt: Stories. Makhachkala, Dagknigoizdat Publ., 1986. 376 p. (In Russian)

6. Flier F. Ya. Culturology for culturologists. Moscow, Academic Project Publ., 2000. 496 p.

7. Brown P., Levinson S. C. Universals in language us-age: politeness phenomena. Questions and polite-ness: strategies in social interaction. New York: Cambridge University press, 1978. Pp. 56-289.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Магомедова Зайнаб Казимагомедовна, аспирант кафедры общего языкознания, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: zinab 2218@mail.ru

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе филологического факультета ДГПУ Р. Ш. Халидова.

Принята в печать 19.06.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Zaynab K. Magomedova, postgraduate, the chair of General Linguistics, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: zinab2218@mail.ru

Supervisor: R. Sh. Khalidova, Doctor of Philology, professor, the chair of Theory and Methods of Teaching Russian and Literature, Philological faculty, DSPU.

Received 19.06.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.351.39 / UDC 811.351.39

Институт брака в табасаранской паремиологической картине мира

©2016 Маллалиев Г. Н., Ахмедов А. Х.
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: gyu76@yandex.ru, ahmed56@list.ru

РЕЗЮМЕ. В статье дается лингвокультурологическое описание табасаранских пословиц и поговорок, посвященных институту семейного брака. На большом паремиологическом материале табасаранского языка рассмотрены различные аспекты брачного союза: подготовка к его заключению, выбор спутника жизни, семейные обязательства, взаимоотношения супругов и т. д. Брак в табасаранском пословичном фонде определяется как важнейший социальный институт, что подтверждается их активной языковой репрезентацией.

Ключевые слова: брак, семья, паремии, табасаранские пословицы, вторичный брак, супруги, обязанности, жена.

Формат цитирования: Маллалиев Г. Н., Ахмедов А. Х. Институт брака в табасаранской паремиологической картине мира // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 78-83.

The Institution of Marriage in the Tabasaran Paroemiological World-Image

©2016 Gyulakhmed N. Mallaliev, Akhmed Kh. Akhmedov
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: gyu76@yandex.ru, ahmed56@list.ru

ABSTRACT. The authors of the article give a linguistic and cultural description of the Tabasaran proverbs and sayings, dedicated to the institution of marriage. Basing on the solid paroemiological material of the Tabasaran language, they consider different aspects of marriage the preparation for wedding, the choice of a life partner, family obligations, relationship of the spouses, etc. Marriage in the Tabasaran proverbial fund is defined as an important social institution, as evidenced by their active linguistic representation.

Keywords: marriage, family, paroemias, Tabasaran proverbs, secondary marriage, spouces, duties, wife.

For citation: Mallaliev G. N., Akhmedov A. Kh. The Institution of Marriage in the Tabasaran Paroemiological World-Image. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 78-83. (In Russian)

Важнейшая роль семьи и брака как базовых институтов общества получила широкое отражение в пословицах и поговорках почти всех народов мира, в том числе у табасаранцев. Объектом осмысления в табасаранских паремиях становятся самые разные аспекты семейной жизни: выбор жизненного спутника, условия заключения брака, взаимоотношения супругов, вторичный брак, воспитание в семье и т. д.

Цель настоящей статьи – анализ роли и места института брака и отношения к нему в табасаранской паремиологической картине мира.

Исследуемый фольклорный сегмент отражает все этапы становления семьи: от подготовки к браку до воспитания детей. Особо подчеркивается важность женитьбы: *Хпир адру хал, хал дар.* (Дом без жены не дом); *Хпир адру хал гъюбгъю рягъсиб шул* (Дом без жены подобен сломанной мельнице).

Особые требования в паремиях предъявляются к месту проживания будущей супруги. У табасаранцев не было запрета на межаульные браки, но он действовал в отношении женитьбы на девушек из некоторых сел. Так, в пословицах получил отражение распространенный среди жителей Верхнего Табасарана стереотип о том, что женщины из равнинных сел Нижнего Табасарана – ленивые, нехозяйственные, негостеприимные: *Машкквар йигъан гаш даршул, галин шиваз марш даршул* (В праздничный день не проголодаешься, равнинная жена приветливо не встретит). Поэтому действовавший в быту императив перешел и в фольклор: *Галин жвуваз – галин шив, сивун жвуваз – сивун шив* (Мужу с равнины – равнинная жена, мужу с гор – жена-горянка).

Паремиологический фонд табасаранского языка не позволяет сделать однозначного вывода о предпочтительности внутриаульных браков. С одной стороны, в паремиях «неодобрительно отзываются о том, кто ищет себе невесту за пределами родного села: *Жвуван гъулан бекетIан, жара гъулан шягьяй уччвуди рякъюру* «Чем красавица своего села, дурнушка другого села лучше видится» [5. С. 21], в то же время не рекомендуется жениться на соседке: *Гъуншдилан хпир гъахирин юкIв динж даршул* (У женившегося на соседке сердце спокойным не будет).

Также в народе спокойно относились к так называемым «обменным бракам», «когда семья брала девушку из другой семьи и в свою очередь обязательно отдавала свою дочь за брата взятой девушки» [3. С. 28], что подтверждается следующей поговоркой: *Узуна йиз шив саб рякъюн кьюб пай вуча* (Я и моя жена – две половины одной дороги).

Табасаранские пословицы и поговорки содержат много рекомендаций и наставлений, реализуя, таким образом, одну из основных функций – инструктивную. При выборе невесты паремии предписывают юноше учитывать множество факторов и, в первую очередь, обращать внимание на ее мать: *Дадайиз дилигну риш кадагъ* (Девушку выбирай, посмотрев на мать); *Бабаз лигну, риш гъадагъ, суркьназ лигну, ир гъадабгъ* (Посмотрев на мать, бери дочь, посмотрев на края, бери домотканое полотно); *Баб юргъа гъашиш, риш юруш шул* (Если мать будет иноходцем [= бойкой, расторопной в делах], то дочь будет с хорошим нравом).

Аналогичные предпочтения в выборе невесты можно встретить и у других народов Дагестана и Кавказа. К примеру, у аварцев есть пословицы *Девочку может вырастить мать, а огонь можно взять щипцами*; *По матери выбирай дочь, по кобыле – жеребенка*» [1. С. 37], у лакцев – *Куда мать, туда и дочь* [6]; у армян – *Беря в жены дочь, посмотри на ее мать* [2].

Паремии призывают жениха не терять бдительности при сватовстве и не прислушиваться к словам матери невесты: *Дадайи ад апIрур ваъ, жямяаьтди ад апIрур гъадагъ* (Не ту бери, которую мать хвалит, а ту, которую джамаат хвалит). Этот универсальный совет можно встретить и в пословицах других дагестанских народов: *Когда ищешь для сына невесту, обязательно изучай маму невесты* (цах.); *По матери выбирай невесту, по отцу – жениха* (агул.); Дочь на мать походит, а сын – на отца (лезг.)

Не одобряется и женитьба «вслепую», не увидев невесты до свадьбы, что встречалось раньше у некоторых дагестанских

народов: *Шурак лишан кипайиз, дугъан юрушназ лиг.* (Прежде чем засватать девушку, взгляни на ее облик). Этот совет имеет вполне практический характер: для того, чтобы родить здоровых детей, жена должна быть здоровой, без физических изъянов. Это подтверждают и следующие пословицы: *Чвуччвуз чи – девлетлур, хпир сагъур ккун шулу* (Брат хочет, чтоб сестра богатой была, а жена – здоровой); *Шив ликур, шинтахъ хъахъну алдакур.* (Хромая жена споткнется об люльку и упадет).

Женская телесная красота не возводилась у табасаранцев в идеал; в пословицах отмечается ее бесполезность для семейной жизни: *Шив уччвур хьуб шартI дар – цалик кибхру гюзгю дар* (Необязательно, чтоб жена была красивой – не зеркало, которое вешают на стену); *Уччвур хпир жилириз гъизилин гъагъ ву* (Красавица жена для мужа – золотая ноша).

Народной идеал истинной женской красоты актуализирован в следующей пословице: *Хпирин уччвувалин, илим дубгъбан деринвалин кьадар даршул* (Красоте жены, глубине познания науки не может быть предела). Здесь, естественно, речь идет о красоте души, добром нраве жены, которые, как и наука, познаются и раскрываются постепенно.

В большинстве случаев паремии императивной семантики адресуются преимущественно мужчине, что свидетельствует об адроцентричности языковой картины мира табасаранского языка. Но определенные требования предъявляются и к выбору мужа, хотя данные высказывания носят единичный характер: супруг должен быть мужественным, ответственным, заботливым – *ШиватIайшин умуд апIрур жилир дарди гъузур* (Возлагающая надежды на женоподобного останется без мужа).

Коллективное сознание народа осуждает любовь пожилых людей, потому что старость – время степенности, мудрости; старики не должны думать о любви или предаваться ей: *Кьаби яшнаъ юкIв улубкьур аьйибнаъ ахъур, кIур* (Кто влюбится в старом возрасте, впадет в позор, говорят). Поэтому вполне естественным воспринимается поведение молодой жены в пословице *Вари кIарубдихьан гьергру, хъа шив – кьабирихьан* (Все от черного [= бед] сбегают, а жена – от старика), хотя в народе уход жены от мужа по собственной инициативе порицался, о чем будет сказано ниже.

Интересные сведения можно почерпнуть в табасаранских паремиях и о сроках вступления в семейную жизнь. Ранний брак поощрялся: *ГвачIнин ухди гъудужвур, вахтниинди ушв гьибтур, ухди шив гъапIур швумал даршул* (Рано вставший, вовремя пообедавший (отпустивший уразу) и рано женившийся не пожалеют). И, наоборот, осуждалось «засиживание в девках». Про девушку, которая вовремя не вышла замуж, говорят так: *Думу риш базариан удучIвну* (Та девушка вышла из базара), т. е. вышла из возраста, когда за нее можно торговаться.

Резко отрицательно в паремиях отношение к повторному браку/замужеству: *Пинайиин пина иливрур, шив'инна шив апIрур жилир даршул* (Заплату на заплату накладывающий и при жене жену берущий мужчиной не бывает); *Аькьюлсузрин фун тухъ гъабшиш, я кьадарсуз ичкки убхъур, я, хпир гьаъну, жигьил риш гъадагъур; даш цIийи хулар апIуз хъюгьюр. Эгер мурар сабра чаан удудубкьиш, элегну жарариз зиян апIур кIури агъал а* (Если у бессовестного живот насытится [= разбогатеет], он или без меры пить начнет, или, разведясь с женой, молодую замуж возьмет, или же новый дом начнет строить. Если ничего из этого совершить не удастся, подравшись, другому рану нанесет).

Паремиологический образ мужа, тешащего себя иллюзиями, что новая жена будет красивее и лучше первой супруги, репрезентируется с явным ироническим подтекстом: *Кьюрпи хпир арсран швякьяр хъайир шул* (Вторая жена с серебряными пятками бывает). Высмеиваются и те мужья, кто не ценит своих жен и заглядываться на чужих женщин: *Гъуншдин бад гъазси рябкъюр, гъуншдин шив ришси* (Соседская утка кажется гусем, соседская жена – девушкой); *Гъуншдин шив уччвуди рякъюр, жвуван – гьяйван* (Жена красивой кажется соседская, а конь – свой).

Согласно народным представлениям, двоеженство – это мучение как для самого мужа, так и его жен: *Кьюр шив гъадагъайиз, кьюб гъван гъадагъну, яв кIул убччв* (Чем двух жен брать, лучше два камня взять и свою голову ими побить); *Шиву чаина кьями хубтIан, кьянцили чан йикк удубтIуб* кьабул апIур (Жена предпочтет, чтоб

ей щипцами мясо вырвали, чем согласится на соперницу).

Такое отношение к повторному браку или многоженству вызвано тем, что вторичное и более замужество/женитьба считались у табасаранов признаком несчастной судьбы: *Бахт айи кас саб ражнутIан эвленмиш даршул* (Счастливый человек только раз вступит в брак). Как справедливо отмечает исследователь табасаранской паремиологии М. Гасанова, «среди табасаранцев явления двоеженства и многоженства встречались редко. Необходимость во второй жене была продиктована либо бесплодностью первой жены, либо рождаемостью только девочек» [5. С. 22].

Отношение к повторному браку не смягчается даже в тех случаях, когда речь идет о вдовах/вдовцах. В табасаранском фольклоре образ вдовы несет негативную коннотацию, например, в поговорке *АчIни хпиринсиб гъагъи хил ву* (Рука тяжелая, как у вдовы). Она в паремиях представлена как плохая хозяйка: *АчIни хпири гъюбхю гатдиз кьюлар дисуз тIагъру шулу* (Кошка, воспитанная вдовой, ленится ловить мышей); у нее незавидная доля: *АчIнивал читинвал ву* (Вдовство – трудность); *Гъубшу гъюран хинкIар даршул, ачIни шиван маш даршул* (Из убежавшего зайца хинкал не сваришь, лицо вдовы никому не бывает приятно). Как следствие, в пословицах акцент делается на нежелательность женитьбы на вдове: *АчIни шив гъапIурна жилгъайиз удучIвур пашман шул* (Женившийся на вдове и свернувший (с дороги) на тропинку опечалится); *АчIни шив гъадагърур жам даршул* (Берущий замуж вдову женихом не станет); *Ахта гьяйванна ачIни шив вердиш апIуз даршул* (Оскопленного коня и вдову приучить невозможно).

Пословицы дают представление и о правовом статусе супругов в брачном союзе. Возможно, на определение этого статуса оказали влияние исламские воззрения о роли женщины в браке, согласно котором решение о разводе принимается, как правило, мужем; жена может уйти от мужа лишь в исключительных случаях, но и тогда это действие нежелательно. Отношение к жене, добровольно оставившей мужа, в табасаранской паремии передается через уничижительное сравнение: *Жилирихьан гьудучIву хпир берк кайи бархлиз ухшар ву* (Жена, ушедшая от мужа, похожа на палас с заплатой).

Создание семьи – ответственный шаг, поэтому к супругам предъявляется целый ряд требований. В основном они адресованы жене как хранительнице очага и семейных традиций. От ее поведения зависит и сохранность семьи, и отношение мужа к ней, и благополучие в доме, и авторитет мужа в обществе: *Хал ккебгърурра, ккидипрурра хпир ву* (Семья и создается, и разрушается женщиной/женой); *Хпир ижмир гъашиш, кюлфетра ижмиб шулу* (Если жена будет твердой, и семья будет крепкой); *Хпир йиччвун тIем кайи кюкю гъашиш, жилирикан арф шул. Хпир агъу йибчрур гъашиш, жилир битIраз дюнмиш шул, кIур* (Если жена будет медоносным цветком, муж станет пчелой, если жена будет разбрызгивать яд, муж превратится в змею); *Жилир инсанаригъ гъяърурра, инсаригъян гъядяърурра хпир шул* (Мужа и вводит в общество, и выводит из общества жена) и др.

Хозяйственной, заботливой жене в табасаранских пословицах дается высокая оценка. У хорошей жены все спорится в руках, она в состоянии совершить даже невозможные вещи: *Чаз кечел риш ашра, ужур хпири думу сад йигъан швуваз хъаур* (Даже если у нее плешивая дочь, хорошая жена и ее однажды выдаст замуж). Характер настоящей жены, по народным представлениям, проявляется в жизненных трудностях: *Ужур хпир, касибвал улубкьган, аьгъю шул* (Хорошая жена познается в бедности).

Прямо противоположное отношение демонстрируется к недомовитым, беспечным, невоздержанным на язык женам. В паремиях такой образ жены часто снижается за счет сравнения с животными, несущими отрицательную культурную коннотацию в табасаранской языковой картине мира: *БитIру кьацI гъапIу зиянра, хуйи кьацI гъапIу зиянра сагъ шулу, хъа хпири кьацI гъапIу зиян сагъ шулдар* (И рана от укуса змеи, и рана от укуса собаки лечатся, а рана, нанесенная женой, не излечивается); *Гъюбгъю цалхьан, яман хуйхьан, ккярягъру шивхьан ярхла йихь* (От разрушенной стены, злой собаки и огрызающейся жены держись в отдалении); *Харжи гъуншдихьан ярхла йихь, харжи хпирихьан жара йихь, иццру слиб уьчIюбгъну гатабхь* (От плохого соседа отдаляйся, с плохой женой разводись, больной зуб выдергивай).

Отсутствие у жены привязанности к семье, ее халатное отношение к своим обязанностям осуждается в паремиях достаточно резко: *Кюлях шив гъюлягъ лицрур*

шул (Беспечная жена бывает гулливой); *Чиркин хпирин жилир бюркьюр духьну ккун* (Муж грязной жены должен быть слепым); *Хябяхъ гъабшиган, габнин хпир гьялак шул.* (Когда вечереет, жена пастуха начинает торопиться), то есть когда уже поздно что-то готовить.

Соответствующие требования предъявляются и к поведению мужа как главы семьи: *Хулан аьхюр, чIатан бицIир даришри* (Старшим в доме, младшим за пределами дома пусть не будет); *Пичран гъвалахъ жилир духьну, чIат пэъ махьан* (У печки мужчиной будучи, на улице курицей [=безропотным] не будь) и др.

Традиционная табасаранская семья – это патриархальная семья, в которой за супругами жестко закреплены определенные роли. Муж – глава семьи, он обеспечивает домочадцев и принимает ключевые решения, а жена должна заниматься воспитанием детей, домашними делами и созданием уюта: *Хал-хазна хпири, мал-мутму жилири апIури аьдат шул* (Принято, чтобы дом-богатство – жена, а скот-имущество муж делали); *Хпири гъюрхю жилирна, жилири гъюрхю йиц гьарган улихь шул.* (Муж, о котором заботилась жена, и бык, о котором заботился муж, всегда будут впереди). Следующая поговорка красноречиво демонстрирует последствия подмены предусмотренных в семье традиционных обязанностей супругов: *Жилири апIру шурпа кьанди убхьур* (Суп, который готовит муж, поздно закипает).

Патриархальный семейный уклад предполагает соответствующую систему воспитания, объектами которой могут быть не только дети, но и жена: *КIари – тIуннахъ хъимиди, бицIир – шинтак кимиди, сус, мурччвягъ гъимиди, вердиш апIуз хъюгъну ккун* (Бычка следует воспитывать, пока он в стойле, ребенка – пока он в люльке, невесту, пока она в углу стоит) – у табасаранцев невесту в первый день пребывания в доме мужа размещали в почетном правом углу дома.

Важную роль в воспитании невесты играют родители мужа, преимущественно его мать: молодая жена должна находиться под присмотром свекрови, которая может помочь ей в домашних делах и с воспитанием внуков, а также давать практические советы. Важность такой формы семейной социализации невестки подчеркивается в пословице *Сижар баб хътру шивна кIари хътру хю сабсдар шул* (Невестка, у которой нет свекрови, сродни корове, у которой нет теленка). В другой паремии можно встретить указание и на сам метод воспитания – свекровь не ругает невесту за промахи или прямо не указывает на них, предпочитая делать это обиняком: *Швушваз кижигри кIури, сижари чан шураз тягьнйир йивуру* (Чтоб поняла невестка, свекровь свою дочь ругает).

Согласно народным представлениям, муж также должен воспитывать жену, прибегая при этом к различным мерам, даже к рукоприкладству*: Хпир урччвуз шулдарш, думу дийигъу йишв убччв* (Если не можешь побить жену, бей место, на котором она стояла). В другой пословице делается оговорка – причиной обращения мужа к подобной мере воздействия могут быть неверные действия жены, т.е. если жена не даст повода, муж ее не накажет: *Хпири маргъ тутрувиш, жилири йивдар* (Если жена не даст палку (в руки), муж ее не побьет).

Но табасаранские паремии не содержат прямого указания на право мужа физически наказывать жену, напротив, это категорически осуждается: *Сабан дишагьлийиз гъиву жилижвуву гьаргандиз чан жилирвал йибкIуру.* (Мужчина, который хоть раз ударил женщину, навсегда утрачивает свою мужественность); *Дирбаш жилири хпир дуруччвур.* (Храбрый муж не будет бить жену).

Не приветствуется в табасаранских паремиях и ущемление прав жены, ограничение ее личной свободы: *Гагайин хал – майдан, жилирин хал – зиндан* (Отцовский дом – майдан, мужнин дом – темница); *Лик-кIул гъяцIли апIуз даршлу хулаъ дишагьлийиз бахт дибрихъур* (В доме, где нельзя оголить голову или ногу, женщина не найдет счастья).

Пословицы призывают супругов быть взаимно снисходительными и заботливыми, скрывать недостатки друг друга: *Жилирин хасият хпири гьитIибкIур* (Нрав мужа жена скроет); *Дишагьлийин намус уьбхюб жилирвалин тах ву* (Защищать честь женщины – признак мужественности); *Дай кайи хвар гъагъдиз мутуван, уву хътарди шив минди-тинди магьаан* (Беременную кобылу не запрягай, без себя жену туда-сюда не отправляй).

Анализ табасаранской паремиологической картины мира показал, что в ней брак рассматривается как важнейший социальный институт. Это обусловило большое количество пословиц на данную тематику и довольно подробное отражение в них самых разных аспектов брачного союза.

Литература

1. Алигаджиева З.А. Выбор невесты в свадебной обрядности аварцев: традиции и инновации // Общество: философия, история, культура. 2015. № 2 . С.37-42.

2. Брачные обычаи армян. Часть I // Все об Армении URL: http://barev.today/news/wedding (дата обращения: 20.08.2016).

3. Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967. 128 с.

4. Гасанов М. М. Табасаранские пословицы, поговорки, загадки. Махачкала: Дагучпедгиз, 1978.

5. Гасанова М. А. Место гендера в табасаранской паремиологической картине мира // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 2-3. С. 22-35.

6. Лакские пословицы и поговорки // World Sayings.ru "Пословицы и поговорки народов мира" URL: http://www.sayings.ru/world/laks /laks_2. html (дата обращения: 16.08.2016).

References

1. Aligadzhieva Z. A. Choice of bride in the wedding rituals of the Avars: traditions and innovations. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2015. No. 2. Pp. 37-42 (In Russian).

2. *Brachnye obychai armyan* [Marriage customs of the Armenians]. Part I. All about Armenia URL: http://barev.today/ news/wedding (accessed 20.08.2016).

3. Gadzhieva S. Sh. *Sem'ya i semeynyy byt narodov Dagestana* [Family and family life of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, 1967. 128 p. (In Russian)

4. Gasanov M. M. Tabasaran Proverbs, sayings, riddles. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1978. (In Russian)

5. Gasanova M. A. *Mesto gendera v tabasaranskoy paremiologicheskoy kartine mira* [Place of gender in the Tabasaran paroemiological world-image]. Language. Literature. Culture. 2012. No. 2-3. Pp. 22-35.

6. Lak Proverbs and sayings // World Sayings.ru "Proverbs and sayings of peoples around the world" URL: http://www.sayings.ru/world/laks /laks_2.html (accessed 16.08.2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Маллалиев Гюлахмед Нуралиевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: gyu76@yandex.ru

Ахмедов Ахмед Хировович, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: ahmed56@list.ru

Принята в печать 12.07.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Gyulakhmed N. Mallaliev, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Literature, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: gyu76@ yandex.ru

Akhmed Kh. Akmedov, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Literature, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: ahmed56@list.ru

Received 12.07.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.351.12 / UDC 811.351.12

Соматическая лексика андалальского диалекта аварского языка

©2016 **Меджидов М. Г.**
Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье дается краткий анализ соматической лексики андалальского диалекта аварского языка. В каждом из дагестанских языков содержится пласт исконной и заимствованной соматической лексики. Данная лексика может быть общей для одной группы языков или для одного-двух языков. Для заимствованного слоя лексики языком-источником в таких случаях чаще всего служит язык народа, который соседствует с ним. На территорию распространения андалальского диалекта могли проникнуть слова

и термины соматической группы из близкородственных диалектов южного наречия аварского языка, равно как и через собственно аварский литературный язык.

Ключевые слова: соматическая лексика, части тела, названия, общие понятия, диалект, язык.

Формат цитирования: Меджидов М. Г. Соматическая лексика андалальского диалекта аварского языка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 83-89.

The Somatic Vocabulary of the Andalal Dialect of the Avar Language

©2016 **Magomed G. Medzhidov**
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

ABSTRACT. The author of the article gives a brief analysis of somatic vocabulary of the Andalal dialect of the Avar language. Every Dagestan language has the formation of primordial and borrowed lexicon of somatic vocabulary. This vocabulary may be common to one group of languages or for one or two languages. For the borrowed layer of vocabulary of the language of the source in such cases is often a language that coexists with it. On the territory of the Andalal dialect could penetrate words and terms of somatic group from closely related dialects of the southern dialects of the Avar language, as well as through the Avar literary language itself.

Keywords: somatic vocabulary, parts of the body, names, general terms, dialect, language.

For citation: Medzhidov M. G. The Somatic Vocabulary of the Andalal Dialect of the Avar Language. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 83-89. (In Russian)

В основном в дагестанских языках соматическая лексика является исконной. В каждом дагестанском языке содержится пласт соответствующей лексики. Он может быть общим для одной группы языков или для одного-двух языков. В то же время, мы можем обнаружить заимствованный слой лексики, связанный с соматическими терминами. Языком-источником в таких случаях чаще всего служит язык соседнего народа. Таким образом, к примеру, андийскими и цезскими этносами заимствованы слова и соматизмы из расположенного в близком родстве аварского языка и наоборот, лезгинским и табасаранским языками усвоены слова, в том числе и соматизмы, из соседствующего азербайджанского языка. Таким же образом на территорию распространения андалальского диалекта проникли слова и термины соматической группы из других близкородственных диалектов южного наречия аварского языка, равно как и через собственно аварский литературный язык.

В родственных диалектах и языках соматические наименования обнаруживают много общего и немало отличительного. Соматическая терминология является одной из самых устойчивых групп лексики любого языка.

Караулов Ю. Н. отмечает: «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [4. С. 7].

Обращение к человеку, т.е. к творцу языка, не может быть успешным без тщательного анализа и глубокого понимания лексики, которая порождена им самим и, прежде всего, без анализа соматической лексики, называющей и отражающей строение человека, т. е. без знания наименований частей его тела.

В. А. Власова пишет: «До сих пор не обнаружено народа, который не умел бы называть некоторых частей тела: голову, руку, ногу, глаз, ухо, рот… Соматизмы представляют собой круг необходимых в любом человеческом обществе понятий и отношений, без которых трудно себе мыслить человеческую речь», и отмечает, что соматическую лексику отличает «высокая частотность употребления и развитая полисемия» [1. С. 27].

В. А. Яшманова отмечает следующее: «Части тела человека, несомненно, принадлежат к так называемой группе «первичных инструментов», так как очевидна их тесная связь с субъектом». «Ученые признают, - далее пишет она, - что проведение параллелей между реальным миром и отражением его языковыми средствами через соматизмы не случайно, поскольку семантическая информация, передаваемая изучаемыми словами, является указанием на определенные объекты из окружающего нас реального мира. При помощи языка, слова человек не только отображает процессы реального мира и мира субъективной оценки, эмоций и чувств, но и сам выступает одним из звеньев этого мира» [8, С. 178]

В. А. Плунгян обращает внимание на то, что обязательная соотнесенность ощущений человека с различными органами его тела является универсальным свойством всех языков, «различие же между конкретными языками заключается в том, как именно распределяются ощущения на наивной «анатомической карте» человека» [5. С. 118].

Соматическая лексика принадлежит к древнейшему пласту лексического состава любого языка. Так как широки связи соматизмов с реальными объектами окружающего мира, они издавна было темой исследования языковедов. Еще одним объяснением тому являются онтогенетические функциональные свойства частей тела человека и их широкая символизация.

Андалальские соматизмы можно сгруппировать на следующие семантические составляющие: названия частей головы, шеи и лица, наименования частей рук и ног, названия частей туловища, названия составляющих внутренних органов человека, названия человеческих выделений, терминология общих понятий тела и т. д.

Соматические наименования частей головы, шеи и лица различаются следующим образом: лит.: *бет1ер* – андалал.: *белЪэр, берЪэр* «голова», лит.: *бот1рол гвангвара* – андалал.: *болЪол гвангара* «череп», лит.: *т1абакъ* – андалал.: *абакъ, т1абакъ* «половина черепа», лит.: *гъваница* – андалал.: *гъаница, гъваница* «затылок», лит.: *рас* – андалал.: *рас* «волос», лит.: *т1оноц1* – андалал.: *оноц1, онуц1, унуц1* «макушка», лит.: *къваница* (мн. ч. *къунщби*) – андалал.: *къваница* (мн. ч. *къунщул, къунщби*) «висок, виски», лит.: *нодо* – андалал.: *нодо* «лоб», лит.: *габур* – андалал.: *губур, габур* «шея», лит.: *бот1рол цебесеб рахъалъул лугби* – андалал.: *болЪол цебесеб (сибесиб, себесеб) рахъалъул (рахалъул) лугбал* «органы передней части головы», лит.: *гьумер* – андалал.: *гьомер, куц* «лицо», лит.: *г1ин* – андалал.: *г1ен, г1ин* «ухо», лит.: *бер* – андалал.: *бер*, лит.: *кьенсер* (мн.ч. *кьунсрул*) – андалал.: *кьесер, кьенсер* (мн.ч. *кьусрул, кьунсрул*), лит. *г1инзул карат1* андалал.: *г1ендокарат1, г1ензол карат1* «ушное отверстие», лит.: *г1инзул гьодорлъи* – андалал.: *г1ендол гьодорли* «ушная раковина», лит.: *г1инзул тамахаб далараб бак1* – андалал.: *г1ендодали* «мочка уха», лит. *мег1ер* – андалал.: *къалал, шумеш, мег1ер, хвенех, маг1адукъалал* «нос», лит.: *маг1арзукъали* – андалал.: *шуншикарат1, маг1адукъалазул карат1, маг1арзукарат1* «ноздря», лит.: *г1оно* – андалал.: *г1оно* «скула», лит. *к1аркьен* – андалал.: *к1акьен, к1екьен* «щека», лит.: *к1ал* – андалал.: *к1ал* «рот», лит.: *к1вет1*(мн.ч. *к1ут1би*) – андалал.: *к1от1* «губа», лит.: *к1ут1бузул г1урхъи* – андалал.: *к1ут1бузуг1орхъи* «граница губ, вход в ротовую полость», лит.: *мац1* – андалал.: мац, *мац1* «язык»; лит.: *ца, г1ус, гожо* – андалал.: *ца, г1ус, гожо* (зуб, клык, коренной зуб, резец) или просто: *цебеса ца, г1ус, нахъисеб ца,* в некоторых говорах: просто *гожо* (мн.ч. *гажал*), или просто *ца* (мн.ч. *цаби*); лит.: *нилъу* – андалал.: *нилгьу, нилгьо, нилгьадох1ан (нилгьадох1анал)* «подбородок», лит.: *нилъалзул х1ама* – андалал.: *нилгьадох1ама* «челюсть», лит.: *мегеж* – андалал.: *мегеж, мигеж* «борода», лит.: *мукъулукъил бет1ер* – андалал.: *мукъулукъиберЪэр* «верх горла», лит.: *мукъулукъил гарац1* – андалал.: *мукъулукъигарац1* «кадык-бугорок в передней части горла».

Названия рук и ног: лит.: *к1игъеж* – андалал.: гъеж, *к1игъеж* «плечо», лит.: *рукь* – андалал.: *рукь* «рука», лит.: *г1унк1рукь* – андалал.: *г1ункърукь* «локоть», лит.: *квер* – андалал.: *кор* «кисть руки», лит.: *килищ* – андалал.: *кириц, килищ* «палец», лит.: *бурт1инкилищ* – андалал.: *к1удабкилищ* «большой палец», лит.: *ч1ик1арулеб килищ* (*сурт1ин килищ*) – андалал.: *ч1ик1аринеб кириц* «указательный палец», лит.: *саликlо (гьоркьосеб килищ)* – андалал.: *гьоркьосакилищ* «средний палец», лит.: *к1орк1оно* – андалал.: *баргъеч байнеб килищ* «безымянный палец», лит.: *бохкилищ* – андалал.:

бурт1икилищ «мизинец», лит.: *кверзул малъ* – андалал.: *кордол малгь* «ноготь пальца руки», лит.: *огъохъат* – андалал.: *хъат, огъохъат* «ладонь», лит.: *кверзул ракьа* – андалал.: *кордоракьа* «пястье», лит.: *кверзул рищи* – андалал.: *кордорищи* «запястье»; лит.: *рохокъот1и* – андалал.: *рохокъот1и* «таз», лит.: *кьан* – андалал.: *кьан* «пах», лит.: *бох* – андалал.: *бох* «нога», лит.: *наку* – андалал.: *нако, наку* «колено», лит.: *мах1алзул ччобори* – андалал.: *мах1алдол ччобори* «икры ног», лит.: *х1ет1е* – андалал.: *х1ет1е* «стопа», лит.: *х1ат1ихинк1* – андалал.: *х1ат1ихинк1* «щиколотка», лит.: *х1ат1икилищ* – андалал.: *х1ат1икилищ* «палец ноги», лит.: *эгъе* – андалал.: *эгъе* «пятка», лит.: *х1ат1ил малъ* – андалал.: *х1ат1ималгь* «ноготь пальца ноги»;

Названия туловища: лит.: *къаркъала* – андалал.: *къаркъала, лага-черх, черх* «тело, туловище», лит.: *ракьа* – андалал.: *ракьа* «кость», лит.: *бет1ер* – андалал.: *берЂэр, белЂэр* «голова», лит.: *габур* – андалал.: *габур, губур* «щея», лит.: к1игъуждул – андалал.: *к1игъежал, к1игъуждул* «плечи», лит.: *мугъ* – андалал.: *могъ, мугъ* «спина», лит.: *чехь* – андалал.: *чехь* «живот», лит.: *рохокъот1и* – андалал.: *рохокъот1и* «тазобедренная часть туловища», лит.: *бохдул* – андалал.: *бохал, бохдул, бохдол* «ноги»;

Названия внутренних органов: лит.: *щекъер* – андалал.: *щекъер, щукъур, щикъер* «горло», лит.: *мукъулукъ* – андалал.: *мукъур, мукъулукъ* «трахея – дыхательное горло», лит.: *к1алзул гьодорлъи* – андалал.: *к1алдол (к1алдул, к1алзул) гьодорли* «ротовая полость», лит.: *риск1и* – андалал.: *риск1и* «пищевод», лит.: *бидурихьал* – андалал.: *бидурихьал* «кровеносные сосуды», лит.: *рак1* – андалал.: *рак1* «сердце», лит.: *гьуърул* – андалал.: *гьуърул* «легкие», лит.: *т1ул* – андалал.: *т1ул* «печень», лит.: *кванирукъ* – андалал.: *кванирукъ* «желудок», лит.: *ццидал къвач1а* – андалал.: *сидакъвач1а, ццидакъвач1а* «желчный пузырь», лит.: *ургьисала* – андалал.: *баг1арал* «почки», лит.: *рахас* – андалал.: *ургьимес* «все внутренности», лит.: *къеч1* – андалал.: *къерч1* «селезенка», лит.: *хъвата* – андалал.: *хъвата* «кишечник», лит.: *бакь* – андалал.: *бакь* «кишка»;

Названия выделений: лит.: *х1ац1у* – андалал.: *х1ац1у, х1ац1о* «слюна», лит.: *би* – андалал.: *би* «кровь», лит.: *к1варщ* – андалал.: *к1ущ, к1ващ* «моча», лит.: *маг1у* – андалал.: *маг1о, маг1у* «слеза, слезы», лит.: *рец1ц1* – андалал.: *рец1ц1* «гной», лит.: *г1ет1* – андалал.: *г1ойл, г1ол, г1вел, г1ет1* «пот», лит.: *т1омолъ бугеб беэнлъи* – андалал.: *омолъ бугеб (беб) беэнли* «подкожный жир»;

Общие понятия тела: лит.: *ракьа-макъар (скелет)* – андалал.: *ракьа-макъар (скелет)* «скелет», лит.: *т1ом* – андалал.: *ом*, «кожа, шкура», лит.: *хъал* – андалал.: *хал, хъал* «верхний тонкий слой кожи», лит.: *х1ухьел* – андалал.: *х1охьел, х1ухьел* «дыхание», лит.: *нерв (нерваби)* – андалал.: *нерв (нерваби)* «нерв (нервы)», лит.: *г1адалнах* – андалал.: *адалнагь, г1адалнагь* «мозг», лит.: *чорхол клетка* – андалал.: *чорхол, черхалъул клетка* «клетка тела, организма человека»;

В сравнительном плане выясняется, что для обозначения многих названий частей тела человека в андалальском диалекте и в аварском литературном языке используются одни и те же слова, которые объединяются в две основные группы. В первую группу входят структурно и семантически похожие единицы: лит.: *гъванща* – андалал.: *гъанща, гъванща* «затылок», лит.: *рас* – андалал.: *рас* «волосы», лит.: *нодо* – андалал.: *нодо* «лоб», лит.: *габур* – андалал.: *губур, габур* «шея», лит.: *г1ин* – андалал.: *г1ен, г1ин* «ухо», лит.: *бер* – андалал.: *бер*, лит.: *кьенсер* (мн.ч. *кьунсрул*) – андалал.: *кьенсер* (мн. ч. *кьусрул, кьунсрул*), лит.: *бох* – андалал.: *бох* «нога», лит.: *наку* – андалал.: *нако, наку* «колено», лит.: *г1оно* – андалал.: *г1оно* «скула», лит.: *к1ал* – андалал.: *к1ал* «рот», лит.: *мац1* – андалал.: *мац1* «язык»; лит.: *ца, г1ус, гожо* – андалал.: *ца, г1ус, гожо* (зуб, клык, коренной зуб, резец), лит.: *мегеж* – андалал.: *мегеж* «борода», лит.: *хъат* – андалал.: *хъат* «ладонь», лит.: *куц*, андалал.: *куц* «облик, лицо», лит.: *рихь* – андалал.: *рихь* «жила», лит.: *к1игъеж* – андалал.: *к1игъеж* «плечо», лит.: *рукь* – андалал.: *рукь* «рука», лит.: *рохокъот1и* – андалал.: *рохокъот1и* «таз», лит.: *кьан* – андалал.: *кьан* «пах», лит.: *бох* – андалал.: *бох* «нога», *х1ет1е* – андалал.: *х1ет1е* «стопа», лит.: *х1ат1ихинк1* – андалал.: *х1ат1ихинк1* «щиколотка», лит.: *х1ат1икилищ* – андалал.: *х1ат1икилищ* «палец ноги», лит.: *эгъе* – андалал.: *эгъе* «пятка», лит.: *ракьа* – андалал.: *ракьа* «кость», лит.: *чехь* – андалал.: *чехь* «живот», лит.: *рохокъот1и* – андалал.: *рохокъот1и* «тазобедренная часть туловища», лит.: *риск1и* – андалал.: *риск1и* «пищевод», лит.: *бидурихьал* – андалал.: *бидурихьал* «кровеносные сосуды», лит.: *рак1* – андалал.: *рак1* «сердце», лит.: *гьуърул* – ан-

далал.: *гьуърул* «легкие», лит.: *т1ул* – андалал.: *т1ул* «печень», лит.: *кванирукъ* – андалал.: *кванирукъ* «желудок» и т. д. В данную группу входит достаточное количество слов.

Слова, составляющие другую, вторую, группу, семантически идентичны, но структурно различны. Структурное расхождение, наблюдаемое между андалальскими и аварскими литературными эквивалентами названий частей тела, является результатом различных внутриязыковых явлений. Здесь наблюдаются фонетические особенности, происходящие в изменении или замене того или другого звука, а также мелодичного переноса ударения в лексических единицах разных говоров по-своему: лит.: *бет1ер* – андалал.: *белЪэр, берЪэр* «голова», лит.:*бот1рол гвангвара* – андалал.: *болЪол гвангара* «череп», лит.: *т1абакъ* – андалал.: *абакъ* «половина черепа», лит.: *гъваница* – андалал.: *гъаница* «затылок», лит.: *малъ* - андалал.: *малгь* «ноготь», лит.: *наку* – андалал.: *нако* «колено», лит.: *т1оноц1* – андалал.: *оноц1, онуц1, унуц1* «макушка», лит.: *габур* – андалал.: *губур* «шея», лит.: *бот1рол цебесеб рахъалъул лугби* – андалал.: *болЪол сибесиб, себесеб рахалъул лугбал* «органы передней части головы», лит.: *гьумер* – андалал.: *гьомер, куц* «лицо», лит.: *г1ин* – андалал.: *г1эн* «ухо», лит.: *г1инзул гьодорлъи* – андалал.: *г1ендол гьодорли* «ушная раковина», лит.: *г1инзул тамахаб далараб бак1* – андалал.: *г1ендол тамагьаб далараб бак1* «мочка уха», лит. *мег1ер* – андалал.: *къалал, шумеш, мег1ер, хвенех, маг1адукъалал* «нос», лит.: *маг1арзукъали* – андалал.: *шуншикарат1, маг1адукъалазул карат1, маг1арзукарат1* «ноздря», лит. *к1аркьен* – андалал.: *к1акьен, к1екьен* «щека», лит.: *нилъу* – андалал.: *нилгьу, нилгьо, нилгьадох1ан (нилгьадох1анал)* «подбородок», лит.: *нилъалзул х1ама* – андалал.: *нилгьадох1ама* «челюсть», лит.: *квер* – андалал.: *кор* «кисть руки», лит.: *бурт1инкилищ* – андалал.: *к1удабкилищ* «большой палец», лит.: *ч1ик1арулеб килищ* (*сурт1ин килищ*) – андалал.: *ч1ик1аринеб киришщ* «указательный палец», лит.: *саликlо (гьоркьосеб килищ)* – андалал.: *гьоркьосакилищ* «средний палец», лит.: *к1орк1оно* – андалал.: *баргъеч байнеб килищ* «безымянный палец», лит.: *бохкилищ* – андалал.: *бурт1икилищ* «мизинец», лит.: *квервзул малъ* – андалал.: *кордол малгь* «ноготь пальца руки», *квервзул ракьа* – андалал.: *кордоракьа* «пястье», лит.: *квервзул рищи* – андалал.: *кордорищи* «запястье», лит.: *бет1ер* – андалал.: *берЪэр, белЪэр* «голова», лит.: *габур* – андалал.: *губур* «щея», лит.: *мугъ* – андалал.: *могъ* «спина», лит.: *бохдул* – андалал.: *бохал, бохдол* «ноги», лит.: *щекъер* – андалал.: *щукъур, щикъер* «горло», лит.: *мукъулукъ* – андалал.: *мукъур,* «трахея – дыхательное горло», лит.: *к1алзул гьодорлъи* – андалал.: *к1алдол, к1алдул гьодорли* «ротовая полость», лит.: *ццидал къвач1а* – андалал.: *сидакъвач1а, цидакъвач1а* «желчный пузырь», лит.: *ургьисала* – андалал.: *баг1арал* «почки», лит.: *рахас* – андалал.: *ургьимес, ургьемес* «все внутренности», лит.: *къеч1* – андалал.: *къерч1* «селезенка», лит.: *к1варщ* – андалал.: *к1ущ, к1ващ* «моча», лит.: *маг1у* – андалал.: *маг1о, маг1у* «слеза, слезы», лит.: *г1ет1* – андалал.: *г1ойл, г1ол, г1вел* «пот», лит.: *т1омолъ бугеб беэнлъи* – андалал.: *омолъ беб беэнли* «подкожный жир» и т. д. Аналогичных фонетических расхождений в лексических единицах речи носителей говоров андалальского диалекта достаточно много.

Не так часто, но все же между говорами андалальского диалекта и аварским литературным языком встечаются также слова, обозначающие одни и те же части тела и выделения разными лексическими единицами: лит.: *гьумер* – андалал.: *куц* «лицо», лит.: *г1инзул тамахаб далараб бак1* – андалал.: *г1ендодали* «мочка уха», лит. *мег1ер* – андалал.: *къалал, шумеш, хвенех, маг1адукъалал* «нос», лит.: *маг1арзукъали* – андалал.: *шуншикарат1, маг1адукъалазул карат1, маг1арзукарат1* «ноздря», лит.: *нилъу* – андалал.: *нилгьадох1ан (нилгьадох1анал)* «подбородок», лит.: *бурт1инкилищ* – андалал.: *к1удабкилищ* «большой палец», лит.: *к1орк1оно* – андалал.: *баргъеч байнеб килищ* «безымянный палец», лит.: *бохкилищ* «мизинец», лит.: *къаркъала* – андалал.: *лага-черх, черх* «тело, туловище», лит.: *ургьисала* – андалал.: *баг1арал* «почки», лит.: *рахас* – андалал.: *ургьимес* «все внутренности», лит.: *г1ет1* – андалал.: *г1ойл* «пот».

Наименования органов и частей тела в андалальском диалекте представляют интерес и в семантическом отношении. Нередко они могут приобретать многозначность. Помимо основного значения, соматические термины могут обозначать и абстрактные значения, которые считаются второстепенными. Например: *берЪэр* «голова»: *берЪэрбахъи* «жизнь, умение жить»,

берЂэрунти «беспокойство, головная боль», *абдалвахъи* «потеря рассудка)», *росдал берЂэр* «глава села», *мог1рол берЂэр* «вершина горы», *иццул берЂэр* «начало родника, источника», *харбил оцибисеб берЂэр* «первая глава рассказа»; *могъ* «спина», «опора»: *могъч1вай* «опора», *могъч1вай гьабиде* «быть опорой», *могъги чехьги г1адин* «как спина и живот, т.е. как братья и сестры»; *рак1* «сердце»: *рак1ч1ей* «уверенность»: *рак1ч1едебуде* «быть уверенным», *рак1гъей* «развлечение»: *рак1гъедабиде* «развлекать», *рак1бух1и* «жалость»: *рак1бух1дебиде* «заставить сожалеть», *рак1бахъи* «сожаление», *рак1беки* «печаль, грусть»: *Гъай рак1бекун йо* «Она грустит (печальна)», *рак1бакъвай* «грусть, обида, скорбь»: *Дуца дир рак1бакъвадабинебо* «Ты обижаешь меня», *рак1унтизе* «болеть душой, от души»: «*Рак1унтун балагьани, бецабердаги бихьинелан абина*» «Если смотреть от души, слепой глаз тоже видит, говорят», *рак1-рак1алъ* «от всей души, сердца», *гьадил ц1улал рак1* «сердцевина липы»: *Гьадил х1охьол рак1ги бахъун, устарас т1амур гьабинебоан* «Мастер, вытащив сердцевину из липового пенька, изготавливал пандур», *рак1багъари* «тошнота»: *Машинаги рек1ун, рак1багъардехъенеб бугелан йоан к1удай адан* «Старушка сказала, что ее затошнило в машине», *рак1биЬдабиде* «заставить таять душой»: *Ясалъ ах1араб коч1оца рак1биЬдабуна г1олохъабазул* «От песни, исполненной девушкой, ребята растаяли», *рак1бит1и* «верность», *рак1бихху (х1инкъдайи)* «привести в ужас», *рак1къаде* «брезгать», *рак1Ъэнде* «разочароваться», *рак1ккураВ* «необщительный, скрытный», *рак1х1одабиде* «обидеть», *рак1чучде* «поделиться душой», *рак1ч1ваде* «наесться вдоволь» и т. д.

В лексике всех языков мира соматические лексические единицы считаются наиболее устойчивыми и мало заимствуемыми. Однако часть соматических онимов может быть заимствована из других языков и диалектов.

Андалал.: *белЂэр, берЂэр* – авар. лит.: *бет1ер,* лак.: *бак1,* дарг.: *бек1*, кайт.: *бек1*, закат., анцух.: *бек1ер*, *бик1ер,* «голова»; Андалал.: *к1от1* – дарг.: *к1ент1*, кайт.: *ч1вент1*, авар. лит.: *к1вет1,* арчин.: *к1вет1,* табас.: *квант1* «губа» и т. д. Данные примеры свидетельствуют о том, что в андалальском диалекте также имеет место единичные примеры соматических заимствований из близкорасположенных лакского и даргинского языков, общедагестанского корня, а также некоторых восточных языков.

Литература

1. Власова Н. А. Фразеологическое гнездо с вершиной «глаз» в общенародном языке и говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1997. 27 с.

2. Гарунова К. И. Некоторые соматические названия в диалектах аварского языка. Махачкала, 1986. 125 с.

3. Казиев Г. К. Соматические термины аварского языка в прозе Расула Гамзатова. Махачкала, 1986. 108 с.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 1987. 264 с.

5. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. Учебное пособие. Изд. 5. М., 2000. 384 с.

6. Саидова П. А. Некоторые соматические термины в аваро-андийской группе языков. Махачкала, 1996. 123 с.

7. Самедов Д. С. Исследование семантики слов, обозначающих части тела человека. М., 1975. 97 с.

8. Яшманова В. А. Инструментальность и субъективно-объективные отношения. СПб, 1992. 178 с.

References

1. Vlasova N. A. *Frazeologicheskoe gnezdo s vershinoy «glaz» v obshchenarodnom yazyke i govorakh* [Phraseological word family with the top of the "eye" in literature language and dialects]. Author's thesis of diss. ... Dr. of Philology. Orel, 1997. 27 p. (In Russian)

2. Garunova K. I. *Nekotorye somaticheskie nazvaniya v dialektakh avarskogo yazyka* [Some physical names in the Avar dialects]. Makhachkala, 1986. 125 p. (In Russian)

3. Kaziev G. K. *Somaticheskie terminy avarskogo yazyka v proze Rasula Gamzatova* [Somatic Avar terms in Rasul Gamzatov's prose]. Makhachkala, 1986. 108 p. (In Russian)

4. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 1987. 264 p. (In Russian)

5. Plungyan V. A. General morphology: introduction to the issues. Textbook. Ed. 5. Moscow, 2000. 384 p. (In Russian)

6. Saidova P. A. *Nekotorye somaticheskie terminy v avaro-andiyskoy gruppe yazykov* [Some physical terms in the Avar-Andian group of languages]. Makhachkala, 1996. 123 p. (In Russian)

7. Samedov D. S. *Issledovanie semantiki slov, oboznachayushchikh chasti tela cheloveka* [Study of the semantics of the words denoting parts of the human body]. Moscow, 1975. 97 p. (In Russian)

8. Yashmanova V. A. *Instrumental'nost' i sub"ektivno-ob"ektivnye otnosheniya* [Instrumental and subjective-objective relationship]. Saint Petersburg, 1992. 178 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Меджидов Магомед Гаджиевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Принята в печать 12.06.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Magomed G. Medzhidov, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Dagestan Languages, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru

Received 12.06.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 821(471.67) / UDC 821(471.67)

Художественно-стилевое своеобразие прозы Аткая Аджаматова

©2016 **Пахрутдинова Р. У.**
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: ragimat15@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Статья посвящена анализу отдельно взятых произведений Аткая Аджаматова. Стиль является одним из проявлений развития всего творчества писателя в целом и соответствует специфическим задачам, отражающим его мировоззрение, художественную мысль, метод и индивидуальные особенности.

Ключевые слова: художественный стиль, искусство, поэтика, стилистика, поэтико-изобразительные элементы, герой, повесть, метод, идея, мировоззрение.

Формат цитирования: Пахрутдинова Р. У. Художественно-стилевое своеобразие прозы Аткая Аджаматова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 89-93.

The Artistic and Stylistic Originality of Atkay Adzhamatov's Prose

©2016 **Ragimat U. Pakhrutdinova**
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: ragimat15@mail.ru

ABSTRACT. The article deals with the analysis of some Atkay Adzhamatov's works. The style is one of the manifestations of the development of the writer's creativity in general, and in accordance with the specific objectives, reflecting its worldview, artistic thought, method and individual characteristics.

Keywords: art style, art, poetics, stylistics, poetic pictorial elements, character, story, technique, idea, world-view.

For citation: Pakhrutdinova R. U. The Artistic and Stylistic Originality of Atkay Adzhamatov's Prose. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 89-93. (In Russian)

Термин «стиль» в настоящее время обладает самыми различными значениями, в зависимости от того, к какой области общественной жизни и искусства он прилагается.

Художественный стиль – это особенности литературного произведения, всего творчества писателя или литературного направления.

Стиль изучается в неразрывном единстве с методом. Но при этом наблюдается различное соотношение метода и стиля. Одни исследователи рассматривают метод как индивидуальное проявление стиля, другие – как результат процесса художественного познания, каким является метод. Третьи не различают метод и стиль, подменяя одно определение другим.

Изучение стиля писателя должно быть связано с изучением его мировоззрения, творческой индивидуальностью и с другими закономерностями общественного и литературного развития.

Стиль писателя формируется под решающим воздействием содержания, метода и мировоззрения.

Стиль отдельно взятых произведений А. Аджаматова является одним из проявлений стилевого развития всего творчества писателя в целом и соответствует специфическим задачам, которые стоят перед писателем и отражают его мировоззрение, его художественную мысль, его метод и индивидуальные особенности.

По отношению к содержанию и форме произведения стиль является объединяющим элементом.

Содержание и форма выделяются в ходе анализа литературного художественного произведения как его внутренние и внешние стороны.

Форма и содержание произведения связаны между собой ступенчато:

1) внешняя звучащая организация речи (ритм, рифма, интонация, инструментовка, метр) – форма по отношению к внутреннему художественному смыслу, значению этой речи;

2) художественный смысл, значение речи – форма по отношению к сюжету произведения;

3) сюжет произведения – форма по отношению к характерам и обстоятельствам;

4) характеры и обстоятельства – форма по отношению к художественной идее произведения.

Таким образом, стиль писателя – совокупность различных художественных приемов, объединяющих и организующих художественную форму и ее содержание: идейность, образы, характеры, обстоятельства, жанр, тематику, композицию и стилистику.

По мнению Я. Эльсберга, стиль выражает собой единство и цельность формы художественного произведения, всех элементов этой формы: языка, жанра, композиции, ритма, интонации и т. д. [6. С. 94].

В конкретном проявлении стилевые особенности художественного произведения – различные приемы или средства (композиционные, стилистические, звукоинтонационные и т. д.), которые для конкретизации, подчеркивания, характеристики того или иного элемента повествования (состояние персонажей, описание, авторская речь, лирические отступления, повторения слов или элементов сюжета, так как приемы (средства) – это отдельные компоненты внутренней связи всех элементов художественной структуры произведения.

Необходимо обозначить также отношение стиля к поэтике. Термин «поэтика» – один из старейших терминов литературоведения, содержания которого менялось: в античную эпоху термин «поэтика» включал в себя учение о художественной литературе вообще [4. С. 343].

В настоящее время этот термин значительно сузил свое содержание и под поэтикой стали понимать систему художественных средств (образную структуру, композицию, сюжет, поэтическую речь). Следовательно, стиль писателя можно условно подразделить на средства поэтики и стилистики.

Приступая к рассмотрению художественно-стилевых особенностей А. Аджаматова, мы делаем особый акцент на поэтике как разделе литературоведения, изучающем три особенности словесных произведений – структуру произведения (композицию), выразительные средства и их идейно-эстетические функции.

Художественно стилевые средства в творчестве Аткая – это различные поэтико-изобразительные элементы, имеющие глубокую экспрессию и семантику, способствующие точной передаче идеи автора, яркой характеристике изображаемых явлений.

В основном стиль Аткая – это его стремления полнее использовать тончайшие оттенки значений, способов и приемов выразительности и изобразительности.

Как отмечает известный литературовед А. Н. Гвоздев, основная задача поэтики и стилистики по отношению к художественному творчеству заключается в том, чтобы найти единственно нужное стилистическое или поэтическое средство.

Стиль художественной речи имеет своей целью создание средствами поэтики и стилистики художественные образы, в связи с чем в нем активно используются различные приемы, средства и экспрессивно-эмоциональные элементы стилистики [7. С. 206].

Для стиля Аткая характерно использование наиболее распространенных приемов поэтики и обычных общеупотребительных слов, создающих в речи героев простоту и обычность изложения. Стиль художественного произведения выступает в нем, как форма художественной мысли, познающей действительность, воплощающий идеал, созидающий художественный мир писателя.

Идейность – это выражение отношения автора к изображаемому, соотнесению изображаемого с утверждаемыми писателями идеалами жизни и человека.

Идейно-художественные особенности стиля писателя неразделимы, они взаимосвязаны, здесь одно вытекает из другого, одно определяется другим и направлено на реалистическое изображение действительности с целью правильного воспитания мыслей и чувств молодого поколения.

В творчестве А. Аджаматова основными мотивами являются героико-романтический (повесть «Мен окьтеммен» («Я горжусь»)), созидательный труд и защита родины. Значительный психологический интерес представляют образы положительных и отрицательных героев. Хорошо показана эволюция образов Зайналабида и его матери.

В этой повести действуют реальные исторические фигуры (Зайналабид Батырмурзаев, его семья и друзья-соратники). Образы отрицательных героев построены несколько схематично, в определенной степени они обезличены.

Характерной особенностью композиции прозаических произведений А. Аткая, как и других писателей, является завязка – начало противоречия (конфликта), составляющего основу сюжета, т.е. исходный момент, эпизод, определяющий последующее развертывание действия художественного произведения. Завязка произведения подразделяется на некоторые группы:

а) указывающие на время событий;

б) на место событий.

В повести «Я горжусь» завязка произведения начинается словами матери Зайналабида, которая рассказывает о своем сыне: «Хвалить своего сына у кумыков не принято. Мужа еще можно похвалить после его смерти. Я могла бы и не хвалить своего сына, если бы он принадлежал только мне одной. Но он принадлежит не только мне» [1. С. 57].

Особый прием художественного стиля Аткая – это выбор названия. И название, выбранное Аткаем, как нельзя лучше подходит к конкретному произведению, отражает его суть.

О названии повести «Я горжусь» мы уже говорили, поэтому рассмотрим название повести «В Кумыкской степи». В этой повести автор рисует жизнь кумыкского села, расположенного на равнине. Герои, изображаемые Аткаем, типичны и реалистичны, они живут заботами страны, мечтают о скорейшей победе над врагом и продолжают самоотверженно трудиться каждый на своем участке. Название «В Кумыкской степи» является наиболее оптимальным вариантом из всех возможных. Точно так же можно сказать и о других произведениях Аткая: «Тар тавдан эркин тюзге» («Из тесных гор на широкую равнину»), «Жагьилликге чапгъын» («Атака против невежества»), «Игитни агьлюсю» («Семья героя») и т.д. [5. С. 259].

Одной из сторон стиля Аткая является любовь его героев к своей стране, к своему народу, к родному селу. Это выражается в повестях автора различными путями.

Одним из художественно-стилевых приемов является указание времени событий. Этот прием применяется Аткаем довольно часто. Можно даже сказать, что данный прием является характерной чертой стиля автора. В повести «Я горжусь» указание времени события прослеживается почти в каждом эпизоде, которых насчитывается более четырнадцати. В некоторых случаях время событий указывается в хронологическом виде с указанием года, месяца и дней. Данный прием применяется автором для того, чтобы усилить в произведении элемент реальности, правдоподобности, документальности. Эта черта наиболее характерна именно вышеотмеченной повести, так как в этом произведении описываются реальные события и реальные лица.

В других случаях указание на время событий носит относительный характер, в этих случаях конкретное время не указывается и синтаксические обороты с элементами, указывающими на время, имеют свой своеобразный строй.

Следовательно, можно этот прием указания времени события подразделять на две части: 1) прием указания конкретного времени; 2) прием указания обобщенного, неконкретного, художественного времени.

Для повести «В Кумыкской степи» более конкретным является прием указания неконкретного времени:

а) в первой главе повести: «*Когда уехал Хайрулла, Девлетгерей, возвращаясь с фермы, зашел к Халисат*», «*Прошла еще одна зима*»; «*Хотя сегодня и первое сентября, жара лета еще чувствуется*»;

б) во второй главе: «*Когда Хайрулла вошел в кабинет первого секретаря райкома, из кабинета вышел Идрис*». «*Однажды вечером, когда он, задумавшись, сидел на диване, дверь полуоткрылась*» [2. С. 21].

Активно используется Аткаем прием указания места события. Причем и этот прием подразделить на три группы: а) прием конкретного указания места; б) прием неконкретного указания места; в) прием указания направления действия и т. д.

В повести «Я горжусь» приемы указания места разнообразны, они уточняют и придают большую выразительность авторской речи: 1) прием указания направления действия или события: «*Он пришел в Аксай со своим отрядом позже всех остальных в селении*»; 2) прием указания исхода действия: «*Надо сказать правду. В родном селе у него было больше врагов, чем в других*» [1. С. 91].

Своеобразным стилевым приемом Аткая является прием использования изречений: афоризмов, пословиц и поговорок, – оказывающий действенную помощь в формировании и развитии темы конкретного произведения. Изречения могут стоять в начале, середине и в конце произведения.

Прием использования изречений – это как бы своего рода моральный тезис, который раскрывается в сюжете произведения. Моральный намек (пословица, поговорка, афоризм) дает оценку поведения того или иного героя, того или иного события. Моральный тезис высказывается или автором, или же главными героями. В этих изречениях высказывается отношение самих героев к себе, окружающим и тем событиям, в которых они принимают участие, а также отношение автора к своим персонажам.

Особенно активно использует Аткай прием изречений в повести «Я горжусь». После завязки, главный герой повести – мать Зайналабида, от имени которой ведется повествование, начинает свой рассказ с поговорки: *Шогъар гере шо эсги яраны сыйпай турагъан кююм бола. Айып этмегиз, яшлар: «Янгъан сейлер, янгъындагъы тынглар»*. «Поэтому иногда я поглаживаю старые раны. Простите, дети: «Говорит тот, у кого наболело, а кто рядом – слушает» [3. С. 176].

Герой повести вместо того, чтобы развернуто обосновать или объяснить необходимость своего рассказа, приводит афоризм, образное выражение, емкое по содержанию, которое доступно раскрывает душу героя, его настрой.

Таким образом, мы можем сказать, что Аткаю свойственно умение создавать настроение у читателя, умение построить сюжет, умение найти то слово или сочетание слов, которые точно и зримо передавали бы обстановку состояния героя.

Аткай Аджаматов был самобытным мастером художественного слова, и поэтому его наследие – это благодатный материал для осмысления эстетической, этической и нравственной сокровищницы кумыкского народа.

Творчество Аткая богато разнообразием художественно-стилевых приемов: прием указания времени, прием указания исхода действий, прием вопросов прямых и риторических, прием восклицания, прием поэтизации обыденного, прием критического отношения к действительности, прием провоцирования воображения, прием использования изречений, прием эпистолярного обращения, прием сравнения, прием диалогической речи, прием пейзажа, прием эпитета.

Все характерные, определяющие приметы эпохи, с ее противоречиями, поисками, страданиями, радостями и тревогами за судьбу своего народа, отражаются в стиле Аткая Аджаматова.

Аткай как прозаик занимал одну из ключевых позиций в литературном процессе многоязычного Дагестана и Северного Кавказа.

Книги прозы Аткая – яркий образец его неповторимого вклада в сокровищницу национальной культуры XX столетия.

Литература

1. Аткай. Я горжусь // Моя звезда. Махачкала, 1944. 91 с.

2. Аткай. В Кумыкской степи. Махачкала, 1960. 259 с.

3. Ахмедов С. Х. Художественная проза народов Дагестана. Махачкала, 1996. 176 с.

4. Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979. 343 с.

5. Назаревич А. Ф. Об авторе этой книги // В Кумыкской степи. Махачкала, 1960. С. 3-5.

6. Соколов А. Н. Теория стиля. М., 1968. 94 с.

7. Храпченко Н. Б. О развитии проблем поэтики и стилистики. М., 1961. 206 с.

References

1. Atkay. I'm proud. *Moya zvezda* [My star]. Makhachkala, 1944. 91 p. (In Russian)

2. Atkay. *V Kumykskoy stepi* [In Kumyk steppes]. Makhachkala, 1960. 259 p. (In Russian)

3. Akhmedov S. Kh. *Khudozhestvennaya proza narodov Dagestana* [Fiction of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, 1996. 176 p. (In Russian)

4. Grigoryev V. P. Poetics of the word. M., 1979. 343 p. (In Russian)

5. Nazarevich A. F. *Ob avtore etoy knigi* [The author of this book]. In the Kumyk steppes. Makhachkala, 1960. Pp. 3-5. (In Russian)

6. Sokolov A. N. The theory of style. M., 1968. 94 p. (In Russian)

7. Khrapchenko N. B. *O razvitii problem poetiki i stilistiki* [The development of poetic and stylistic problems]. M., 1961. 206 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Пахрутдинова Рагимат Умакаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: ragimat15@mail.ru

Принята в печать 12.07.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Ragimat U. Pakhrutdinova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Literature, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: ragimat15 @mail.ru

Received 12.07.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 82/ UDC 82

К вопросу о неоднозначности оценок и противоречиях в трактовке образа Дон Кихота в «Вечных спутниках» Д. С. Мережковского

©2016 **Сафарли Л. Ш.**
Бакинский славянский университет,
Баку, Азербайджан; e-mail: abbasova_xalida@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье отмечается, что в русской советской литературе первые интерпретации сюжета о легендарном ламанчском рыцаре появляются еще в первой половине 1920-х годов. Сложными и противоречивыми, соответственно, оказались и трактовки образа Дон Кихота. Д. С. Мережковский, А. В. Луначарский, Ф. К. Сологуб, А. П. Платонов, М. А. Булгаков и другие поэты и писатели в указанный исторический период явились первыми участниками широкого диалога по узловым проблемам «Русского донкихотства». Автор приходит к выводу, что работа Д. Мережковского в научно-теоретическом отношении ценна тем, что представляет собой первый опытный, но ответственный образец трансформации донкихотовских ситуаций на русской почве на рубеже XIX-XX веков. В то же время в статье отмечается, что эта работа переполнена чередой противоречивых и глубоко индивидуальных подходов к оценке ситуаций, резко отличающихся от проверенных положений некоторых ученых.

Ключевые слова: роман, особенности, характер, семья, общество

Формат цитирования: Сафарли Л. Ш. К вопросу о неоднозначности оценок и противоречиях в трактовке образа Дон Кихота в «Вечных спутниках» Д. С. Мережковского // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 93-99.

The Problem of the Challenges in Estimating and Contradictions in the Interpretation of Don Quixote's Image in "Eternal Companions" by D. S. Merezhkovsky

©2016 **Leyla Sh. Safarli**
Baku Slavic University,
Baku, Azerbaijan; e-mail: abbasova_xalida@mail.ru

ABSTRACT. The author of the article that the first interpretation of the story of the legendary knight of La Mancha appeared in Russian Soviet literature in the first half of the 1920s. The interpretations of image of Don Quixote were also complex and contradictory. D. S. Merezhkovsky, A. V. Lunacharsky, F. K. Sologub, A. P. Platonov, M. A. Bulgakov and other poets and writers of that historical period were the first participants in a broad dialogue on key issues of "Russian Quixotship". So, the author comes to conclusion, that D. Merezhkovsky's work is valuable from scientific and theoretical point of view because it is the first prototype and a responsible pattern of Don Quixote situations, their transformation on Russian soil at the turn of the 19-20th centuries. At the same time, the article notes that this work is filled with a turn of controversial and deeply personal approaches to the assessment of the situation. These approaches differ from the tested provisions of some scientists.

Keywords: novel, features, character, family, society.

For citation: Safarli L. Sh. The Problem of the Challenges in Estimating and Contradictions in the Interpretation of Don Quixote's Image in "Eternal Companions" by D. S. Merezhkovsky. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 93-99. (In Russian)

В русской советской литературе первые интерпретации сюжета о легендарном ламанчском рыцаре появляются в первой половине 1920-х годов. Послереволюционное искусство чаще характеризовалось сосуществованием разнонаправленных идеологических тенденций: активного разрушения и пафосного созидания. В духовном сознании человека тех лет крайние формы радикализма или либерализма сочетались с попытками трезвого, научно-критического анализа происходящих в России событий. Известно, что результаты победившей революции вызывали также противоречивые оценки. Особую актуальность приобрел вопрос о судьбе идеалов свободы, равенства, братства и независимости в обществе, воссоздающем новую жизнь на принципиально иных нравственно-духовных основах.

Критик Н. Иванова подметила, что обновляющийся мир, рождавшийся в муках социального и эстетического переустройства, представляет собой «огромный послереволюционный диспут, в котором ставятся крупнейшие философские и политические проблемы; обсуждаются и коренные, судьбоносные вопросы народного бытия, и злободневные, чуть ли не газетные новости» [1. С. 554].

Сложными и противоречивыми, соответственно, оказались и трактовки образа Дон-Кихота. Д. С. Мережковский, А. В. Луначарский, Ф. К. Сологуб, А. П. Платонов, М. А. Булгаков и другие поэты и писатели в указанный исторический период явились первыми участниками широкого диалога по узловым проблемам «Русского донкихотства». Однозначно, на наш взгляд, можно лишь утверждать, что классический сюжет о Дон Кихоте с б**о**льшим или меньшим успехом, но активно вписался в современную эпоху, точнее, предстал как художественная данность, константа, позволяющая ассоциативно соотнести поэтические и прозаические образцы прошлого с

настоящим. И потому немаловажно подчеркнуть, что в постреволюционную эпоху русские версии Дон Кихота с триумфом прошествовали в творчестве многих писателей.

Бессмертный образ оказался в центре внимания малоисследованной в азербайджанской филологической науке монографии Д. С. Мережковского «Вечные спутники». Заслугой автора, по нашему предположению, является настойчивый поиск аналогии между сюжетной интригой на приключенческой основе непосредственно и нравственно-философским наполнением образа Дон Кихота. Учитывая тот факт, что Д. С. Мережковский был одним из первых и ярких представителей «мистического реализма» в русской литературе 1920-х годов, он во многом изначально отталкивался от мифологического прообраза человека, в котором живой и пытливый ум удивительным образом сочетался с несуразностью его поведения и неразборчивыми связями с окружающими. Так, в лице Д. С. Мережковского и родилась гипотеза, которая легла в основу «Вечных спутников». Рыцарь из Ламанчи несет собой мистическое добро и благоденствие, тем не менее определяя своими поступками схоластические формы духовной культуры. Донкихотство при всей неоднозначности оценок превращается в философское понятие, как трамплин для научных дискуссий в литературной критике тех лет.

Центральные идеи, изложенные в этой книге, нельзя искусственно отрывать от его прежней работы («Дон Кихот», 1887 г.), в которой Д. С. Мережковский отнес главного героя к разряду «великих безумцев, пророков и поэтов». Последнее десятилетие XIX века, как известно, было периодом развития символизма в России. Д. С. Мережковский примкнул к этому направлению, но его мировидение еще не было осложнено богоискательскими мотивами. В интересующей нас монографии эти мотивы почти сведены на нет, и автор в основном придерживается классических формулировок. То есть, русский Дон Кихот – такой же открытый, добросердечный и наивный. Однако он перестал видеться жалким в своем безумстве, и это первостепенно.

Что же нового привнес в литературоведение Д. С. Мережковский этой работой? Поначалу обозначим в нашей статье те черты, которые, по нашему мнению, свидетельствуют об относительной последовательности его взглядов. Представляется, что он вполне корректно подходит к соотношению реального и вымышленного (ирреального) в исконном произведении. Великое творение Сервантеса представляет собой тот исключительный случай, когда сюжет не превалирует над композицией и вообще не играет доминирующей роли в верной расстановке главных оттенков характера. Действительно, по точному предположению Д. С. Мережковского, здесь нет особой сюжетной интриги, отсутствует узел в последовательно развивающемся действии. Вместе с тем имеется сквозное и почти неизменное положение, на которое, как на ось романа Сервантеса, «нанизываются мелочи жизни». Потому и само содержание «Дон Кихота» пересказывать практически невозможно.

Одной из серьезных и относительно новаторских удач в русской литературе конца XIX – начала XX веков следует также считать предельно ясное определение природы двойственности сознания Дон Кихота. Д. Мережковский, разумеется, не закрывая глаза на бесцельность походов подлинного Дон Кихота, тем не менее, не проходит мимо проницательности как одной из важных и определяющих черт его характера. Именно дальновидность, как предполагал автор «Вечных спутников», прославляет испанского рыцаря на века.

Он пишет: «Есть идеи, образы, великие для этой эпохи, когда они родились, но мало-помалу теряющие свою жизненность, подверженные дряхлости и умиранию; они засыпаются наслоениями последующих цивилизаций и исчезают в них, как развалины древних городов в недрах земли. Есть другие образы, жизнь которых связана с жизнью всего человечества; они поднимаются и растут вместе с ним – это не мертвые развалины, а вечно живые деревья, которые растут вместе с уровнем земли» [2. С. 68-69].

Однако, как нам представляется, и противоречий у Д. С. Мережковского оказалось немало. С одной стороны, он помещает его в революционную среду, что, по зрелому размышлению, естественно и понятно. Следовательно, и действовать по элементарной логике вещей он должен как реформатор. А с другой стороны, автор определенно подчеркивает, что умопомра-

чение Дон Кихота, вызванное беспрецедентным в истории мировой литературы чтением рыцарских романов, нельзя считать существенным признаком его нелепых выходок. Иными словами, в революционной деятельности он ему отказывает полностью, так что Дон Кихот оказывается в настоящей среде чужеродным привеском. Более того, автор настоящего труда даже настаивает на том, что на фоне ярких проблесков разума, читатели и критики всех времен и народов, пожалуй, сталкиваются с его сумасшествием лишь в качестве второстепенного фактора динамики сюжета и композиции. Конечно, многое в деятельности испанского Дон Кихота следует объективно отнести на счет его умственного расстройства. Но нельзя все его действия без дополнительных комментариев по принципу оппозиции сводить только к реальному помешательству. Справедливости ради скажем, что аналогично смотрели на его похождения многие русские поэты и писатели до XX века. Но из общего контекста анализируемой монографии это никак не вытекает.

Д. С. Мережковский лишь подступился к вопросу, что все иные точки зрения, которые существуют по данной проблеме в теории литературоведения, приведут к перекосу замысла Сервантеса. Вслед за автором «Вечных спутников» мы также однозначно считаем, что идейное содержание романа существенно исказится, если сумасшествие центрального героя возводить в некий абсолют. В таком случае бессмертный литературный типаж элементарно огрубеет, превратится в пустую и бесцельную карикатуру, а горькая ирония и сатира, увы, – в простое и никчемное издевательство над больным и несчастным человеком. Но Д. С. Мережковский, чрезмерно увлекаясь философствованием и мистицизмом, пожалуй, не заметил одной существенной художественной детали: эффект от эстетического воздействия романа Сервантеса тем более будет нивелирован.

Внимательно вчитываясь в соответствующий раздел книги (а она, напоминаем, не вся посвящена Дон Кихоту), Д. С. Мережковской в своей трактовке в принципе далеко не расходится с традиционным взглядом В. Г. Белинского на человеке, потерявшем «такт действительности». Но он явно отклоняется от реалистической и, надеемся, более точной интерпретации критика-демократа, так как проходит мимо тех революционных идей, которые трансформированы из романа Сервантеса на русскую почву. В то же время Д. Мережковский однозначно полагает, что в своих мимолетных прозрениях Дон Кихот всегда рассуждал здраво. И это подмечено совершенно точно, так как текст подлинника романа не дает в этом усомниться. Но при этом усиленно манифестируемые поэтом-символистом *прозорливость* и *мудрость* как важные характерологические признаки героя имеют специфические особенности. В первую очередь, они, по словам автора, отождествляются с «умеренной рассудочностью». В частности, показано, как ведет себя Дон Кихот в конце романа, незадолго до своей кончины. Возле него столпились вельможи, лакеи, слуги и служанки, чиновники, солдаты, благородные дамы и агенты инквизиционных судов в Испании. Они вперемежку очень громко кричат, спорят, даже готовы перерезать глотки друг другу из-за такого пустяка, как пропажа ослиного седла и желание вновь обрести его. Намеренное использование Сервантесом художественного приема литоты подготавливает сниженный антураж в виде проклятого «ослиного седла» к усилению иронии со стороны автора. Однако эта сцена в действительности полна драматизма. Ее в ряду других эпизодов и выделяет Д. С. Мережковский, желая ярче оттенить своевременные и притом мудрые советы Дон Кихота. «Вся гостиница была сплошным плачем, стоном, криком, с ужасами, беспорядком, несчастием, с ударами копий и палок, с затрещинами и подножками, с ранами и кровопролитием. Дон Кихот поднимается, громовым голосом заглушает крики, останавливает и успокаивает всех. У этого безумца оказалось больше здравого смысла, чем у разумных людей» [6. С. 477]. Итак, среди возникшей вакханалии весьма уважаемых в городе людей звучит его властный и утихомиривающий собравшихся голос: «Клянусь именем Бога всемогущего, это позорно и чудовищно, что столько благородных гидальго, сколько их здесь собралось, готовятся перебить друг друга из-за такого ничтожного повода» [6. С. 478].

Более того, Д. С. Мережковский считает, что некоторые люди, которые больше всех и с откровенно ядовитой язвительностью издеваются над его сумасбродством или

даже клянут за неудачные клоунские проделки, сами повреждены в уме. И это замечание соответствует истине. Вспомним строки из романа, где Сервантес скорбно подмечает: «Кто знает, может быть, насмешники были так же безумны, как те, над которыми они смеялись, и герцог с герцогиней были меньше, чем на волос от явной глупости, так как они тратили столько усилий, чтобы выпутить двух глупцов» [6. С. 413]. Однако глас вопиющего в пустыне, как мы хорошо знаем из текста, тонет в общей массе. Никто к нему всерьез не прислушивается.

Действительно, глубокий и не до конца осознанный в европейской литературе смысл сатиры Сервантеса заключается в том, что нравственное превосходство Дон Кихота, к сожалению, пропадает бесцельно, не принося людям радости и практической пользы. Более того, оно обращается в проклятие и для него самого лишь по той причине, что не соответствует его умственным способностям.

Однако, многократно манифестируя эту мысль, Д. С. Мережковский впадает в другую крайность. Как талантливый писатель-символист, он зорко подметил, что Сервантес почти в каждой сцене нелепых столкновений с людьми самых разных классов и сословий Испании исподволь мотивирует бездумные поступки героя нравственно-подвижническими идеями. Между тем авторский вывод об одномерном схоластическом мышлении Дон Кихота, на наш взгляд, оказывается чересчур скоропалительным.

Неоднозначность оценок Д. С. Мережковского под данным углом зрения сказалась прежде всего в том, что он весьма легковерно переводит морально – нравственный аспект в область хитросплетений различных и порою слабо взаимосвязанных между собою элементов схоластической системы? Вероятно, оттого, что русские символисты упорно старались видеть в средневековых мистиках одну из главенствующих форм отражения собственной религиозной философии. Кстати сказать, возможно, этим объясняется усиленное внимание Д. С. Мережковского к Франциску Ассизскому и Святой Терезе Авильской, с жизнью которых, по Сервантесу, отчасти были связаны похождения несчастного рыцаря. Причем любопытно, что с именем Терезы Авильской связана мистико-аллегорическая любовь Дон Кихота. Это, собственно говоря, и позволило Мережковскому протянуть нить от донкихотства к донжуанству. Он пишет о том, что покровительница Дон Кихота содействовала открытому проявлению «рыцарства любви небесной и любви земной», сливающихся в единое целое – в безумную преданность невозможной мечте, в «Небесное рыцарство» [2. С. 79].

Далее, вводя героя в «круг широкой образованности своего века», автор фиксирует, что герой обладает поистине «энциклопедическими познаниями». Не расходясь с текстом в отдельных художественных деталях, он подробно, к примеру, перечисляет знакомство героя с космографическими теориями Птоломея, историческими трудами Плиния и других. В своих многочисленных беседах с Санчо Пансой он нередко выступает в роли подлинного гуманиста, умного, грамотного и осведомленного военного стратега, выказывая свои «филологические тонкости словопроизводства» при цитировании юридических трактатов и постановлений «отцов церкви», а также «Цицерона, Вергилия, Горация и других античных писателей». Словом, Дон Кихот предстает перед читателями человеком, который вмещает в себя широкие познания в области древней и современной ему истории, что в целом не расходится с намерениями самого Сервантеса. Однако несколькими строками ниже Д.С. Мережковский заявляет, что «по умственному развитию Дон Кихот не поднимается выше среднего уровня» [2. С. 118].

Автор полагает, что актуальность, острота и дальновидность замысла должным образом не оценены самим Сервантесом. Быть может, это дань скромности, но, скорее всего, общая недооценка в ряду некоторых других произведений, принадлежащих его перу. Чтобы это доказать, русский критик прибегает к хрестоматийному приему сопоставления. На одном полюсе у него находятся юношеская поэма «Галатея» и последующая «Персилес и Сигизмунд», которые он по праву называет «посредственными»; на другом – остроумная сатира на «смешные и вредные стороны рыцарской литературы». Последнее подметили и по достоинству высоко оценили еще испанские современники Сервантеса. Однако парадокс в том, что эти поэмы автором ставились выше главного труда всей его

жизни. По научным изысканиям Д. С. Мережковского получалось, что автор «почти стыдился гениального «Дон Кихота», говорил о нем скромно и робко, как о незначительном, шутливом произведении» [2. С. 64]. Вместе с тем он непомерно возвеличивал значение названных поэм.

Русский писатель явно уклоняется от дискуссии по данному вопросу, тем самым, как представляется, сознательно уходит от разъяснения читателю истинного источника смеха и драматизма. В итоге Мережковский, выставляя напоказ субъективные суждения, как видим, запутывается в собственных хитросплетениях, уже в самом начале допуская сомнительное предположение о том, что роман Сервантеса якобы «недорог самому автору», потому как «мало связан с бессознательной глубиной его творческого вдохновения». Одним словом, не разобрался великий испанский реформатор в том, что создал, «левой рукой писал о похождениях рыцаря, а правой разрушал созданное». Подобное мнение свидетельствует, на наш взгляд, о беглом и несколько поверхностном взгляде Д. С. Мережковского на предмет истории создания «Дон Кихота».

Далее, вызывают наше явное недоумение разночтения в трактовке Санчо Пансы. В первых разделах работы автор указывает, что слуга-оруженосец – это «преданный сын римско-католической церкви», «искренний монархист и убежденный консерватор»; вскоре выясняется, что он, напротив, является демократически настроенным губернатором острова, и в его лице показана откровенная и сильная в художественном отношении сатира на тогдашнюю власть. Затем Мережковский безапелляционно называет Санчо авантюристом, обладающим таким цельным и в основе своей завершенным мировидением, которое позволяет ему в многочисленных пословицах и прибаутках отразить живое и деятельное народное самосознание. Но тут же, опровергая самого себя, он пишет, что в главный замысел Сервантеса в качестве первостепенной задачи входило осмеяние шутовства и глупости помощника Дон Кихота. Именно последнее, по заверению писателя, явилось объектом сатирического отображения «главного недостатка народа: бездействия, лени, неподвижности ума» [2. С. 126].

Однако работа «Вечные спутники» в целом дала благодатные ростки новым интерпретациям донкихотовских ситуаций. Ими умело воспользовались в своем творчестве некоторые поэты и писатели, имена которых мы привели в начале нашей статьи.

Итак, можно прийти к выводу, что монография Д. Мережковского в научно-теоретическом отношении ценна тем, что здесь дан глубоко индивидуальный подход к оценке образов и ситуаций в романе, а также образец трансформации донкихотовских ситуаций на русской почве на рубеже XIX-XX веков.

Литература

1. Иванова Н. Мучения революции / Н. Иванова. «Чевенгур» А. П. Платонова. Тула: Книжное издательство, 1989. С. 542-557.

2. Мережковский Д. С. Вечные спутники. М.: Наука, 2007. 319 с.

3. Мережковский Д. С. Дон Кихот / Д. С. Мережковский. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1912. Т. 15. С. 86-88.

4. Мережковский Д. Дон Кихот и Санчо Панса // Северный вестник. 1889. № 8. С. 1-19.

5. Мережковский Д. Дон Кихот и Санчо Панса // Северный вестник. 1889. № 9. С. 21-41.

6. Сервантес Мигель де Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Баку: Гянджлик, 1987. 536 с.

References

1. Ivanova N. *Mucheniya revolyutsii* [Torments of Revolution] / N. Ivanova. "Chevengur" by A. P. Platonov. Tula, Book Publishing, 1989. Pp.542-557. (In Russian)

2. Merezhkovsky D. S. *Vechnye sputniki* [Eternal Companions]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 319 p. (In Russian)

3. Merezhkovsky D. S. Don Quixote. Complete set of works. Saint Petersburg; Moscow, 1912. Vol. 15. Pp. 86-88. (In Russian)

4. Merezhkovsky D. Don Quixote and Sancho Panza. Northern Bulletin. 1889. No. 8. Pp. 1-19. (In Russian)

5. Merezhkovsky D. Don Quixote and Sancho Panza. Northern Bulletin. 1889 No. 9. Pp. 21-41. (In Russian)

6. Servantes Miguel de Saavedra. The Ingenious Hidalgo Don Quixote de la Mancha. Baku, Ganjlik Publ., 1987. 536 p. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Сафарли Лейла Шамиль гызы, докторант, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан; e-mail: abbasova_xalida@mail.ru

Принята в печать 12.07.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Leyla Sh. Safarli, Doctotral candidate, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan; e-mail: abbasova_xalida@mail.ru

Received 12.07.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 81 / UDC 81

Животноводческая лексика каратинского языка

©2016 **Халидова Р. Ш.**
Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия; e-mail: rashi-dr@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье дан краткий анализ животноводческой лексики бесписьменного каратинского языка, входящего в аваро-андо-цезскую группу дагестанских языков. Выделены лексико-тематические группы и подгруппы крупного и мелкого рогатого скота, дана детальная дифференциация семантических признаков домашних животных, которая позволила обнаружить специфичность их состава (пол, возраст, видовая классификация, приплод). В некоторых случаях при сопоставлении приводится лексический материал из близкородственных языков аваро-андийской группы.

Ключевые слова: каратинский язык, терминология, животноводческая лексика, крупный рогатый скот, домашние животные и птица, масть животных, половозрастная группа.

Формат цитирования: Халидова Р. Ш. Животноводческая лексика каратинского языка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 99-104.

The Livestock Vocabulary of the Karata Language

©2016 **Rashidat Sh. Khalidova**
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia; e-mail: rashi-dr@mail.ru

ABSTRACT. The author of the article gives a brief analysis of the livestock vocabulary of the nonliterate Karata language, a member of the Avar-Andy-Tsez group of the Dagestan languages. She singles out lexical-thematic groups and sub-groups of the large and small cattle, gives a detailed differentiation of semantic signs of domestic animals, which allowed to detect the specificity of their composition (gender, age, species classification, the offspring). In some cases during comparison the lexical material from closely related languages of the Avar-Andian group is given.

Keywords: the Karata language, terminology, vocabulary, livestock vocabulare, large cattle, domestic animals and poultry, the suit of the animals, gender and age group.

For citation: Khalidova R. Sh. The Livestock Vocabulary of the Karata Language. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 99-104. (In Russian)

Введение

В последние десятилетия в дагестанском языкознании большое внимание уделяется изучению отраслевой терминологии как письменных, так и бесписьменных языков. Лексика каратинского языка (КЯ) практи-

чески мало изучена. Единственным научным изданием является «Каратинско-русский словарь» [4]. Животноводческая лексика, представленная в диалектах и говорах КЯ, в целом оставалась вне поля зрения исследователей, хотя она представляет самый древний и устойчивый пласт лексики аваро-андийских языков.

Названия животных и связанные с ними лексические корреляты в КЯ представляют довольно большую группу среди тематических разрядов отраслевой лексики.

Общеизвестно, что лексика постоянно претерпевает изменения и служит богатейшим материалом, свидетельствующим о развитии конкретного языка, о связях и контактах между носителями как родственных, так и неродственных языков. В этом плане проблема изучения отраслевой лексики КЯ и его диалекта и говоров, по которым практически отсутствуют письменные памятники, особо актуальна.

В данной статье предпринята попытка систематизировать и классифицировать лексику животноводства по лексико-тематическим группам.

Языковым материалом для статьи послужили извлечения из словарей [2-5], а также полевой материал, собранный автором во время поездок в селения Карата, Тукита, Арчо, Анчих Ахвахского района Республики Дагестан, в которых проживают носители диалектов и говоров каратинского языка.

Основные положения

Животный мир располагает сравнительно богатой и разнообразной терминологией. Здесь представлена лексика, в которой заложены характеристики животного мира: пол, возраст и дополнительная характеристика. А признак вида имеет различные лексемы: *ригьа- бецIцIур* «мелкий рогатый скот», *хIван* «крупный рогатый скот», *хIван-бецIцIур* «крупный и мелкий рогатый скот», *болъон* «свинья», *гIугIуча-хъутIа* «птица», *пера* «пчела» и др. А общее наименование *бецIцIур* означает 1) домашняя живность, 2) имущество, состояние, богатство.

В названиях домашних животных отмечено много лексем исконного происхождения. Вместе с тем встречается несколько слов, усвоенных из аварского, персидского и тюркских языков. Многие названия домашних и диких животных в КЯ восходят к общеаваро-андо-цезскому и общедагестанскому хронологическим уровням.

Наименования домашних животных в КЯ можно группировать на следующие семантические виды: видовые и собирательные названия домашних животных и птиц. Выделенная животноводческая лексика объединяется в несколько лексико-тематические группы и семантические подгруппы. При этом значительное место в тематических группах занимают названия мелкого и крупного рогатого скота. Незначительна лексика, связанная с названиями вьючных животных, термины собаководства.

В КЯ имеются разные названия для обозначения видовой и групповой совокупности животных и птиц. Обобщающее собирательное понятие «мелкий и крупный рогатый скот» передают следующие слова: *бецIцIур // хIван-бецIцIур // ригьа-бецIцIур*. Собственно каратинских слов, обозначающих совокупность видов животных, немного: *рехьетI* «стадо коров, быков», *риъвар* «стадо овец», *нухъе* «стая птиц»

Родовым наименованием для обозначения мелкого рогатого скота в КЯ используется термин *ригьа-бецIцIур*, представленный во всех аваро-андо-цезских языках и усвоенный каратинским и другими андийскими языками из аварского, ср. в аварском *боцIцIи* [6. С. 19].

Мелкий рогатый скот по групповому признаку дифференцируется на: *ригьай* «гурты овец», *релъбаххуб ригьа-бецIцIур* «яловый мелкий рогатый скот», *митис-ригьа* «овцы тушинской породы», *рихъурилI-ригьа* «мелкий рогатый скот мясистой породы», *гIарсахъди:* 1) маленькие худые ягнята 2) *перен.* маленькие дети, *риъвар* «отара овец».

Родовым названием для крупного рогатого скота служит термин *хIван*, который практически представлен во всех дагестанских языках; он заимствован из арабского языка. Кроме него, совокупное групповое наименование выражают следующие слова: *рехьетI* «стадо коров и быков», *хIван-бецIIур* «крупный и мелкий рогатый скот», *кьардоб зини-бецIцIур* «дойный крупный рогатый скот», *лъарагI хIван* «плоскостная порода крупного рогатого скота», *лъарагI зини* «плоскостная порода коровы» и т. д.

Птицы обозначаются названием *гIугIуча-щакибо*, а домашние птицы – тер-

мином *гIугIуча-хъутIа* (букв. «курица-петух»), стая птиц – *нухъе.*

Вьючные животные в КЯ не имеют совокупного обобщающего наименования, и их видовое понятие передается композитом *хьване-ичва* «лошади» (букв. «кобыла-конь»).

Мелкий рогатый скот подразделяется на овец и коз, различающихся в зависимости от пола, возраста, внешних признаков, упитанности, породы, масти и т. д. Основными видовыми названиями представителей мелкого рогатого скота являются «коза» – в карат. *цIцIеналIо*; тук. *цIцIинолIу,* и «овца» – в карат. *ригьа*, тук. *чахъу.* Здесь интересно отметить, в тук. *чахъу* заимствование из аварского языка, т.к. тукитинцы ближе к селению Местерух, жители которого являются носителями аварского литературного языка. Эти термины воспринимаются и как названия взрослых самок.

Отметим, что мелкий рогатый скот по групповому признаку подразделяется на несколько подгрупп: овцы белошерстной породы в карат. *гьацIаб мигьилI ригьа*, тук. *гьацIа чахъу*; овцы черношерстной породы: в карат. *бечIетIироб мигьилI тайпа*, тук. *бачIидаб чахъу.*; овцы тушинской породы в карат. *туш тайпалI ригьа*, тук. *туши тайпалIи чахъу*; каракулевая порода в карат. *бухаритайпалI ригьа*; мериносы в карат. *митис тайпалI ригьа*, тук. *митистайпалIи чахъу.*

Лексическое значение каждого наименования домашнего животного семантически можно представить: 1) взрослое животное; 2) самка; 3) детеныш. По термину можно определить возраст домашнего животного, количество окотов у самок.

В названии козленка не наблюдается особых различий: карат. *цIIикIер*, тук. *цIцIинолIу балъа.* Пол козленка обозначается с помощью самостоятельных словопределителей *гьаркIIоб* – «самка», «женский» и *кунтIаб* – «самец», «мужской». Годовалый козел именуется в карат. *хIоргиц.* В других андийских языках такое понятие не встречается. А козел с одного года и больше называется в диалектах КЯ *тIука* (ср. в аварском литер. *дегIен*). Козел старше двух лет называется в карат. *кIелаб тIука*, старше трех лет – *лъIабда решинолI тIука* (в карат.), *лъабилI тIука* (тук.). Старше четырех лет – *боъода решинолI тIука* (карат.). И далее, соответственно, по количеству лет животного.

Название ягненка в каратинском диалекте *кьидер*, тук. *цIири,* а годовалый козел – *хIоргиц* (в переносном смысле это понятие употребляют по отношению к человеку, который еще не совсем окреп физически). Следующая стадия в развитии мелкого рогатого скота, т.е. до полутора лет именуется словом *бегьа.* Лексема *кьидер* передает общее название ягненка для самца и самки (овцы) до трех месяцев.

Во взрослой жизни самца барана называют а^{н}*лъе // ку*^{н}*й* «баран-производитель», а самца козла - *гва*^{н}*зе* «козел-производитель». Названия животных зависят и от размеров ушей – «безухая овца» в говорах именуется в карат. *гIа*^{н}*гиц ригьа*, в тук. *гIангиссе чахъу.*

В рассматриваемых диалектах и говорах КЯ для обозначения теленка до года используется термин *лъедер.* Годовалый теленок до двух лет в карат. и тук. *чIара*, корова в карат. *зини.* Бычок с одного до двух лет – *гъайчIа.* Бычок с двух до трех лет – *бугъа*, лишь после трех лет и далее употребляется термин *у*^{н}*са.*

В основном в горах разводят местную породу овец, приспособленную к условиям края и отличающуюся длинной шерстью *(герчоб мигьилI ригьа)* и большим курдюком (*мигъа гьеркIам ригьа*). Козы тоже подпадают под общее название *ригьай* «овцы», однако при уточнении имеют отдельные наименования *ригьай* «овцы», а *цIцIеналIо* «козы».

По наличию или отсутствию, по длине и форме рогов выделяют животное, у которого нет рогов (*гъвала)*, безрогую козу (*гъвала цIцIеналIо)*, козу с крутыми рогами называют в карат. *букьIиби идйаб цIIеналIо;* откормленная коза имеет название *бещаб цIIеналIо // бихъвалъа ихьвачоб цIIеналIо*, а тощий худой баран именуется в карат. *гIарсахъ.*

В КЯ существует название для бодливого животного *хвабхвабоб* «бодливое». Как компонент сложного слова *хвабхвадоб* прибавляется к названиям крупного рогатого скота, а для мелкого рогатого скота – *гIанхъи гедоб.* Бодливая коза: *гIанхъи гедоб цIцIеналIо*, бодливая корова – *хвабхвадоб зини.*

По физическому состоянию животных можно подразделить на несколько тематических групп. Термин яловые животные (*релъбаххуб)* применяется в КЯ в первую очередь по отношению к крупному и мелкому рогатому скоту. Например,

релъбаххуб зини (яловая корова), *релъбаххуб ригьа* (яловая овца). А для неоягнившейся овцы есть специальное наименование *гьаркIIин.*

Вторую группу составляют животные с физическими отклонениями: карат. *гIадалоб цIIеналIо* «глупая коза», *гIадалоб ригьа // бегьа // гиргиш* «глупая овца». Но по отношению к КРС *гIадалоб* неприменимо.

Для горцев овечья шерсть была жизненной необходимостью, из нее шили матрасы, ткали паласы, ковры, делали бурки для чабанов. Естественно, в терминологии есть понятие *къеречIоб ригьа* «нестриженая овца» и *къероб ригьа* «стриженая овца», а само слово *мигьи* означает «шерсть».

Ввиду того что основным занятием жителей было разведение крупного рогатого скота, в языке представлены названия коров и быков по половозрастным признакам.

В дагестанских языках в названии *коровы* встречается не тот корень, который в аварском языке *гIак*а. Например, «корова» в карат. *зини,* в ахвах. *жиᴴво, жйони, жун,* тинд. *зини,* чамал. *зини,* багул. *зин,* ботл. *зини,* годоб. *зини,* анд. *зиву,* цез. *зийаг* хварш. *зина,* рутул. *зер,* цахур. *зер,* крыз. *зар,* будух. *зар* и т. д.» [5. С. 153]. Можно предположить, что он более древний, чем *гIака* в аварском.

Коров различают также по размеру вымени: *гьеркIам ихьулI зини* «корова с большим выменем», *микIоб ихьулI зини* «корова с маленьким выменем». Ряд названий обозначает понятия беременности и отела коровы: *къеноб зини* «корова, которая должна отелиться», *келъоб зини* «отелившаяся корова», *къардоб зини* «дойная корова», *бекъуб зини* «корова, не дающая молоко» (букв. высохшая корова). Названия животных по масти образуются описательным способом, например, «рыжая корова» – *чароб зини,* «пятнистая» – *кIоркIоб.* А есть еще понятие о корове, которая с пастбища не возвращается – *каъа бигъидоб зини* (букв. наверху остающаяся корова). Коровы часто жуют, и это явление обозначается термином *раххващудоб зини* (в переносном смысле термин употребляется по отношению к человеку, который постоянно что-то жует). *Хвабдоб // хвабхвадоб зини* «бодливая корова», *минарто кIкIобдоб зини* «лягающаяся корова».

Видовым названием быка является *уᴴса,* в тук. *уᴴса* – это пахотный бык; опытный, обученный для пахоты бык передается описательным названием – *бекьидоб уᴴса,* в тук. – *уᴴса, ругьуначIоб уᴴса* «не приученный к тягловым работам бык». Крупный рогатый скот, который подлежит резанию или продаже осенью, т. е. до наступления зимних холодов определяют в отдельное стадо. Такой скот именуется *бихъвалъа ихьвачоб бецIцIур; букв.* «скотина, которая подлежит убою». Встречаются наименования рекьIа *бучанйа бихъудоб хIван // уᴴса* «животное, которое забивают во время похорон», *къурбана бихъудоб хIван* «жертвенное животное», *бертинва уᴴса* «свадебный бык», *къассабилI хIван* «скотина, которую забивают на мясо для строго определенного количества людей».

Из вьючных животных в хозяйственной жизни носителей КЯ наиболее распространенными были осел, мул и лошадь. Видовым названием для лошади в каратинском диалекте служит лексема *хьване* «лошадь, конь», в тук. *гIибчва* «лошадь», *хьони* «конь». Для верховой езды и тяжелых сельскохозяйственных работ в горах используются и мулы – *гIурцIина.* Для жеребенка есть слово *тай,* которое встречается и в близкородственных андийских языках.

К вьючным животным, часто используемым в сельской местности, относится осел, в карат. *гIама,* в тук. *хIамар,* есть понятие «кастрированный осел» – *чIиᴴйом гIама* (букв. избитый осел).

Название домашнего животного «кошка» передается в КЯ словом *иссо,* в тук. *кету, ицику* (в карат. ицико служит для подзывания кошки). Здесь необходимо отметить, что в аварском языке оно передается как *кето.* И можно предположить, что данное название заимствовано из индоевропейских языков (ср. латинский *catta,* немецкий *katze,* литовский *kate,* русский *кот,* арамейский *kete,* арабский *qitt,* турецкий *kedi*) [5. С. 153], поэтому трудно определить происхождение данного слова в КЯ.

Название собаки в карат. *хвай,* в тук. *гьой,* в авар. лит. *гьой.* Здесь можно дать небольшую этимологическую справку. Многие дагестанские языки сохранили исконную основу в разных фонетических вариациях. Начальные *гьв, хв* признано считать рефлексами краткого спиранта *х,* сохранившегося без изменения в большинстве андийских языков, а также в даргинском и лезгинском яхыках. Переход исторического *х* в *гь* характерен для тиндинского, багулальского, каратинского и аварско-

го языков [5. С. 159]. Щенок от рождения до года именуется *кIу^{н}цIцIе.*

В каратинском языке для обозначения масти собаки первым компонентом выступают адъективы, а вторым – название собаки. Собака белой масти в карат. *гьацIаб хвай*, серой масти собака – *ххолоб хвай* и т. д. Встречается понятие *биччоб хвай* «мокрая собака». Выражение *биччоб хвайаъогал* используется как фразеологизм и означает «человек, не вызывающий доверия, как и мокрая собака». Собак определяют по нраву и по их назначению: «сердитая злая собака» *бикьIоб хвай;* «бешеная собака» *тIардоб хвай* (*букв.* кидающаяся собака). А по назначению различаются: «пастушеская собака» *ихьващуб хвай*; «охотничья собака» *чанаар бедоб хвай*; «домашняя собака» (но по религиозным убеждениям собаку дома, т. е. в комнате, не держат) *миса цIи^{н}доб хвай* (букв. собака, стерегущая дом).

Подспорьем для содержания семьи из домашних птиц в горах в основном являются куры, общим названием которых служит понятие *гIугIуча-хъутIа.*

Как замечено, в КЯ понятия «пастух и чабан» передаются *ихьва*, но для уточнения вида животных, которых он пасет, к слову присоединяется соответствующее видовое название животных: «пастух для КРС» в карат. *зинйал ихьва*, в тук. *ихьва бечIел* (т. е. пастух всех видов скотины)*;* тук. *ихьва ригьел,* в карат. *ригьайл ихьва* «чабан».

Для всех видов животных зимнее помещение («хлев») называется термином *бекье* во всех говорах. В зависимости от вида животных, для которых он предназначается, к нему присоединяется видовое название животного.

Заключение

Многие лексемы животноводческой терминологии со временем стали применяться безотносительно к обозначаемым реалиям и употребляться как идиоматические выражения, тем самым обогащая словарный состав КЯ. Например, у каратинцев, как у многих народов Дагестана, количество поголовья скота ассоциировалось с благосостоянием семьи, поэтому на основе значения слова *бецIцIур* «коровы, быки, овцы, бараны» развились лексемы «имущество», «состояние», «богатство», «товар», которые со временем стали выражаться и безотносительно к поголовью скота. В этом значении лексема *бецIцIур* входит в многочисленные словосочетания, фразеологические выражения, пословицы и поговорки, ср. *бецIцIурйа хирхир бакIвалъа* «копить богатство», *баркат гьачIоб бецIцIур* «нетрудовым способом нажитое добро», *бецIцIур бит1ов* «везучий», *бецIцIур беъунч1ов* «ненасытный, алчный» и т. д.

В целом животноводческая лексика КЯ отличается от других близкородственных андийских языков. Для последующего исследования остаются вопросы происхождения данной терминологической лексики и определения структуры лексем, а также освещение земледельческой и растительной терминологической лексики КЯ.

Литература

1. Абулайсова Н. А. Животноводческая лексика северного и южного диалектов ахвахского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010. 21 с.

2. Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики. М.: Восточная литература, 2003.

3. Комри Б., Халилов М. Ш. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа: сопоставление основной лексики. Лейпциг-Махачкала: Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, 2010. 898 с.

4. Магомедова П. Т., Халидова Р. Ш. Каратинско-русский словарь. СПб.: SKRIPTORIUM, 2001. 480 с.

5. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков (СИЛДЯ) / Отв. ред. проф. Г. Б. Муркелинский. М.: Наука, 1971. 295 с.

6. Халидова Р. Ш. Аварско-андийские языковые контакты. Махачкала, 2006. 255 с.

7. Халидова Р. Ш. Собственно-каратинский лексический фонд // Актуальные вопросы общего и кавказского языкознания. Махачкала, 2010.

8. Халидова Р. Ш. Морфологические особенности диалектов каратинского языка // Андийские языки среди языков народов Дагестана. Махачкала, 2011.

9. Халидова Р.Ш. Тукитинский язык или диалект // Кавказские языки. Лейпциг, Институт эволюционной антропологии, 13-15.05. 2011. http: // www.eva.mpg. de/lingua/conferens/ 2011 caucasianlancuages/index. html (дата обращения: 14.05.2016)

References

1. Abulaysova N. A. *Zhivotnovodcheskaya leksika severnogo i yuzhnogo dialektov akhvakhskogo yazyka* [Livestock vocabulary of northern and southern dialects of the Akhvakh language]. Abstract. Diss. ... Ph. D. (Philology). Makhachkala, 2010. 21 p. (In Russian)

2. Klimov G. A., Khalilov M. Sh. Dictionary of the Caucasian languages: a comparison of the basic vocabulary. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ.,, 2003. (In Russian)

3. Comrie B., Khalilov M. Sh. Dictionary of the languages and dialects of the peoples of the North Caucasus: a comparison in terms of the basic vocabulary. Leipzig / Makhachkala, Max Planck Institute of Eevolutionary Anthropology, 2010. 898 p. (In Russian)

4. Magomedova P. T., Khalidova R. Sh. Karata-Russian dictionary. Saint Petersburg, SKRIPTORIUM Publ., 2001. 480 p. (In Russian)

5. The comparative historical vocabulary of the Dagestan languages (CHDDL) / Ed. by Prof. G. B. Murkelinsky. Moscow, Nauka Publ., 1971. 295 p. (In Russian)

6. Khalidova R. Sh. *Avarsko-andiyskie yazykovye kontakty* [The Avar-Andy linguistic contacts]. Makhachkala, 2006. 255 p. (In Russian)

7. Khalidova R. Sh. Actual Karata lexical fund. T *Aktual'nye voprosy obshchego i kavkazskogo yazykoznaniya* [Topical issues of General and Caucasian linguistics]. Makhachkala, 2010. (In Russian)

8. Khalidova R. Sh. Morphological features of the dialects of the Karata language. *Andiyskie yazyki sredi yazykov narodov Dagestana* [The Andy languages among the languages of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, 2011. (In Russian)

9. Khalidova R. Sh. *Tukitinskiy yazyk ili dialekt* [The Tukita is a language or a dialect]. Languages of the Caucasus. Leipzig, Institute of Evolutionary Anthropology, 13-15.05. 2011. http://www.eva.mpg.de/lingua/conferens/ 2011caucasian lancuages/index. html (accessed: 14.05.2016)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Халидова Рашидат Шахрудиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе филологического факультета, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: rashi-dr@mail.ru

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Rashidat Sh. Khalidova, Doctor of Philology, professor, the chair of Theory and Methods of Teaching Russian and Literature, Philological faculty, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: rashi-dr@mail.ru

Принята в печать 20.08.2016 г.

Received 20.08.2016.

Филологические науки / Philological Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 821.161 / UDC 821.161

«Искусство видеть мир»: М. Пришвин о литературном труде

©2016 Чамсединова Г. Ш.
Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия; e-mail: chamsedinova@yandex.ru

РЕЗЮМЕ. Статья посвящена отражению взглядов М. Пришвина на творческий процесс в целом и раскрытию некоторых жанровых и стилистических особенностей его дневниковой прозы, характерной особенностью которой является сочетание личностно-субъективного, импрессионистического восприятия мира с чутким взглядом художника-натуралиста.

Ключевые слова: философия творчества, художник, искусство, мир, природа и человек, литературный процесс, современность, идея.

Формат цитирования: Чамсединова Г. Ш. «Искусство видеть мир»: М. Пришвин о литературном труде // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 104-108.

"The Art of Seeing the World": M. Prishvin on the Literary Work

©2016 Gyulnara Sh. Chamsedinova
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: chamsedinova@yandex.ru

ABSTRACT. The author of the article studies M. Prishvin's views on the creative process in general and the disclosure of certain genre and stylistic features of his diary prose, a characteristic feature of which is combination of personal, subjective, impressionistic perception of the world with an artist-naturalist's sensitive eye.

Keywords: philosophy of creation, artist, art, world, nature and human, literary process, modernity, idea.

For citation: Chamsedinova G. Sh. "The Art of Seeing the World": M. Prishvin on the Literary Work. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 104-108. (In Russian)

М. Пришвин – писатель, оригинальный мыслитель, считается современным литературоведением одним из неисследованных писателей минувшего века. Ранее не изданные дневники, превышающие в несколько раз объем его художественных произведений, раскрывают новые грани творческого дарования писателя, неизвестны до сих пор факты из самой жизни и сведения, позволяющие нам выявить отношение писателя к событиям, происходящим в стране в 20-50 гг. XX века.

В эпоху большевизма и тоталитаризма писателю удивительным образом удавалось быть аполитичным и оставаться самим собой. Он не пытается что-либо изменить в жизни и в самой литературе, а только хочет увидеть мир, понять и расшифровать его. Рассуждая об искушении художника слова перед злободневными проблемами современности в послереволюционные годы, писатель говорит о той ответственности, которая стоит перед ним, о том, что история может впоследствии не простить громких возгласов и неосторожного вмешательства в жизнь. «Есть вещи в государственном управлении, к которым нельзя приспособиться писателю, потому что эти вещи есть «временные меры». Приспособление писателя к современности есть требование времени, но если писатель приспособляется и к «временным мерам», то начинают протестовать даже сами администраторы» [5]. Он подкрадывался к правде жизни с осторожностью, не гремя ударами в барабан, а тихо следуя простым жизненным истинам. Через обыденное, привычное постигал сложные процессы социальной жизни и глубину человеческой природы.

В самые трудные, противоречивые моменты своей судьбы Пришвин всегда находит ту «соломинку», которая спасает его душу, уходит в свои «этажи леса, «глаза земли», степи и поля… В книге «Календарь природы» писатель утверждает, что главной задачей для него является доподлинное, правдивое отражение жизни независимо от познающего субъекта: «Мир существует и без человека. Больше всех это должен знать художник, и непременное условие его творчества забываться так, чтобы верилось в существование вещей живых и мертвых без себя» [7. С. 109]. «Мудрость человека, – отмечает писатель, – состоит в искусстве пользоваться одной маленькой паузой жизни, на какое-то мгновение надо уметь представить, что и без тебя идет та же самая жизнь. После того, взглянув в такую-то жизнь без себя, надо вернуться к себе и, затаив паузу, делать свое обычное дело в обществе. Где же ты был? – спрашивают мудреца. А он чуть-чуть улыбается и ничего не говорит. Он был там, где жизнь течет без его участия, сама по себе. Да, забыться на мгновение и опять встретить жизнь, какой она была без тебя» [7. С. 121].

Еще в 20-е годы, когда существовало множество различных объединений, претендующих на первенство в литературном процессе, Пришвин примкнул в группировке «Перевал», которая ориентировалась на классические традиции русской литературы. Возглавлял группу А. Воронский, обозначивший в ряде статей («Искусство

как познание жизни», «Искусство видеть мир») свои позиции в отношении задач литературы. Многие истины А. Воронского стали для Пришвина некими постулатами, которыми он руководствовался на протяжении всей своей творческой деятельности: «Тайна искусства – в воспроизведении самых первоначальных и непосредственных ощущений и впечатлений. Увидеть мир, прекрасный сам по себе, так, чтобы чувствовать «природы жаркие объятья», мир во всей его свежести и непосредственности» [1. С. 538]. Пришвинское восприятие жизни созвучно со многими утверждениями Воронского, который призывал художника слова не выдумывать прекрасное, а находить его в действительности «особым своим чутьем». Пришвин родился с особым чутьем и проникновенным сердцем, с особенной восприимчивостью и неподдельной любовью ко всему живому на земле. Чтобы проникнуться, разделить с ним чувство красоты, нужно, прежде всего, иметь отзывчивое сердце.

Писал он, как диктовало его внутреннее сознание, не стремился оформить свою прозу в классические рамки: «Я один из тех странных русских писателей, которые искусство свое мерят самой жизнью» [6. С. 143]. Одной из особенностей таланта писателя является способность передать ощущение безмерной полноты жизни. Создавая очерки, рассказы, повести, романы, он превращался в глубокого мыслителя, философа, «жизнетворца». На всем его творчестве лежит печать дневниковости, лично пережитого. Писатель и сам признавался, что почти все им написанное основано на непосредственных впечатлениях и что подобное пишется легко и свободно, а значит, нужно «меньше сочинять».

Задачей искусства М. Пришвин считал познание мира посредством изображения отдельных его явлений, показывая в каждом из них проявление общих закономерностей. Пришвина-художника всегда вдохновляла «колумбовая страсть к открытиям, к творчеству, к нахождению красоты в самых обыкновенных явлениях жизни» [3. С. 18], как очень верно подметил один из первых исследователей его творчества Замошкин Н. И. В нем была великая потребность открывателя тайн. Пришвин считал, что природа таит в себе великое множество этих тайн, и человек никогда до конца не сможет их раскрыть, а может лишь приблизиться. А это возможно, лишь научившись читать ее (природы) неписаную книгу, находить родственные с ней связи.

Пришвина всегда привлекала малая форма – поэтические миниатюры. Он на ходу схватывает искорки жизни, боясь пропустить что-то очень важное. Некоторые исследователи пытались в этом уловить отголоски «серебряного века». «Всякое истинное творчество было и будет всегда символично…» [5] – полагал писатель, но для него подобная особенность не является какой-то идеей, это внутренняя стройность души, это данность от природы.

Известно, что Пришвин всегда имел при себе записную книжку и любил записывать все на ходу, непосредственно: шелест осеннего слетающего с дерева листа, порхание бабочки, перепевы птиц, журчание ручья… И каждый раз все по-новому. Несложно здесь заметить традицию В.В.Розанова, которого писатель считал своим учителем и чьей прозе характерна фрагментарность, отражение мгновения, запечатление неуловимых движений души, мига… («Опавшие листья», «Уединенное»). «Эта капля – это проходящее мгновение действительности, всегда оно правда, но не всегда верной бывает заключающая ее форма: сердце не ошибается, но мысль должна успеть оформиться, пока еще сердце не успеет остыть. Чуть опоздал – и потом не можешь понять, хорошо написано или плохо» [4. С. 432] .

Акцентирующей особенностью творческого метода М. Пришвина является лирическая насыщенность. «Каждое сказанное Пришвиным слово как бы имеет свой особенный запах, цвет и вкус» [2. С. 63], – так характеризует его прозу И. С. Соколов-Микитов. А А. М. Ремизов отметил, что в общении с природой Пришвин нашел свое слово «гремящее, как лесной ключ, сверкающее, как озимые росы» [2. С. 65]. Более того, слагаемые его таланта – знание и любовь к родному языку, легкий, непосредственный стиль, ориентация на лучшие традиции русской классики – наполнены светлым, радостным ощущением жизни, одухотворены.

По дневниковым материалам в разное время были созданы книги «Календарь природы», «Лесная капель», «Глаза земли», в которых очевидно своеобразие пришвинского мастерства, основой которого

является сочетание импрессионистического восприятия окружающего мира с особой натурфилософией. Чутье наблюдателя-натуралиста и глубокого мыслителя-философа направляет перо писателя к афористической традиции, так как «потребности личностно-субъективного философически-нравственного претворения моментов, «капель» действительности и мысли художника» в полной мере отвечает афоризм» [8. С. 35], являющийся одним из важных принципов его прозы.

«Лесная капель» была определена самим писателем как собрание дневниковых записей-миниатюр. Книга строится из фрагментов, эпизодов, в заголовки которых вынесено определяющее слово-образ или символ: «Песня воды», «Первый цветок», «Дорога», «Свет капелек» и др. Прозаические миниатюры необыкновенно поэтичны и насыщены выразительными авторскими наблюдениями. Читая их, не можешь оставаться равнодушным ко всему, что окружает тебя: завораживают и притаившиеся в ночи кусты, и первый шум лесного ручейка ранней весной, и звон «лесной капели», и запах ночной фиалки… Всего в одной фразе Пришвин сумел передать радость при виде первого цветка (миниатюра «Первый цветок»): «Думал, в глазах это порябило, а это показался первый цветок». Все это оставляет след на страницах пришвинской прозы только в том случае, если рождают в художнике движение души и мысль… Он утверждал, что тайна леса откроется лишь для того, кто сумеет почувствовать к его обитателям «родственное внимание». Писатель воспевает жизнь, возвышая ее перед самим искусством, понимая в то же время, что человек может обновить и приукрасить ее своей деятельностью.

В книге «Глаза земли», признанная вершиной творчества писателя («Дорога к другу», «Раздумья», «Зеркало человека») Пришвин вновь прибегает к миниатюрам, которые связаны внутренним ненавязчивым сюжетом. В ней отразилось все многообразие философской и художественной мысли писателя. Каждая строчка, фраза и даже слово несет в себе огромную смысловую нагрузку, погружая в атмосферу таинства природы. Читая Пришвина, понимаешь, с какой любовью и целомудренным вниманием ко всему живому переполнена его душа. Он предстает перед нами философом, писателем, поэтом, ученым-биологом, географом, и каждый находит в нем свою правду. «Я пишу для тех, кто чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни и страдает, что сам не в силах схватить их» [4. С. 432], – писал автор в своем дневнике. В его творениях удивительным образом сплетаются тонкий натурализм и глубокая философия, современное и архаическое.

В основу искусства Пришвин кладет отзывчивость сердца, живость и верность правде жизни. Эти приоритеты и являются отличительной чертой его прозы.

Литература

1. Воронский А. Искусство видеть мир. Статьи. М., 1987. 704 с.

2. Воспоминания о М. Пришвине. Сб. / Сост. Я. З. Гришина, Л. А. Рязанова. М., 1991. 418 с.

3. Зотов И. А. Человек и природа в творчестве М. Пришвина. М., 1982. 80 с.

4. Пришвин М. М. Дневники. 1914-1917. Книга первая. М., 1991. 608 с.

5. Пришвин М. Искушение художника. http:// ruslit.traumlibrary.net/ (дата доступа: 15.05.2016)

6. Пришвин М. М. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1986. 762 с.

7. Пришвин М. Родники Берендея. М., 2004. 124 с.

8. Семенова С. Г. «Жизнь, пробивающая себе путь к вечности...»: Михаил Пришвин – мыслитель // Человек. 2000. № 6. С. 134-147.

References

1. Voronsky A. *Iskusstvo videt' mir* [The art of seeing the world]. Articles. Moscow, 1987. 704 p. (In Russian)

2. Memories about M. Prishvin. Coll. / Comp. by Ya. Z. Grishina, L. A. Ryazanova. Moscow, 1991. 418 p. (In Russian)

3. Zotov I. A. *Chelovek i priroda v tvorchestve M. Prishvina* [Human and nature in M. Prishvin's creativity]. Moscow, 1982. 80 p. (In Russian)

4. Prishvin M. M. Diaries. 1914-1917. Book I. Moscow, 1991. 608 p. (In Russian)

5. Prishvin M. *Iskushenie khudozhnika* [Temptation of the artist]. http:// ruslit.traumlibrary.net/ (accessed: 15.05.2016)

6. Prishvin M. M. Coll. ed. in 8 volumes. Vol. 8. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1986. 762 p. (In Russian)

7. Prishvin M. *Rodniki Berendeya* [The springs of Berendey]. Moscow, 2004. 124 p. (In Russian)

8. Semenova S. G. *«Zhizn', probivayushchaya sebe put' k vechnosti...»: Mikhail Prishvin – myslitel'* ["Life, punching its way to eternity...": Mikhail Prishvin, a thinker]. Human. 2000. No. 6. Pp. 134-147. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Чамсединова Гюльнара Шугабутдиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, ДГПУ, г. Махачкала, Россия; e-mail: chamsedinova@yandex.ru

Принята в печать 15.07.2016 г.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Gyulnara Sh. Chamsedinova, Ph. D. (Philology), assistant professor, the chair of Literature, DSPU, Makhachkala, Russia; e-mail: chamsedinova@yandex.ru

Received 15.07.2016.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Экономические науки / Economical Sciences
Оригинальная статья / Original Article
УДК 339.138 / UDC 339.138

Способы продвижения товаров и услуг в сети Интернет

©2016 **Меджидов Г. С.**
Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия; e-mail: gairbek@yahoo.com

РЕЗЮМЕ. В данной статье рассмотрены основные способы продвижения товаров и услуг с помощью Интернета (SEO, контекстная реклама, SMM, продакт плейсмент), обозначены их положительные и отрицательные стороны, приведены данные для подбора социальной сети как платформы доступа к целевой аудитории при продвижении с помощью социальных сетей.

Ключевые слова: способы продвижения в Интернете, SEO, SMM, контекстная реклама.

Формат цитирования: Меджидов Г. С. Способы продвижения товаров и услуг в сети Интернет // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 10. № 3. 2016. С. 109-113.

The Ways of Promoting Goods and Services via Internet

©2016 **Gairbek S. Medzhidov**
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia; e-mail: gairbek@yahoo.com

ABSTACT The author of the article considers the main ways of promoting the products and services via the Internet (SEO, Contextual advertising, SMM, product placement). He indicates their positive and negative aspects, and gives the data for selection of the social network as an access platform to the target audience when promoting through social networks.

Keywords: ways of promoting via Internet, SEO, SMM, Contextual advertising

For citation: Medzhidov G. S. The Ways of Promoting Goods and Services via Internet. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. Vol. 10. No. 3. 2016. Pp. 109-113. (In Russian)

Так как Интернет является совершенно новой коммуникационной средой в отличие от традиционных средств, то чаще всего многие методы и средства традиционного маркетинга не находят применения в их текущей форме. Если в обычной модели маркетинга используется пассивная модель, нисходящая на потребителя, то продвижение товаров и услуг в Интернете – это более специализированное направление, где все может происходить наоборот.

Продвижением товаров и услуг можно назвать любую форму сообщений, поставляющую информацию, способы убеждения, методы напоминания о товарах, услугах, общественной деятельности, проводимой организацией, мероприятиях и разных идеях и т. д.

Благодаря Интернету появляется возможность осуществлять взаимодействие между поставщиками и потребителями, в связи с чем потребители сами выступают в роли поставщиков своих интересов, запросов и информации о себе. После рассмотрения модели, использующей традиционные средства для рекламы, оказывалось,

что Интернет позволяет потенциальным покупателям не выступать как пассивная аудитория, а принимать решения самостоятельно, следует ли знакомиться с определенной рекламной информацией [1. С. 23].

Так как Интернет с самого момента своего зарождения стал использоваться как канал распространения товаров, то уже имеется большое количество видов рекламы и способов продвижения, к основным из которых можно отнести поисковую оптимизацию, контекстную рекламу, рекламу в социальных сетях, баннерную рекламу и продакт плейсмент.

Поисковая оптимизация или Search Engine Optimization – это вывод сайта в верхние позиции выдачи в поисковых системах. Чтобы найти товар, пользователь проходит путь от ввода ключей и интересующих их запросов в Google, Яндекс или другой поисковик, а затем из представленных результатов выбирает товар или услугу. Если продвигаемый сайт будет находиться на первых позициях, то шанс перехода на него гораздо выше. Данный вид рекламы чаще всего является более эффективным по стоимости привлечения пользователей и клиентов.

Работа этого способа заключается в доработке страницы или сайта компании, благодаря которой он поднимется в выдаче поисковых систем. Для этого необходимо прибегнуть к комплексу мер, которые делятся на две группы: внешняя и внутренняя оптимизация сайта. Внешняя состоит в увеличении ссылочной массы, то есть ссылок на данный сайт с других проверенных сайтов, что учитывается всеми поисковыми системами при построении выдачи. К внутренним можно отнести работу над контентом, усовершенствование структуры сайта и т.д.

Главные преимущества этого вида рекламы заключаются в:

– широком охвате аудитории, ведь большинство пользователей сети находит информацию об интересуемых товарах или услугах из результатов выдачи поисковой машины;

– естественности и меньшей навязчивости благодаря большему доверию к результатам поиска в сравнении с остальными распространенными видами рекламы, благодаря чему поисковая оптимизация выглядит незаметной для обычного пользователя;

– относительно недорогом привлечении пользователей на сайт;

– четкой направленности, ведь при хорошей оптимизации пользователи благодаря поиску переходят на страницы, которые более подходят к запросу и предоставляют искомую информацию.

В общем объеме текстовой рекламы SEO занимает II место, так как является обязательным и эффективным способом продвижения сайтов для брендов и компаний.

Но SEO-оптимизация имеет и недостатки, связанные с:

– большими затратами по времени, которое необходимо для получения результата – обычно уходит 1-2 месяца до попадания на первые позиции с начала работ по оптимизации по самым простым запросам, по конкурентным может занять 3-4 и больше полугода по самым популярным. Эти сроки применимы для хорошо оптимизированных сайтов;

– невозможностью прямо влиять на результаты, так как они зависят от большого количества факторов;

– большими трудностями при выводе на рынок новых товаров или услуг - пользователи не будут их искать, так как ничего не знают о товарах.

При попытке анализа эффективности, а именно отслеживании трафика могут возникнуть трудности, чтобы понять, по каким именно словам пришли из поисковика посетители, можно воспользоваться специализированными системами статистики. Лидерами в российском сегменте являются Google Analytics, Яндекс. Метрика и LiveInternet.

Контекстная реклама – это показ объявлений, основанный на соответствии рекламируемого продукта содержанию посещаемой пользователем страницы сайта. Например, зайдя на сайт, посвященный обслуживанию автомобилей, часто можно увидеть объявления о продаже запасных частей или моторных масел, что очень логично и подходит под тематику ресурса, поэтому пользователи более охотно переходят по таким объявлениям. Самыми популярными являются алгоритмы Google AdWords, Яндекс. Директ. Именно их алгоритмы отвечают за показ объявлений. Контекстную рекламу можно разделить на два вида: поисковую – на страницах поисковиков; тематическую – на сайтах-участниках рекламных сетей.

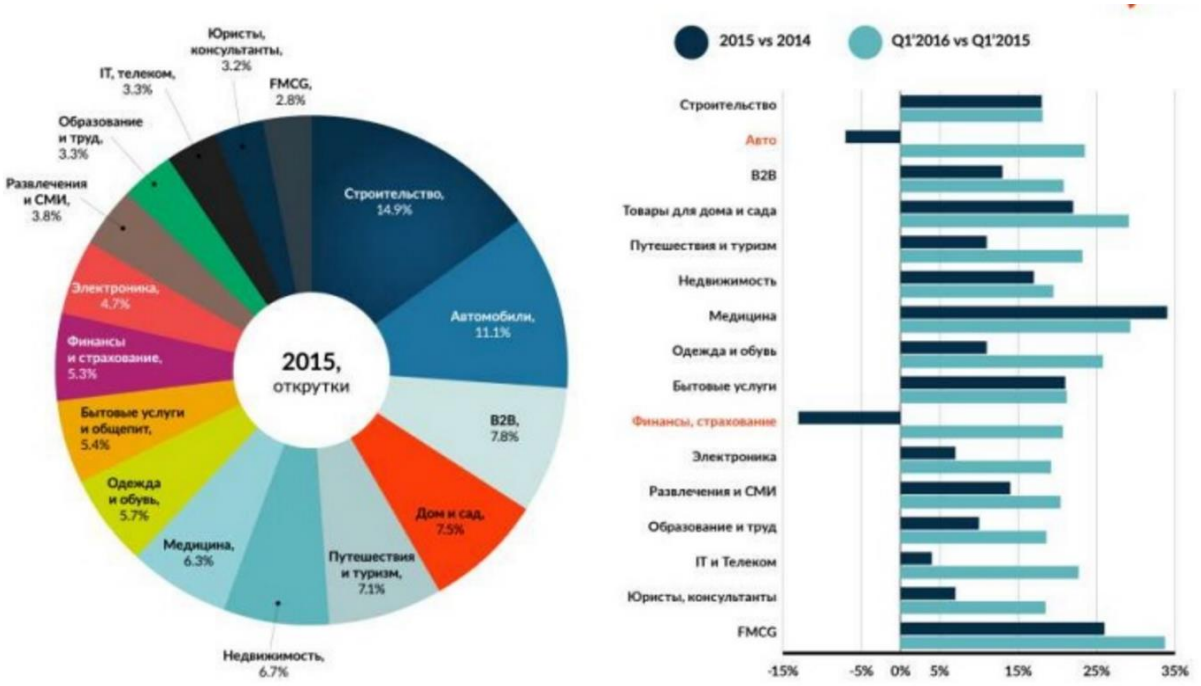

Рис. 1. Рекламные категории и их динамика. 2014-2015 гг.

Как видно из данных на рис. 1 поисковая (контекстная) реклама хорошо пережила 2015 г., и из всех рекламных категорий снижение показали только две – Авто и Финансы и страхование. Наибольшего роста в 25% за 2015 г. добилась FMGG (товары повседневного спроса), хотя еще и маленькая в абсолютном объеме, но продолжающая уверенный рост и в первом квартале 2016 года.

Главными плюсами контекстной рекламы являются:

– большое количество характеристик для настройки таргетинга, что позволяет показывать объявления целевой аудитории или людям, входящим в заранее определенную группу;

– быстрое достижение результатов – после создания объявления нет необходимости ждать, и можно сразу начать его показывать;

– удобный контроль показателей эффективности рекламы.

Данный метод также имеет свои недостатки, основным среди которых является достаточно высокая стоимость, особенно на ранних этапах, когда делаются первые замерочные объявления для проверки правильного попадания в свою целевую аудиторию и их эффективности. Отсюда следует и второй недостаток – достаточно сложно достигнуть эффективных результатов, и без наличия большого опыта может уйти немало времени на редактирование и настройку объявления. В отличие от других видов отсутствует «инерция», то есть после завершения рекламной кампании сразу же прекращаются и целевые переходы.

Проанализировать эффективность контекстной рекламы гораздо проще, ведь имеется огромное количество рекламных метрик, доступных рекламодателю, и на основании полученной с них информации можно судить об эффективности рекламной кампании по каждому объявлению. На основании количества показов, конверсий и кликов можно легко вычислить результаты.

Реклама в социальных сетях является одним из быстро растущих направлений. Если поисковые системы знают, что пользователю интересно в данный момент, то социальные сети на основе данных профиля, обсуждений, посещения других внешних сайтов, географического перемещения пользователя, реакции на предыдущие рекламные посты позволяют предполагать, что пользователю может быть интересно завтра. Современная реклама в социальных сетях делится на SMM продвижение (Social Media Marketing) и таргетированную рекламу, то есть использование социальной сети как площадки для объявлений с нацеливанием на определенную группу потенциальных клиентов.

В основе SMM продвижения лежит создание страниц брендов в разных социальных сетях, ведение сообществ, публикация

интересных материалов, общение с пользователями. Данную деятельность можно назвать работой с аудиторией для продвижения бренда компании, товаров и услуг.

Таргетированная реклама – это объявления, которые отображаются по заданным параметрам. Есть очень большое количество настроек, благодаря которым можно максимально точно найти свою целевую аудиторию. Использование этого способа хорошо подходит для продвижения новых тематик или знакомства пользователя с брендом. Ценовой диапазон может сильно варьироваться, но обычно при правильной настройке он остается на приемлемом для малого бизнеса уровне.

К сегодняшнему дню имеется уже большое количество актуальных для рекламы социальных сетей, причем особенности каждой социальной сети позволяют сразу определиться с целевой аудиторией, которую можно в ней найти:

– Facebook – более взрослая (30+), читающая аудитория. Чаще уверенные пользователи Интернета.

– ВКонтакте – самая крупная российская социальная сеть, с преобладающим количеством молодых пользователей. Самыми активными являются пользователи в возрасте 12-24 г.

– Одноклассники – активная аудитория этой сети в возрасте 25-34, также у нее большое количество пользователей старше 40 лет. 70% аудитории сети женская.

– Instagram – самая молодая сеть, но с очень большим количеством активной молодой аудитории.

Все еще пользуется популярностью медийная или баннерная реклама, принцип работы которой заключается в размещении на сайтах и форумах графической информации. Баннеры необходимо устанавливать на крупных сайтах с большой посещаемостью, для охвата большей аудитории. Графические объявления бывают статичными, так и с содержанием анимации, положительно сказывающейся на привлечении пользователей.

К преимуществам медийной рекламы относятся больший охват аудитории при ее размещении на крупных площадках, быстрое увеличение узнаваемости бренда и формирование желаемого внешнего вида организации.

Но этот способ имеет довольно большие недостатки:

– довольно низкий коэффициент кликабельности из-за практического отсутствия таргетинга;

– стоимость привлечения посетителя в итоге оказывается гораздо выше, чем у других методов;

– можно остаться без показов, благодаря популярным сегодня блокировщикам рекламы в браузерах;

– многие площадки злоупотребляют данным видом рекламы (заполняя все свободное пространство посетителей рекламой), благодаря чему у него сложился негативный имидж;

– создание эффективных баннеров стоит достаточно дорого.

Сегодня использование только медийной рекламы нецелесообразно, так как затраты на такую рекламу очень высоки и бюджет может очень разрастись. Баннеры – это хороший способ дополнительной рекламы, но не основной.

Продакт-плейсмент – еще один вид рекламы, под которым понимается реклама, скрытая в нейтральном контенте. Например, герой Сергея Безрукова весь фильм «Ирония судьбы. Продолжение» ходит в корпоративном шарфике компании «Билайн», в которой по сюжету он работает. Что касается Интернета, данный способ можно часто наблюдать в онлайн-играх, где бренды могут быть включены в игровой процесс и достаточно часто мелькать перед игроками. Такое внедрение информации о продуктах может очень положительно сказываться на имидже брендов и являться отличным средством вывода нового товара или услуги на рынок.

Специфика площадок в данном способе говорит о ряде минусов продакт-плейсмента:

– далеко не все продукты можно рекламировать таким методом из-за особенностей аудитории;

– трудно предсказывать и оценивать степень эффективности;

– есть вероятность негативного отклика аудитории.

Рассчитывать на продакт-плейсмент как на основной канал привлечения аудитории практически нет смысла, но этот способ может оказаться эффективным при выводе бренда на рынок или точном выборе целевой аудитории.

Нельзя назвать самый эффективный способ продвижения. Вид рекламы необходимо подбирать, опираясь на конкрет-

ную ситуацию. Оказаться успешным или провальным может любой из способов. Забывать о необходимости использования рекламы в комплексе тоже не стоит, ведь чаще именно благодаря такому подходу достигается наилучший эффект.

Литература

1. Афанасьева В. А. Отличительные признаки электронной торговли // Интернет-маркетинг. 2012. С. 29-32.

2. Основные виды Интернет-рекламы. https://seopult.ru/subscribe.html?id=133 (дата обращения: 14.06.2016)

References

1. Afanasyeva V. A. *Otlichitel'nye priznaki elektronnoy torgovli* [Distinguishing features of e-commerce]. Internet Marketing. 2012. Pp. 29-32. (In Russian)

2. *Osnovnye vidy internet-reklamy* [Main types of internet ads]. https://seopult.ru/subscribe.html ?id=133 (accessed 14.06.2016)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Меджидов Гаирбек Сурхаевич, аспирант кафедры экономической теории, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ), г. Махачкала, Россия; e-mail: gairbek@yahoo.com

Научный руководитель: доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории ДГПУ Н. А. Казибекова.

AUTHOR INFORMATION
Affiliation

Gairbek S. Medzhidov, postgraduate, the chair of Economic Theory, Dagestan State Pedagogical University (DSPU), Makhachkala, Russia; e-mail: gairbek@yahoo. com

Supervisor: N. A. Kazibekova, Doctor of Economics, professor, the chair of Economic Theory, DSPU.

Принята в печать 30.08.2016 г.

Received 30.08.2016.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает на рассмотрение научные статьи. Представляемые материалы должны быть оформлены в соответствии с настоящими Правилами и соответствовать тематической направленности журнала **«Известия Дагестанского государственного педагогического университета».**

Верстка журнала осуществляется с электронных копий. Используется компьютерная обработка штриховых и полутоновых (в градациях серого) рисунков. Журнал изготавливается по технологии ризографной печати.

1. Текст статьи набирается в редакторе MS Word (с расширением .doc) шрифтом "Times New Roman" через интервал 1,5 в формате А4. Поля текста стандартные. Все страницы должны быть пронумерованы.

2. За объем статьи превышающий 8 страниц предусмотрена дополнительная оплата. Перед текстом статьи указываются:

индекс УДК (информацию о классификаторе УДК см. на сайтах http://teacode.com/ online/udc/ или http://www.udcc.org/);

инициалы и фамилия авторов, название учреждения;

название статьи (на русском, англ. яз и в транслите);

аннотация статьи объемом 5-10 строк, которая не должна дублировать вводный или заключительный раздел статьи (на русском, англ. яз. и в транслите);

ключевые слова (5-6) (на русском, англ. яз. и в транслите).

3. Изложение материала должно быть ясным и по возможности кратким. Текст и остальной материал следует тщательно выверить. Рукописи, направляемые в журнал, являются оригиналом для печати и должны являться материалом, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях.

4. Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к их представлению.

5. Рисунки создаются в формате .jpg, вставляются непосредственно в текст и нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

6. В тексте статьи все формулы набираются в редакторе Microsoft Equation 3.0, таблицы – в формате MS Word. Таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица перед своим появлением должна упоминаться в тексте, например, «... (табл. 1)...».

Сокращения в надписях не допускаются.

Наличие данных, по которым строится график, диаграмма, обязательно.

В тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на иллюстративные материалы.

7. Ссылка на цитату указывается сразу после нее в квадратных скобках: сначала проставляется номер источника цитаты из пристатейного библиографического списка, затем, после запятой, номер страницы с буквой С. Например, [10. С. 81] или, если цитируемый текст переходит на следующую страницу, [10. С. 81-82]. За достоверность цитат ответственность несет автор.

8. Список литературы формируется по алфавиту. В списке литературы сначала приводится перечень работ отечественных авторов, в который также включаются работы иностранных авторов, переведенные на русский язык. Затем приводится перечень литературных источников, опубликованных на иностранных языках, в который включаются работы отечественных авторов, переведенные на иностранный язык. В список литературы не включаются неопубликованные работы и учебники. Включать в этот список собственные работы не рекомендуется. В библиографическом описании должны быть представлены все авторы. Выражения типа "и соавт.", "с соавт.", "и др." "et all" не допускаются. Автор несет ответственность за правильность данных, приведенных в пристатейном библиографическом списке.

9. Список литературы (с указанием всех авторов) дается в конце статьи по порядку номеров с подзаголовком «Литература» и оформляется согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008, (на русском, английском, транслитерация).

Перечень использованных источников должен начинаться с фамилии и инициалов автора и включать:

для книг – название, место и год издания, издательство, номер тома, страницы;

для журнальных статей – название журнала, год издания, номер тома (выпуска), страницы;

для газет – название, год, месяц, число.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

10. В конце статьи может быть указана организация (№ гранта), финансировавшая выполнение данной работы.

11. К статье прилагаются:

сведения об авторах: Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание, место работы (адрес), занимаемая должность; основные направления научных исследований; электронный адрес, контактные телефоны;

для аспирантов и соискателей – название кафедры, лаборатории, где проводится исследование, Ф.И.О. научного руководителя и его разрешение к публикации (на русском, английском, транслитерация).

12. Статья должна быть представлена (в редакционно-издательский отдел ДГПУ или электронной почтой dgpurio@yandex.ru) в электронном виде, а также в печатном варианте (в 2-х экземплярах на одной стороне листа формата А4), подписанном всеми авторами, для аспирантов и соискателей – и научным руководителем.

Решение о публикации статьи или материала принимается редколлегией журнала. При наличии замечаний к рукописи она возвращается для доработки. Редакция оставляет за собой право отправить рукописи статей на независимую экспертизу. При публикации статьи авторские права передаются редакции журнала.

Оплата статьи: рецензирование – 1000 руб., публикация для внешних авторов – 10000 руб., для сотрудников ДГПУ – 5000 руб. (до 9 страниц), если объем статьи превышает 9 страниц, то каждая последующая страница – 500 руб.

Материалы для публикации присылать по следующему адресу: 367003 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57, ДГПУ, Административный корпус, каб. 405. Редакционно-издательский отдел; e-mail: dgpurio@yandex.ru

ОБЪЯВЛЕНА ПОДПИСКА

на ЖУРНАЛ
«ИЗВЕСТИЯ ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ»
ИНДЕКС
51323 – ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ
51392 – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
31173 – ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПО ОБЪЕДИНЕННОМУ КАТАЛОГУ «ПРЕССА РОССИИ»
ИНДЕКС
38653 – ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ
38657 – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
38652 – ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Известия Дагестанского государственного педагогического университета
серия «Общественные и гуманитарные науки»
Т. 10. № 3. 2016

Редакторы: *В. А. Мусаева, Е. В. Дуброва*
Редактор английских текстов: *Е. В. Дуброва*
Компьютерная верстка: *О. А. Сулейманов*

Оригинал-макет подготовлен на базе
редакционно-издательского отдела ДГПУ

367003 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57. Редакционно-издательский отдел ДГПУ
Тел.: (8722)675187; www.dgpu.net; e-mail: dgpurio@yandex.ru

Подписано в печать 20.09.2016 г. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1633. Цена 416 руб.

Отпечатано в типографии АЛЕФ (ИП Овчинников М. А.)
367003 РД, г. Махачкала, ул. С. Стальского 50; тел. +7-988-2000164

ELSEVIER

Scopus

ASEP
Association of Science Editors and Publishers

Elsevier, The Netherlands
Scopus Content Selection Advisory Board (CSAB)
Association of Science Editors and Publishers, Russia
Russian Content Selection Advisory Board (RCSAB)

CERTIFICATE
OF ATTENDANCE

GIVEN OUT TO SCIENTIFIC PERIODICAL

Известия ДонГТУ.
Серия "Общественные и гуманитарные науки"

to confirm the attendance and presentation to the joint Scopus CSAB and Russian RCAB meeting.
At this meeting, compliance with international standards and selection criteria of the Scopus database, were discussed by experts of Scopus CSAB and Russian RCAB. This meeting took place during the 5th International Scientific and Practical Conference «World-Class Scientific Publication - 2016: Publishing Ethics, Peer-Review and Content Preparation»
(May 17, 2016 – May 20, 2016)

May 17-20, 2016

RANEPA
Moscow, Russia

C. Holland

Karen Holland
Scopus CSAB Subject Chair

ЗНАК КАЧЕСТВА
АНРИ

Olga V. Kirillova
Russian CSAB Chair, president ASEP